КОНАН
И СЛЕД ИСПОЛИНА

Annotation

Конан-наемник присоединяется к армии освобождающей Сафад, небольшой городок на юге Кофа захваченный магом по имени Усхор и попадает в странную историю, связанную с древним талисманом.

Древние служители Энкату хорошо спрятали Кольцо, тщательно в течение многих лет скрывали его с помощью защитных заклинаний. Но именно становится оно становится смертельным проклятием для одних и счастливым спасением для других.

- Питер Нейл
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая

Питер Нейл
След Исполина

Пролог

Колдун восседал на высоком троне, уперев локти в колени и придерживая подбородок вытянутыми пальцами. Его глаза, утопавшие в темных глазницах, вспыхивали и мерцали, точно молнии, наполовину скрытые мрачными грозовыми тучами.

Как обычно, на нем была черная мантия старинного покроя; по бокам от возвышения стояли медные светильники с курящимися благовониями, на стене висели массивные факелы, а на низких столиках горели небольшие масляные лампы. И все же зал казался погруженным во мрак, а воздух был наполнен запахом волшебства — ароматом клейкой смолы, ладана и рассыпавшихся от времени фолиантов.

Облаченный в черную мантию колдун молчал; и человек, который стоял перед ним в одиночестве и оттого чувствовал себя незащищенным, ощущал в этом тяжелом молчании ярость надвигающейся бури. Вспышки желтых глаз были стократ выразительнее всяких слов. Наконец тишина была нарушена.

— Ты предал меня. — Шипящий с посвистом голос мага, хотя и оставался сдержанным и спокойным, был наполнен злобой и гневом. Голос этот не создавал эха; казалось, он достигал лишь теней, отброшенных неверным огнем факелов.

— Ты предал меня, Дестан Болард, — продолжал колдун. — Несмотря на все твои напыщенные и хвастливые обещания, ты ничего не добился за три месяца службы.

Дестан Болард не смог бы возразить на такое обвинение. Но на него нахлынула волна ярости, ощущение гнева и обиды на этого проклятого некроманта, который пытается оклеветать его честь.

— Где то, ради чего я нанял тебя? — неумолимо продолжал маг. — Почему ты не нашел это, как обещал?

Болард покраснел. Разгневанный, он сделал шаг вперед, бросая вызов волшебнику и его теням.

— А ты, Усхор? — с жаром произнес он. — За эти три месяца, несмотря на свое дутое волшебство, ты так и не сумел определить, где же находится Кольцо, если не считать неясных знаков, судя по которым, его следует искать в южной части Кофа. Ха! Да знаешь ли ты, на сколько лиг простирается эта страна, и сколько в ней городишек, городов, деревней и крепостей, которые мне пришлось бы обшаривать?

— Молчать! — Голос Усхора, произнесшего всего одно слово, был подобен звону железного гонга. Он поднялся с трона — высокий, в черной мантии, он стоял на возвышении трона и взирал сверху вниз на Боларда с презрением и злобой. Его истонченные черты, тонкие, высохшие руки и шея — все указывало на его истинную силу — волшебную силу многовековой давности. Но, несмотря на свой нечеловеческий возраст, Усхор не принадлежал к тем, кто мог долго сдерживать гнев и не насладиться зрелищем мук, который испытывает наказуемый… а теперь он был готов наказывать.

— Я дал тебе достаточно времени, Болард — более, чем достаточно. Я платил тебе золотом не за то, чтобы твои воины бесцельно шатались по стране, грабя жителей и предаваясь разврату. Если бы ты почаще напоминал им о цели поисков, они, возможно, достигли бы успеха. Ты слишком долго водил меня за нос, Болард. Но больше я не намерен терпеть твою беспомощность.

Гнев наемника внезапно сменился тревогой, он почувствовал близость опасных сил,

восстающих против него.

— Но… возможно, Кольца вообще не существует! — воскликнул он. — Ведь если бы это было не так, другие маги наверняка бы уже нашли его.

— Кольцо существует, глупец… в этом нет никаких сомнений. Кольцо намного реальнее, чем ты или я — чем все это племя копошащихся червей, которое называет себя человечеством.

Кольцо пережило Ахерон, и даже королевство атлантов. Оно гораздо древнее этого трона из оникса, древнее этой крепости, оно древнее снов, которые видели эти горы! Волшебники завладели Кольцом еще до меня, но они потеряли его, потому что их мудрость не могла постичь тайн Кольца, а воля его темного духа оказалась гораздо сильнее их воли. Неужели ты, Болард, простой смертный, думаешь, что сумеешь найти его, просто галопируя по деревням, позволяя своим людям грабить и время от времени запугивая какую-нибудь старую каргу или древнего грамотея? Да, Болард, мне известны твои методы, если их вообще можно так назвать — я наблюдал за тобой, хотя был далеко!

Болард побледнел. Им овладел страх, а затем чувство стыда, и, наконец все эти эмоции снова сменились гневом. Усхор усмехнулся.

— Ты предал своего повелителя в Коринфии, — произнес волшебник. — С тех пор ты безуспешно пытаешься доказать всем, что ты благородный воин. А теперь ты предал меня. Тебя могут выслать из Коринфии, а воины других стран будут против того, чтобы ты служил вместе с ними — но сейчас ты предал меня, Дестан Болард. А мне требуется более аккуратная служба, чем любым королям и военачальникам.

Болард бессознательно тронул правой рукой рукоятку меча.

Усхор засмеялся — и его пугающий смех был бездушным, злобным и мощным — смех гиганта, стоящего рядом с блохой.

— Твой меч здесь обладает такой же силой, как вода, Дестан Болард. Достань его и увидишь!

Болард был бы совсем не против опробовать свой меч на этом насмешнике, однако он боялся, что тогда Усхор тут же ударит по нему силой своей магии, и он, Болард, будет навечно проклят. Он не хотел дразнить колдуна. Вернее сказать, не осмеливался. Сейчас он хотел жить, может быть, для того, чтобы выиграть один день и загладить ссору.

Усхор захохотал и отвернулся от Боларда, снова усаживаясь на трон из черного оникса.

— Какой же ты трус, — прошипел маг. — Не понимаю, как это ты вообще носил в Коринфии оружие и доспехи.

Болард стиснул зубы.

— Ты пытаешься довести меня, Усхор, — проворчал Болард.

— Я? Какая ерунда. Увы, я слишком стар и слишком мудр для таких вещей.

Болард сделал глубокий вдох. Кажется, можно расслабиться. Опасность как будто миновала, противостояние — битва умов — завершилась.

— Раз тебе больше не нужны мои услуги, я ухожу, Усхор.

И воин быстро развернулся на пятках и направился к массивной двери. Усхор окликнул его:

— И ты не попросишь у меня золота? Болард повернулся; глаза его сузились.

— Или ты настолько напуган, Дестан? Ты боишься, что, если ты спросишь меня о расчете за

твои услуги, я могу разъяриться и отправить тебя в ад? Ты этого боишься, Болард?

Внезапно наемника поглотила волна стыда. Он почувствовал смятение; гордость и гнев боролись в нем со страхом; он не знал — уйти ему или броситься на мага с обнажённым мечом.

— Да ты просто ребенок, Болард, — прошипел Усхор злорадным голосом. — Ты просто ребенок… ребенок, который заслуживает наказания.

Болард замер, внимательно следя за волшебником. Тот приподнял одну руку, слегка пошевелил пальцем. В тот же миг пламя в медных светильниках как будто потухло, а затем на короткое мгновение, за которое сердце стукнуло всего лишь раз, пол в зале закачался и затрясся. Дестан стоял на ногах твердо, хотя и почувствовал, как к горлу подступила тошнота.

Затем это ощущение прошло, и Болард уже едва осознавал, было ли вообще что-то необычное. И все-таки…

— Что ты сделал? Усхор, что ты сделал?

Волшебник больше не смеялся и не злорадствовал; его жгучие желтые глаза, полные ненависти, вспыхнули снова.

Болард покрылся холодным потом, он был готов умолять — или убивать.

— Что ты сделал, колдун?

Усхор втянул губами пропитанный ладаном воздух, словно смакуя, и произнес:

— Посмотри в зеркало, непокорный. Посмотри — и увидишь, что ты получил за свое предательство.

— Что ты сделал? — спотыкаясь, Болард закружил по комнате — он был настолько встревожен, что ноги не могли найти на каменных плитах твердой опоры. Он взглянул в одну сторону, затем в другую, но все расплывалось у него перед глазами. Его ноздри почувствовали странный запах; как будто что-то произошло и со слухом; во рту стало неприятно сухо, а в глазах то мутнело, то прояснялось…

В какой-то миг он заметил свое отражение в отполированном серебряном зеркале. Оттуда, с другого конца комнаты, на него смотрел Болард — другой Болард, который показался ему вдруг ужасным. Болард, у которого было человеческое туловище, облаченное в коринфийские доспехи, и уродливое… нечеловеческое лицо…

— Что ты со мной сделал? Усхор!

Усхор усмехнулся — он наблюдал за Болардом горящими глазами, положив руки на подлокотники трона.

— Что ты…

Болард задохнулся от гнева. Он отвернулся от зеркала и своими мощными руками схватился за рукоять меча. Стальной меч затрепетал и загудел, когда его извлекли из ножен — и Болард, крича от ужаса, бросился вперед, чтобы громить и убивать.

Атака была настолько быстрой, что даже Усхор оказался не готов к ней. Волшебник успел лишь пробормотать защитное заклинание и выбросить вперед тощую руку. Меч Боларда вонзился прямо в предплечье волшебника и зазвенел, ударившись о кость — а маг зарычал, сплюнул и отдернул руку.

Крови не было. Кость даже не треснула. Единственным результатом нападения был тонкий разрез на рукаве черной мантии мага.

— Болван! — Усхор схватил за лезвие и принялся выкручивать его. Меч, который стал мягким, как виноградная лоза, закрутился и вскоре был превращен в никчемный моток стали.

Болард со страхом отступил — его гнев и ярость улетучились. Он попятился к двери; рассудок его по-прежнему был помутнен — все плыло у него перед глазами, в том числе и Усхор, поднявшийся с трона… неожиданно у главного входа что-то прогремело и от этого звука какая-то часть сознания вернулась к Болярду. Он вдруг отбросил бесполезный меч, толкнул тяжелую дверь и криком позвал своих солдат.

Усхор не двинулся с места. — Он знал о шести воинах, которых Болард привел с собой в качестве охраны. И в то же мгновение они ворвались в зал, шесть вооруженных, облаченных в доспехи негодяев, стремительных и жаждущих крови.

В полумраке зала никто из них не заметил, что Болард стал другим — настолько они привыкли к его голосу и готовы были слепо выполнять его приказы.

Усхор рассмеялся.

— Остерегайтесь дыма! — крикнул он воинам. — Он уничтожит вас!

Воины успели добежать до середины зала, когда их остановил жирный дым, выползающий из медных светильников. Солдатам вдруг стало казаться, что серо-голубые струи дымки искажаются и принимают формы ужасных существ. Один солдат пронзительно закричал — огромная змея длиной в два человеческих роста сползла с треножника и вонзила зубы ему в грудь. Он ударил змею мечом, но не причинил ей никакого вреда — как будто меч проходил сквозь воздух. Второй и третий солдат вступили в схватку с огромной когтистой лапой, но он обвилась вокруг их голов и задушила на месте. Еще двое воинов отважно выступили против огромной головы, но, не успели они взмахнуть мечами, как изголодавшаяся пасть монстра поглотила их. Последний наемник был убит растущим на глазах цветком, который обхватил солдата и своими лепестками, утыканными иглами, похожими на зубы, высосал из него все жизненные соки.

Через мгновение все было кончено. Болард, объятый ужасом, стоял, прислонившись спиной к дверному косяку — только что на его глазах в считанные секунды были убиты шесть сильных и отважных воинов — да, с тех пор, как они столкнулись с клубами дыма, поднимающимися из светильников, прошло лишь несколько мгновений. Лица воинов застыли в предсмертной маске ужаса, их мышцы безмерно напряглись в попытке противостоять нападающим существам. И, тем не менее ни на одном теле не было следов ран. Болард, на мгновение забыв о собственной беде, задрожал и покрылся холодным потом.

Усхор вытянул руку.

— Поди прочь, Болард. Ты все равно не сможешь натравить на меня своих солдат. Твоя жалкая армия бросит тебя еще до заката солнца. Ни один из них, глянув на тебя, не справится с ужасом, потому что ты выглядишь хуже самых отвратительных представителей человечества. Убирайся — или я медленно убью тебя, а затем снова и снова буду опускать твою душу в самое чрево преисподней!

Пошатываясь, Болард вышел за дверь, но затем обернулся, и, вскинув кулак в сторону Усхора, взревел с бешенством и ненавистью:

— Я найду Кольцо, волшебник — клянусь, я найду его!

Усхор не шевельнулся и не ответил.

— Я найду его! — слова оборвались в вопле страдания; неверными шагами Болард вышел из зала, всхлипывая и сыпя проклятиями.

Темной, одинокой фигурой Усхор недвижно продолжал стоять на возвышении трона; вокруг клубился дым, а его тень темным пятном лежала на телах, вытянутых на каменных плитах.

Волшебник молча поднял правую руку; в зале стало темнее, и из глубоких теней поползли приземистые, черные как сажа фигуры, похожие на горбатых карликов с остроконечными ушами и сверкающими зелеными глазами. Не издавая ни звука, они схватили мертвые тела и утащили их прочь, в темное царство теней.

Факела ярко вспыхнули, и в зале стало светлее. Ничто не указывало на недавнее присутствие мертвых тел и сгорбленных карликов.

Усхор спустился с возвышения и подошел к серебряному зеркалу. Пристально глядя на его поверхность, он злобно прошипел:

— Кольцо. Покажи мне Кольцо. Где Кольцо? Все без толку. Древние служители Энкату спрятали Кольцо слишком хорошо, слишком тщательно в течение многих лет скрывали его с помощью защитных заклинаний. И Усхор, который лишь недавно пробудился от многовекового сна, пока еще обрел слишком мало волшебной силы, чтобы сломить эту магическую защиту.

— Покажи мне Кольцо!

Он ухватился когтистыми пальцами за края зеркала. Его глаза горели яростней, чем в те мгновения, когда он убивал солдат Боларда. Тело сотряслось в ужасной судороге — он сконцентрировал усилия и попытался еще раз разрушить древние чары, прячущие кольцо Энкату.

— Покажи… мне… Кольцо!

И вдруг — хотя от напряжения у Усхора все плыло перед глазами, хотя его ноги дрожали, мышцы на худых руках вспучились, а вены вздулись, точно готовы были взорваться — благодаря столь мощной концентрации в зеркале мелькнуло изображение. В блестящей, затуманенной глубине зеркала показалось неясное, мерцающее изображение города — города, обнесенной стеной и темнеющего на зеленой равнине.

Усхор попытался сосредоточить внимание еще сильнее, но было поздно — картинка исчезла. Пропала. Но там был город. Да, город — и Усхор узнал его.

Он расслабился, тяжело облокотился о стол, едва не падая в обморок от недавнего напряжения, затем медленно двинулся по голым каменным плитам пола к своему трону. Он знал, что этот город находился всего в нескольких днях пути от его крепости.

Скоро Кольцо будет у него.

Глава первая
Поход

Снаружи, за стенами таверны свирепствовала неистовая буря. Дождь лил уже три дня, а сегодня он превратился в ливень. Огромные серые облака заслоняли ночное небо; молнии сверкали в бешеной пляске, освещая затененные земли, куда не мог добраться свет луны и звезд. Множество мелких речушек, берущих начало с южных земель Кофа, вздулись так сильно, что готовы были выйти из своих берегов; на дорогах, пересекавших равнины, в грязи увязали повозки, а лошадям и людям приходилось пробираться в жидкой грязи, которая доходила им до лодыжек.

А тем временем в таверне, которая расположилась на отшибе у дороги между городом и лугом, собрались мужчины и женщины — они пили, сытно ели и на все лады ругали грозу. Таверна была заполонена путешественниками, нашедшими здесь приют за эти три дня. Но, несмотря на то, что народу набилось здесь многовато, это были в основном удачливые путники, ради которых хозяин гостиницы в течение всего года пополнял запасы выпивки и продовольствия. Так и в эту ночь — хотя снаружи неистовал весенний паводок, пестрая толпа, собравшаяся в таверне Ассара, шумно пировала и веселилась.

В этой толпе все смешалось: испещренные шрамами наемники, завербованные в разных странах, пили вместе с кофийскими солдатами, облаченными в доспехи. Горожан здесь было мало: пара торговцев, а также незадачливая знатная дама со служанками, которым приходилось сидеть за одним столом вместе с неряшливыми крестьянскими девушками, которые вели себя чересчур раскованно. Всем, кто был в таверне, волей-неволей, приходилось слушать унылое завывание бренчащего на лютне песенника в обносках — молодого немедийца, не сумевшего найти приют ни в одном замке — и это неудивительно, учитывая, что даже собаки, выпрашивающие у очага объедки, лаяли и скулили гораздо мелодичнее.

Кто-то из мужчин грубым, хриплым голосом потребовал еще пива; другой звал служанку поразвлечься; в это время третий орал на бренчащего на лютне немедийца и наставлял — грубовато, но весьма добродушно — как тому получить больше выгоды от своего инструмента.

— А коли ты так сделаешь, тут тебе и денежки — пойди да подлечи свой голос кружкой вина! — Путник взглянул на толпу, грубо ухмыльнулся, затем повернулся к высокому молодому человеку, который стоял возле большого очага.

— Эй… ты тоже, парень — выпил бы да повеселился, а то больно кислая у тебя физиономия.

Молодой человек — его звали Иллес — пропустил это замечание мимо ушей. Это был симпатичный парень, облаченный в неплохую кольчугу и украшенный вышивкой плащ. Все это время он безуспешно старался привлечь внимание постояльцев. Он появился в таверне недавно — его волосы и одежда были еще влажными, но и такой сильный дождь, как тот, что лил снаружи, не смог умерить пыл речей этого юноши. Иллес набирал наемников; он упрашивал этих горячих, добродушных и пьяных людей — в основном солдат — отставить кружки в сторону и поднять мечи, чтобы сразиться за некоего барона Орина, которого незаконно лишили владений.

— Иллес! — крикнул ему кто-то. — Ты сказал свое слово, я мы тебя терпеливо выслушали. А теперь последуй-ка доброму совету — успокойся да выпей-ка с нами кружку вина. Никто не пойдет с тобой на войну в такую ночку, как эта!

— Да вы все трусы, что ли? — резко произнес Иллес; он надеялся разозлить их, но в ответ услышал лишь насмешливые крики. — Неужели… неужели вы думаете, что Орин не сможет заплатить вам? Вы же солдаты, и разве настолько богаты, чтобы отказываться от денег из-за плохой погоды?

— Ты сам себе портишь настроение, Иллес. Сядь лучше да выпей!

Юноша сделал раздраженный жест рукой.

— Вы мне отвратительны — вы сидите здесь, как свиньи, лакающие пойло, в то время как могли бы заслужить золото и богатства. Лагерь Орина находится всего в двух днях пути, и он уже готов платить всем подряд, лишь бы только пополнить ряды своих воинов. Неужели вы не поможете ему вернуть свои владения и прогнать грязного колдуна, который ограбил его город?

— Колдуна, говоришь? — откликнулся из дальнего угла воин с худощавым лицом. — Парень, кажется, ты просишь нас выступить с мечами против волшебства?

В сторону молодого человека повернулось множество лиц, и царивший в таверне беспорядочный гул стал тише. Иллес тяжело вздохнул и воздел руки, словно благодаря за то, что впервые за этот вечер ему удалось привлечь к себе хоть немного внимания.

— Что ж, согласен, — проговорил он. — Подождите… выслушайте меня. Этот маг действительно разбил армию Орина…

Его голос потонул в шуме толпы — люди кричали, свистели и велели ему либо заткнуться и сесть за стол, либо убираться вон.

Иллес закипел от злости.

— Я предлагаю вам золото! — закричал он. — Неужели вы так испугались, что…

Но все было бесполезно. Мимо пробегала служанка, и Иллес схватил с ее подноса кружку с вином, чувствуя, что ему просто необходимо охладить свое пересохшее горло.

— С тебя монета, парень, — сказал из-за своей стойки Ассар.

Иллес вытащил из своего кошеля монету и гневно швырнул ее на стойку.

Таверна снова наполнилась шумом и выкриками, даже более громкими, чем раньше. Песеннику-немедийцу велели прекратить свои песнопения под страхом смерти, и он принялся за ножку птицы; толстая служанка перестала противиться уговорам бродяги и уселась к нему на колени.

Иллес, так и не присев, допил свое вино. Ему стало тепло и комфортно, и, хотя глоток спиртного притупил его гнев, он все еще чувствовал возбуждение. Наконец он оставил кружку и с новыми силами принялся за свое дело.

— Парни… парни! Неужели ни один из вас не поможет Орину в его беде? Путь не так далек, а вас ждет награда…

Его голос вновь был заглушён, но на этот раз шумом, который донесся из-за открывшейся двери таверны.

В зал ворвались ветер и дождь, а вместе с ними — холод и промозглая сырость.

Раздались сердитые голоса людей, требующих, чтобы пришедший поскорее вошел внутрь и прикрыл за собой дверь. Посетитель, одетый в насквозь промокший серый плащ, с шумом закрыл дверь и принялся стряхивать с сапог воду.

— Проходи, проходи, прошу тебя, — закричал из-за своей стойки Ассар. — Садись у

огня, я принесу вина. Будешь говядину или дичь?

Половина посетителей разом обернулись и уставились на посетителя, прицениваясь и решая, достоин ли он присоединиться к их бравой компании.

— Ну и здоровяк, — заметил остроносый парень.

— Не говори, откуда только взялся такой… — с набитым ртом высказался его тучный приятель.

Новоприбывший ответил Ассару:

— Да, мяса и вина, да побыстрее. Мужчина, скинув насквозь промокший плащ, опустился на скамью, и она натужно скрипнула под тяжестью мощного тела. Он выжал воду из связанных в хвост длинных черных волос и настороженным взглядом бывалого воина обвел притихшую таверну.

Хриплые голоса стали тише и наконец, в таверне воцарилось полное молчание. Иллес, воспользовавшись моментом, вновь принялся за свое:

— И вновь я призываю вас…

Но тут к юноше подошел Ассар и сердито покачал головой.

— Хватит, — угрожающе прошептал он. — Прекрати испытывать их терпение.

Затем хозяин повернулся к гостю и поставил перед ним тарелку дымящегося мяса и кружку холодного вина. Мужчина поднял на него глаза.

— Сколько?

— Ммм… пять медяков, за все. Долго ли длилось твое путешествие?

— Седмицу по дороге, а последние три дня — в этом аду бесконечного дождя. Спасибо за огонь, а то я продрог до костей! У тебя есть свободная комната?

— Увы, нет. Только конюшня…

— Пускай конюшня. Кто-нибудь позаботится о моей лошади? Она устала не меньше моего, кроме того, споткнулась в колее.

— Надеюсь, она не пострадала?

— Ничего серьезного, но ей нужно отдохнуть и поесть.

— Мой сын позаботится о твоей лошади. Гинкар! — крикнул хозяин и из задней комнаты вышел юноша. — Там, снаружи, лошадь…

— Чалая в яблоках, — сказал черноволосый.

— Чалая в яблоках. Живей, живей!

Гинкар шепотом выругался, накинул плащ и исчез за дверью.

— Еще что-нибудь угодно?

— Все в порядке. Впрочем, можете принести еще вина.

— Конечно…

Тем временем неугомонный Иллес, несмотря на предупреждение Ассара, вновь призывно закричал:

— Воины, я вновь обращаюсь к вам! Барон Орин даст вам золото и приведет к несметным сокровищам. Неужели вам этого мало?

Черноволосый гигант, который, ловко орудуя ножом, отрезал от своего мяса куски, прервал вдруг свое занятие и взглянул на Иллеса.

— О чем это ты говоришь, парень?

Иллес замолк, обернулся к нему и принялся объяснять:

— Барон Орин пытается вернуть себе свое владение — Сафад. Он лишился большей части своих воинов и поэтому послал меня и других набрать как можно больше наемников. А

все эти бродяги… — Иллес повысил голос, — всего лишь хвастуны и пустозвоны, а не солдаты, какими они себя считают.

— Я докажу, что это не так, если тебе так хочется — на мечах или без них! — прорычал один из постояльцев, однако Иллес и ухом не повел.

— Как же так случилось, — проговорил черноволосый, — что твой Орин потерял свой город? Разве в Южном Кофе идут сражения? Я ничего не слышал…

— Расскажи ему о колдуне, Иллес! — раздался хриплый голос из другого угла комнаты. — Ему это понравится!

Остальные засмеялись грубым смехом. Но эти слова как будто совсем не взволновали гиганта.

— Колдовство?

— Да, господин. — Иллес нервно сглотнул. — Я как раз собирался сказать, что Сафад захватил маг по имени Усхор. Барон Орин оборонялся очень стойко, но ему и уцелевшим воинам все равно пришлось оставить город. Это произошло всего восемь дней назад. И теперь нам нужны воины…

— Точнее, вам нужны наемники. Что ж, удачи. Кажется, их тут предостаточно. — Его глаза насмешливо сверкнули.

В сердце Иллеса затеплилась надежда.

— Я вижу, ты носишь меч, — произнес он. — Значит, ты воин?

— Да, мне приходилось воевать.

— Могу я узнать твое имя? — спросил Иллес.

— Конан, — ответил черноволосый, запивая мясо добрым глотком вина. — Еще меня называют киммерийцем, ибо я родом из тех краев.

— Так ты присоединишься к армии Орина, Конан-киммериец?

Северянин помолчал, обдумывая предложение, а Иллес напряженно ждал ответа, надеясь, что если ему удастся заполучить хотя бы одного наемника, другим станет стыдно и они последуют его примеру.

— Твой господин платит хорошо?

— Да, и очень щедро. Золото у него в лагере, и в самом Сафаде, во дворце нас ждут несметные сокровища.

— У него сильное войско?

— По количеству оно весьма далеко от совершенства. Но если говорить об отваге, то думаю, что каждый из наших воинов стоит троих бродяг, которые собрались в этой таверне.

Конан усмехнулся; Иллес явно не остановится до тех пор, пока не пристыдит этих парней.

— И все-таки я хочу напомнить, — продолжал он, — что мы выступаем против сильного колдовства. Наша армия была разбита демоническими воинами, вызванными магией этого колдуна.

Конан пожал мощными плечами и допил вино.

— С врагом всегда можно сразиться, и неважно, какое у него оружие. Мне приходилось иметь дело с колдунами, я ненавижу эту гнилую породу!..

Он с грохотом опустил пустую кружку на стол и потребовал еще вина.

— Так ты присоединишься к нам?

— Ради золота… да, Иллес. Мой кошелек сейчас пуст… И еще — ради того чтобы попробовать отправить в преисполню еще одно отродье мрака!

Иллес услышал наконец то, чего так ждал: у него появился новобранец! Он тут же повернулся к остальным.

— Эй вы, псы! — громко крикнул он. — Я нашел себе настоящего воина! Вам, трусам, должно быть стыдно слышать это. Конан из Киммерии сразится за Орина! Ну, кто из вас встанет и докажет, что он не трус?

Иллес замолк; он горел энтузиазмом и был очень горд собой. Мельком он взглянул на Конана и увидел, что тот снова усмехнулся, словно подшучивая над ним. И никто в таверне по-прежнему не изъявлял страстного желания обнажить меч за его господина. Иллес нахмурился, оглядывая безучастные и ухмыляющиеся физиономии.

— Вы, тупые болваны! Что это с вами? Неужели вы настолько отупели, что никому больше не нужно золото?! И у вас в жилах не кровь, а болотная жижа, если вас не радует возможность опробовать меч в доброй схватке?..

В первый миг показалось, что эту его речь ждет тот же результат, что и все предыдущие, и он заработает лишь презрение и насмешки, но неожиданно вперед вышел крупный мужчина — плотный, но мускулистый, с густой светлой бородой и взглядом, больше подходящим деревенскому старосте, чем воину.

Он радостно улыбнулся и посмотрел на Конана — в глазах его сверкала обезоруживающая искорка.

— Сдается мне, я слышал твое имя, воин! — произнес он. — Клянусь Митрой, никогда не думал, что своими глазами увижу того самого киммерийца, о котором мне столько рассказывали приятели…

— Да? — Конан внимательно посмотрела на солдата. — И кто же говорил тебе обо мне?

— Туранец по имени Айгарам. Он служил под твоим началом в войске Илдиза… Он говорил, что никогда прежде не встречал бойца, подобного тебе. И лучшего командира у него тоже не было… Я направлялся в Аргос и не думал ни о какой войне, но теперь мне кажется, что куда веселее будет сражаться бок о бок с таким воином, как ты.

Иллес с воодушевлением схватил бородача за руку.

— Ты хочешь сказать, что присоединяешься к Орину?

— Почему бы и нет? Меня зовут Варган, и я могу драться на двух мечах. Это поможет расправиться с демонами и колдунами?

— Конечно! — Иллес повернулся к толпе и выкрикнул: — Ну, кто еще пойдет с нами? Давайте — выходите вперед!

Но оказалось, что ему больше незачем умолять этих солдат. Прозвучавшее в зале таверны имя киммерийского воина стало последней каплей, которая убедила этих головорезов вступить в ряды армии Орина. В ту ночь Иллес завербовал две дюжины солдат — в основном это были люди, нашедшие приют на постоялом дворе за последние три дождливых дня.

Он не переставал благодарить Конана. А после того, как последний доброволец назвал свое имя, Иллес записал его, свернул свой пергамент, достал кошелек и вытряхнул из него последние деньги на прилавок Ассара.

— Вина на всех! — смеясь, крикнул он. — Выпьем за грядущую победу!

Он повернулся к столу, где сидел киммериец в окружении свежеиспеченных наемников.

— Во имя Митры, — произнес он взволнованно. — Тебя послали мне боги, северянин!

Конан молча кивнул головой и отпил вина, раздумывая над тем, как и почему с его помощью судьба убедила этих неотесанных парней принять участие в войне на стороне

барона Орина.

* * *

К утру буря утихла. Наемники один за другим расплачивались с Ассаром и служанками и направлялись в конюшни, чтобы привести в порядок своих лошадей. В воздухе все еще висела туманная дымка, а поля за размокшей дорогой блестели от луж. Но солнечные лучи уже начали пробиваться сквозь туман; деревья и травы были покрыты капельками росы, которые висели на невидимых нитях и сверкали как бриллианты. Из редколесья доносилось щебетание птиц, а на дворе таверны играли и шлепали по лужам собаки Ассара. Воины, зевая и потягиваясь, взбирались на лошадей и неровной линией выстраивались возле гостиницы.

Последними сели на лошадей Иллес и Конан. Они поблагодарили Ассара эа терпение и щедрость, но тому, казалось, больше всего хотелось наконец спровадить своих беспокойных гостей.

Иллес встал во главе своего отряда, а киммериец расположился рядом с ним; остальные воины шутили, смеялись и обменивались впечатлениями о служанках. Когда они тронулись в путь по грязной дороге, туман рассеялся окончательно и все оказалось залито солнечным светом.

Маленький отряд продвигался на восток, навстречу новым битвам.

* * *

После полудня отряд остановился в узкой долине, где солдаты могли отдохнуть в тени, а лошади — напиться воды. Солдаты разбились на небольшие группки — кто сидел на камнях, а кто на траве, прислонившись спиной к деревьям — и доставали припасы, купленные в таверне. Конан стоял рядом со своей лошадью, которая пила из мелкого ручья; он осмотрел ноги животного и с удовольствием отметил, что они в полном порядке, если не считать небольших царапин. Иллес стоял рядом, жуя кусок черного хлеба.

Закончив заниматься лошадью, киммериец также принялся за еду и, насытившись, обернулся к парнишке, который по-прежнему торчал неподалеку. Похоже, тот был просто зачарован гигантом-северянином. Конан видел, как юноша о чем-то с жаром расспрашивал бородача Варгана — и не сомневался, что речь шла о нем. Похоже, слава о подвигах северянина уже достигла и здешних пределов…

— Расскажи мне о колдуне, который занял ваш город, — велел киммериец Иллесу.

— Его имя Усхор. А больше я ничего не знаю. Он появился десять дней назад, с многотысячной армией призраков.

— Призраков?

— Да… они проникли в город так, как будто его вообще никто не защищал. — Голос юноши задрожал — он вспомнил это зрелище, казавшееся таким же нереальным, как оживший ночной кошмар, когда в одно мгновение с городом произошло что-то невообразимое — словно огромная волна обрушилась на оставленный людьми город. — У нас не было ни единого шанса, — продолжал Иллес. — Раньше мы всегда держали в страхе

чужие войска и могли драться с кем угодно. Но сейчас наша оборона была бесполезно. Бесполезной! Мы заперли ворота, забрались на стены и построились в шесть рядов. Но эти призраки… духи… проходили сквозь стены! Они просачивались сквозь кирпичи, как будто тех не существовало вовсе!

Он заговорил горячо, встревоженный собственными воспоминаниями. Прохладная свежесть тенистой рощи, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву — все это казалось сейчас Иллесу менее реальным, чем его воспоминания. И все же он взял себя в руки и успокоился — он не хотел, чтобы его слышали другие солдаты.

— Если бы они знали, против чего мы собираемся выступить, — признался он, понизив голос, — вряд ли они согласились бы сражаться.

— Возможно. Но если мы сражаемся против призраков, — спокойно произнес Конан, — то каким образом ты, Орин и твои люди выдержали их нападение?

— Может, они и не настоящие призраки, — ответил Иллес, с трудом подбирая нужные слова, чтобы описать происходившее. — Это создания, сделанные из какого-то непонятного вещества, которое можно разрубить мечом, но… они проходили сквозь стены, как будто их не было вовсе, а когда мы разрубили одного из призраков, вместо него появилось трое новых. И все-таки, хоть не до конца, но они материальны, потому что многие воины умерли от ран, нанесенных ими — но еще больше, а особенно мирные жители, погибли словно ни от чего — на их телах не было никаких следов. Что же они такое? Мог ли Усхор колдовством создать их из воздуха?

— Может быть, — задумчиво ответил киммериец, заворачивая остатки еды, — вы бились не с призраками, а со своими же людьми? Усхор мог создать такое заклинание, что каждому из вас казалось бы, что его окружают враги.

Иллес недоверчиво взглянул на северянина.

— Но разве такое бывает? Конан повел плечами

— Мне приходилось сталкиваться со странным волшебством. Один хорайский мудрец однажды сказал мне: «Сила мага в том, что он создает иллюзию страха, и если он заставит врагов открыть свои души, — полдела сделано.»

Иллес покачал головой.

— Никогда о таком не слышал. Но что это означает? Не скажешь же ты, что там вообще не было никакого колдовства?

Конан покачал головой.

— Нет. Это колдовство, без всяких сомнений. Но магия — это обоюдоострый меч: одно лезвие разит врага, но другое может поразить тебя самого. Может, нам лучше двинуться в путь?

— Да, ты прав. Да. — Иллес поднялся; на лице его была написана глубокая задумчивость. — Сегодня вечером мы станем лагерем, и я думаю, что завтра мы достигнем лагеря Орина.

Он подошел к деревьям, где сидели солдаты, и велел им собираться.

* * *

День по-прежнему был солнечным; ничто не предвещало дождь. Иллес и его спутники двигались быстро, и солдаты не выказывали ни тени беспокойства или страха, как днем

раньше в таверне. Несмотря на то, что все были совершенно разными людьми, между ними сложились хорошие товарищеские отношения, и какой-нибудь воин с востока весело перешучивался с выходцем из западной части, а северянин добродушно хвалился своей отвагой перед южанином. Это были бродяги-наемники, и, как большинство из них, они быстро выходили из себя и так же быстро забывали об обидах, никогда не теряя чувства собственного достоинства.

Вечером погода оставалась теплой и приятной. Когда солнечный круг начал опускаться за горизонт, Иллес предложил солдатам спешиться и разбить лагерь на высоком, подсохшем за день холме. Люди спешились, накормили и почистили лошадей (это были многоопытные путешественники), а затем разожгли костры и принялись жарить мясо.

Конан уселся возле костра, созерцая сумеречное небо, на котором зажигались первые звезды, и тут к нему подошел один из солдат. Это был Варган.

— Мне показалось, у тебя закончилось вино в бурдюке, киммериец? Позволь мне поделиться с тобой…

Северянин жестом пригласил его к костру.

— Садись, Варган, спасибо за твой дар. Хотя я, честно говоря, предпочитаю заботиться о себе, а не о других.

Со вздохом бородач уселся рядом.

— Да, да, — закивал он. — Себе доверять намного легче, чем другим. Пей.

Конан отпил немного и, утерев губы, вернул бурдюк.

— Неплохое вино, — заметил он с удивлением. — Кто бы мог подумать, что этот крысолов хранит в своих подвалах такое хорошее вино?

Варган усмехнулся, обнажив белоснежные зубы.

— Я бываю здесь три-четыре раза в году, и поэтому Ассар частенько делится со мной своими лучшими припасами. Лучшего товарища, чем это, во время долгого, тяжелого путешествия не найти.

Конан со смехом поднялся, чтобы подбросить сучьев в костер.

— Ты тоже служил в Туране, Варган?

— Совсем недолго. Платят мало — Илдиз скуп, как ростовщик. И порядки в его войске мне пришлись не по душе. Сказать по правде, жизнь вольного искателя приключений мне больше подходит. Гуляешь, как ветер, нигде не задерживаешься надолго… Никто не командует, не указывает, что делать…

Киммериец кивнул, глотнув еще вина из похудевшего бурдюка.

— Согласен. Я и сам не люблю подолгу торчать на одном месте. Чтобы с утра не знать, где очутишься к вечеру…

— И все же ты нанялся в войско Орина?

— Почему бы и нет? Я сейчас не при деньгах, а разжиться золотишком никогда не помешает. К тому же, если честно, жалко мне стало этого беднягу в таверне. Видно же, парень честный, глаза горят… Представил себе, как он возвращается к своему барону с пустыми руками, в одиночку… А-а, думаю, была не была!..

Варган одобрительно хмыкнул.

— Ты точь-в-точь такой, как о тебе рассказывал мой приятель. Я рад, что не ошибся. И рад, что нам предстоит сражаться бок о бок. Давненько я не бывал в доброй драке… — Он с хрустом потянулся, разминая затекшие мышцы.

— И то верно, — согласился северянин. — Негоже мечу ржаветь в ножнах! Верно,

Иллес? — окликнул он проходившего мимо юношу. Тот с готовностью присоединился к двоим наемникам, и те разделили с ним остатки вина.

— Славная будет драка, да? — спросил в предвкушении бородач.

— Да, — кивнул молодой человек. — И добрая награда нас ждет, когда мы отвоюем город! Завтра к полудню мы будем в Сафаде.

Варган допил вино и поднялся на ноги.

— Ладно, тогда пора, пожалуй, и на боковую. Доброй ночи вам обоим!

— Да… и тебе.

— Тогда до утра, — и Варган направился к своему костру. Иллес молча последовал за ним.

* * *

В лагере Орина оказалось около трех тысяч воинов — не так уж много. Все-таки Сафад — маленький город. С удивлением Конан узнал, какое огромное количество воинов погибло, сражаясь с призраками. Он заметил, что палатки воинов регулярной армии располагаются вокруг палаток военачальников, которые были разбиты на холме с крутыми склонами — а вокруг этого ядра, точно спицы колеса, размещались лагеря наемников. И здесь буря сделала свое дело — воины поднимали палатки и восстанавливали укрытия, рыли рвы, чтобы отвести лишнюю воду и тем самым избежать распространения болезней.

Когда небольшой отряд приблизился к лагерю, Иллес поприветствовал знакомого сотника. Тот отдал честь и что-то сказал своему помощнику, после чего солдат тут же вскочил на коня и поскакал в лагерь — очевидно, предупредить барона Орина о прибытии новобранцев. Далеко, к востоку от лагеря, показался конный отряд — отряд очередных наемников.

Иллес повел отряд в сторону палаток, стоящих на холме; его приветствовали воины, занятые работой. Некоторые из солдат отрывались от дел, чтобы поглазеть на новобранцев — прикрывали глаза рукой, чтобы не мешало солнце, и мгновение всматривались, а затем, узнав старых друзей или соперников, с которыми встречались в таверне Ассара, разражались громкими радостными криками.

Когда Иллес достиг палатки Орина, рядом с ним были только Конан и Варган — остальные по одному, по двое отставали от отряда и присоединялись к своим старым друзьям по оружию.

— Сколько человек ты привел? — спросил у Иллеса Орин, поприветствовав молодого воина. — Я видел с тобой лишь горстку солдат.

— Да, — ответил Иллес извиняющимся тоном. — Двадцать шесть человек, мой господин.

Орин взглянул на Конана.

— Что ж, добро пожаловать. Как твое имя, воин?

— Конан из Киммерии. Орин одобрительно кивнул.

— Киммерия — страна воинов. А о тебе мне доводилось слышать немало добрых слов. Я рад, что ты с нами, северянин!

Конану барон пришелся по душе. Ему и прежде доводилось сталкиваться с воинами, занимавшими высокие посты, воинами-принцами, которые бежали с поля боя, оставляя свои

владения врагу, но Орин показался ему совсем другим — это был сильный, умный человек, прирожденный лидер, который не ставит себя выше простых солдат. Он был высок и мускулист — под легкими доспехами угадывались мощные мышцы. А смуглое, приятное лицо украшали густые усы и аккуратно подстриженная борода. Его глаза, глубокие, черные, смотрели угрюмо, но светились живым умом.

Конан вдруг почувствовал, что этот человек чем-то близок ему — варвару, который оценивал незнакомцев быстро и точно. У него было безошибочное чутье на честных, прямых людей; северянин почти всегда мог заглянуть человеку в душу и понять его сущность — негодяй он или герой, и можно ли ему доверять или лучше держать на расстоянии. Так случилось и на этот раз — когда Конан впервые взглянул Орину в глаза. Они пожали друг другу руки.

— А это кто? — спросил Орин, обернувшись к бородачу.

— Меня зовут Варган, мой господин. Барон снова повернулся к Иллесу.

— Думаю, ты собрал хорошую команду, но их слишком мало. Я надеялся на большее.

— Знаю, месьор. Я чуть не утонул во время этой грозы, а когда наконец попал в безопасное место, в таверну, то приложил все усилия, чтобы завербовать наемников, которые там были. Все, чего я достиг — это двадцать шесть человек, но это только благодаря Конану.

Орин не смотрел на Иллеса — он наблюдал за работой группы солдат; тем не менее он внимательно выслушал его, а затем переменил тему.

— Иллес, — обратился он к юноше, — я собираюсь выждать еще день — может быть, другие вербовщики приведут еще людей. Но больше откладывать нельзя. Один Митра знает, что Усхор задумал сделать с Сафадом, пока мы тут выжидаем. — Он вздохнул и сцепил за спиной руки. — Это адская мука — ждать здесь и не знать… — Лицо его вдруг просветлело, и он указал на склон холма. — А вон идет твоя юная госпожа, Иллес.

Иллес обернулся и увидел молодую женщину, одетую в грубую солдатскую одежду — она поднималась вверх по холму, выкрикивая его имя.

— Тайс! — воскликнул он, затем извинился перед Орином и поспешил вниз.

— Его женщина? — спросил Конан.

— Когда нам пришлось оставить Сафад, — произнес Орин голосом, полным боли и сожаления, — несколько женщин и солдатских жен успели в последний момент покинуть город вместе с нами. Среди них была и Тайс. В общем, эти женщины работают в лагере не меньше мужчин. Некоторые учатся держать в руках оружие…

Конан внимательно наблюдал за стройной, темноволосой девушкой, повисшей у Иллеса на руке. Не было никаких сомнений в том, что она не привыкла к тяжелому физическому труду и войне, и вообще выглядела как девочка.

— Иллес сказал вам, что ждет нас в Сафаде? — спросил Орин.

Конан и Варган кивнули.

— Он рассказал то, что знал, — объяснил Конан. — Про призраки, проходящие сквозь стены и убивающие людей. Но скажи, Орин, зачем Ус-хору ваш город?

— Не знаю. — Барон озадаченно нахмурился и сжал кулаки. — Не знаю! Тот день начался так же, как всегда. И вдруг словно какая-то чума обрушилась на город — этот колдун. Но зачем ему город, я не представляю.

В этот момент, держась за руки, к ним подошли Иллес и Тайс.

— Чем вы там занимаетесь, Тайс? — спросил девушку Орин, разговаривая с ней ласково, как с младшей дочерью.

— Помогаем солдатам рыть отводные каналы, — ответила та, указывая рукой вниз, на равнину. — Мы оттаскиваем землю… Если позволите, мой господин, мы с Иллесом пойдем — я хотела кое-что показать ему…

— Конечно, дитя мое, — с ласковой улыбкой согласился барон.

— Как будто холодает, — объявил Варган, когда молодые люди скрылись из виду, и поднял глаза на небо,

— Да, — согласился Орин. Ветер задувал с севера и двигался огромными невидимыми волнами с далеких полей, колыхая травы на полях точно волны. — Если опять пойдут дожди, нас затопит. Может, это Усхор насылает на нас бури.

Орин оглядел лагерь и заметил конный отряд, приближающийся с востока.

— Еще солдаты, — вздохнул он. Затем указал рукой на большую палатку, которая стояла за его шатром. — Конан и Варган, там вы можете перекусить, если хотите. Думаю, ваше путешествие было долгим и тяжелым.

Варган пожал плечами и, играя мускулами, с силой потер руки.

— Пойду помогу парням оттаскивать землю. Конан спросил у Орина:

— А далеко находится Сафад?

— Полтора суток верхом. Отсюда город не виден — он лежит к северу, за полосой леса вон там, на горизонте.

Небо над лесом, куда указывал Орин, было темным.

Конан собирался задать еще какой-то вопрос, но тут за его спиной откинулся полог палатки, и из нее вышел человек в доспехах и темном плаще. Орин посмотрел в его сторону и приветственно кивнул. Конан и Варган повернулись к шатру.

Человек был высок и на вид суров, а голову его полностью скрывал тяжелый черный шлем. Лица не было видно, только в смотровых щелях сверкали белки глаз. Под щелями располагался выдающийся вперед фальшивый нос — для дыхания, а ниже сквозь горизонтальную щель виднелся бесстрастный рот. Словом, шлем был сделан точно в насмешку над человеческим лицом.

Воин в шлеме слегка поклонился, какое-то время постоял, изучая двух новых людей рядом с Орином, а затем стал спускаться вниз по склону в направлении палатки-столовой.

Конан взглянул на Орина, озадаченный.

— Кто это такой?

— Его зовут Болард — Дестан Болард. Он родился в Коринфии, но, судя по тому, что он рассказал, его изгнали из страны. Он был офицером наемных войск, разбойником и военачальником, но несколько месяцев назад нанялся на службу к Усхору, а тот по неизвестной мне причине проклял его. Болард утверждает, что Усхор так обезобразил его лицо, что любой, кто взглянет на него, сойдет с ума или умрет.

Варган недоверчиво усмехнулся, а Конан снова посмотрел в ту сторону, куда ушел Болард. Он уже скрылся в палатке.

— Так он был союзником Усхора? — спросил Конан у Орина. — И вы позволили ему находиться здесь?

— Он появился в Сафаде всего за день до атаки. Он хотел предупредить меня о том, что Усхор собирается захватить город. Да… он появился перед моим троном, изгнанник, вне закона, странный человек в маске, и настойчиво требовал, чтобы я готовился к войне. Я решил, что он сумасшедший и пригрозил ему тюрьмой… ну, а на следующий день его предсказание сбылось. — барон горестно вздохнул. — Он преследует те же цели, что и я,

Конан — хочет отомстить проклятому некроманту и убить его. Поэтому я ему доверяю. Мне думается, он не станет работать на две стороны. Сильная ненависть к Усхору лишила его всех прочих мыслей и чувств.

— Не стоит доверять фанатикам.

— Согласен. Но пока что Дестан Болард не давал повода сомневаться в нем, и, кроме того, он предоставил мне весьма ценные сведения.

Конан испытывал сомнения, однако у него не было никаких фактов, и потому он предпочел хранить молчание.

Внезапно задул холодный ветер — более сильный, чем раньше; с севера величественно плыли тяжелые черные облака — но они прибывали и сбивались в кучи гораздо быстрее обычных облаков.

Орин проследил за его взглядом.

— Как я и опасался, — прошептал он и сплюнул на землю. — Новая буря. Уверен, это Усхор вызывает непогоду — в последние четыре дня гроза приходила с севера.

Но Конану казалось, что в воздухе, помимо облаков и порывов ветра, носится что-то еще. Что же?..

Он хлопнул Орина по плечу и указал рукой на небо.

— Посмотри туда — видишь вон те тучи? Они не могут быть такими… Что-то там неладно!

Орин всмотрелся в облака…

— Вон там, барон, там, за…

И тут Орин увидел. На фоне грозовых туч, наполовину скрытое огромными массами, темнело нечто — маленькие пятнышки, которые двигались независимо от облаков. Они кружились и взлетали — крохотные черные точки…

— Это не облака, — проговорил Орин, не в силах оторвать взгляд от неба; прищурившись, чтобы лучше видеть, он все смотрел и смотрел, пытаясь понять, что же это такое. Но они пришли с севера…

Вдруг Орин повернулся и закричал человеку, стоящему на вершине холма:

— Труби тревогу! К бою!

И тут же тишину разорвали резкие звуки горна. Все солдаты, занятые внизу работой, на мгновение застыли, а затем отбросили мотыги, жерди и бадьи с водой и землей, и посмотрели сначала на Орина, а затем на бегущие с севера тучи.

Маленькие пятна, снующие на фоне облаков, немного увеличились и теперь двигались вместе с тучами. Далекие поля потемнели — тучи заго- родили собой солнце и накрыли луга словно покрывалом; в последних отблесках света, прежде, чем неестественная тьма поглотила лагерь, летающие пятна стали различимы — на них случайно упали солнечные лучи.

— Это люди, — прошептал Орин в предчувствии боя. — Летающие люди, вооруженные мечами. — Затем повернулся к трубачу и прокричал: — К оружию! Усхор наслал на нас новое колдовство!

Глава вторая
Мстители

Врагов были тысячи, много тысяч, они падали с неба точно смертельный дождь — в бронзовых доспехах, с мечами наперевес — они неслись мощным потоком, и их черные крылья сверкали точно смазанная жиром кожа. Они летели, планируя в потоках воздуха, которые тянули за собой тучи, и кружились вместе со своими тенями, заслоняющими дневной свет.

Не было дождя, не было ни молний, ни зловещего грома. Их появление предвещали лишь яростные порывы ветра — которые и были самой бурей. Крылатые люди накатывались волнами — они кричали, их доспехи клацали, а оружие сверкало; солдаты Орина мгновенно оказались оттеснены мощными потоками атакующих.

Орин крикнул:

— Уничтожьте их! — и сам бросился в бой. И тут же многие солдаты последовали его примеру, и бросились на врага, выкрикивая боевые кличи.

Конан сохранил спокойствие и обнажил меч, чувствуя в руке его приятную, уверенную тяжесть. Варган, стоящий рядом с ним, что-то прорычал, пристально наблюдая за тенями, падающими с небес — клубящиеся облака изрыгали их бесконечным потоком — а они падали и падали, так быстро, что за ними не угнались бы капли обычного дождя. Теперь стало видно, что они не летели по-настоящему, как птицы, а скорее планировали — быстро, влекомые ветром.

Кроме того, стало заметно, что это не совсем люди — больше они напоминали жутких, порожденных ночным кошмаром летучих мышей: широкие черные крылья, похожие на кожаные складки или на перепонки летающих ящериц, нелепым образом прицеплялись к телам недочеловеков, изрыгающих проклятия на неизвестном языке; у них были острые, как иглы, зубы и пупырчатая черно-серая кожа, которая светилась неестественно радужным сиянием гнилого мяса.

Два десятка летающих уродцев с мечами и топорами наперевес бросились на Орина, и порыв ветра, пришедшего вместе с ними, был настолько силен, что едва не сбил человека с ног.

Барон стремительно пригнулся — и в тот же миг над его головой просвистели лезвия мечей — затем вскочил и бросился в сторону, а крылатые существа рванулись следом, да так неосторожно, что рассекли мечом своего же собрата от шеи до живота.

Нападавший дико заорал; меч выпал из его руки. В один миг, точно молния, он с силой полетел на землю. И вдруг его огромные черные крылья сморщились, точно горящая бумага, и он, сверкая бронзовыми доспехами, полетел вверх тормашками. Из грязи поднялся дымок — и крылья исчезли.

Когда легион летающих тварей опустился на склон холма, Конан и Орин припали к земле. Теперь эта куча, упустившая барона, переключилась на них. Киммериец уворачивался; рядом с ним промелькнуло лезвие меча, и он вскочил на ноги, размахнулся и выбил меч из рук одной твари. Тут же вокруг него замелькал десяток мечей. Конан припал к земле, увидел нависшую над ним тварь — и что есть силы рубанул клинком…

Существо пронзительно заголосило, когда Конан вспорол ему бок. Струя крови брызнула

ему прямо в глаза. Он инстинктивно пригнулся и упал на колени — в тот же момент над ним пронеслась черная тень; порыв ветра всколыхнул волосы…

Варган радостно взревел; атакующие переключились на него, и он бросился им навстречу, а меч в его руке выписывал огромные круги. Одна из тварей нацелила на шею Варгана свой топор, но тот пролетел мимо, вместе с рукой своего владельца, в то время, как голова другой заалела от крови — Варган настиг ее своим мечом. Сзади на него прыгнул еще один летун, и Варган, у которого не было времени на раздумья, левой рукой схватил тварь за доспехи; он был ранен в спину, и его ноги пропахали в земле две борозды, но он всем телом навалился на летуна, и оба очутились на земле. Огромные крылья неистово колотили в воздухе, и Варган вдруг поймал себя на том, что вглядывается в рычащее, почти человеческое лицо твари. Она яростно вопила, ее глаза сверкнули неестественным красным светом, а затем она сделала выпад головой, нацелив свои белые зубы на горло Варгана — но в то же мгновение меч нашел свою жертву, и голова с перекошенным от ненависти лицом слетела со своих плеч.

Голова твари покатилась по склону, и Варган схватил ее меч, с удивлением глядя на крылья, которые с хрустом съежились, испустив струйку темного дыма. Варган поднялся на ноги и яростно взмахнул мечами, а затем с ревом бросился в атаку на двух созданий, которые кинулись в его сторону.

Конан, у которого на время не оказалось противников, глянул вниз и увидела, что твари заполонили всю равнину и бесконечным потоком продолжали вылетать из темных облаков — вначале они казались мелкими, как булавки, но затем, по мере приближения к земле, становились все больше и больше, и там они плотными массами падали на дерущихся солдат, рассеянных по плоскогорью и холмам. Воздух потрясали истошные крики летучих тварей и воинов; со всех сторон доносилось лязганье металла о металл. Люди прыгали и с лету рубили своих крылатых врагов, и те закрывали воинов своими крыльями, после чего враги, сцепившись, падали на землю и боролись в грязи на влажной траве.

И тут Конан увидел Иллеса — он стоял у подножия холма, у его ног, съежившись, сидела Тайс — их окружили семь тварей, чьи мечи вострились, точно клыки. Конан пробормотал проклятие, спрыгнул вниз, побежал и заскользил по склону холма, а когда увидел, что не успевает, схватил огромный валун и швырнул его.

Одна из тварей завопила и повалилась набок, яростно, но без пользы махая крыльями. Другие твари кинулись на Иллеса. Молодой воин бросился вперед, взмахнул мечом и рубанул одну из мерзких тварей. Та отлетела в сторону, и кишки вывалились у нее из живота — существо скрючилось, и за ним потянулся темно-красный след. На Тайс замахнулись еще две твари; Иллес обернулся и отрубил руку одной и тут же парировал выпад другой. Тайс сжалась в комок и закричала, но она была цела и невредима. Конан пронзительно крикнул, подбегая к Иллесу — но отвратительное существо отлетело в сторону. Иллес поднялся на ноги и усмехнулся; он был весь в крови, а в его руке трепетал меч.

— Сколько… их… здесь, Конан? — задыхаясь, спросил он.

Тот покачал головой и посмотрел на небо.

— Кажется, их становится меньше…

— Берегись, Конан!

Миг — и он упал на колени, а над головой просвистел меч. Конан вскочил на ноги, взмахнул клинком, и тот вонзился во что-то твердое; раздался глухой стук и рев.

Конан с громовым кличем бросился в атаку — со всех сторон их неожиданно окружила

орда тварей. Варвар двигался очень быстро, и потому представлял собой почти недостижимую цель для крылатых существ, которые обладали явно замедленной реакцией по сравнению с человеком. Вокруг него взметались мечи и топоры, но он инстинктивно выбирал нужное направление — прыгая или пригибаясь к земле — и метался то туда то сюда, время от времени поглядывая вверх и взмахивая мечом, если чувствовал порыв ветра, нагнетаемый крыльями, или краем глаза замечал блеск доспехов. Это было чистым безумием — сражаться с такими врагами; хотя они казались медлительными созданиями и плохо управляли полетом, они с умом использовали свое умение быстро перемещаться в воздухе — стоило человеку поднять голову, чтобы определить местонахождение очередной твари, и он мог получить мечом между глаз.

Киммериец отступал вверх по склону холма, наблюдая за тем, что творится внизу на поле, и его меч так и метался во все стороны. Орда летучих созданий заметно поредела, и теперь стало совершенно ясно, что, опустившись на землю, они уже не могут с толком использовать крылья, и их легко сразить. Казалось, у них не было сил даже на то, чтобы удерживаться на ногах. Все их преимущество состояло в способности быстро опуститься — тогда они пролетали точно над головами людей и убивали их, пользуясь тем, что намеченная жертва не успевала среагировать.

Конана поразило и то, что эти твари действовали весьма глупо; когда они повисали в воздухе, единственное, на что их хватало — это изо всех сил молотить крыльями, удерживаясь вверху, а в это время любой воин мог разнести их на кусочки или свалить на землю. Однако, хотя тварей становилось все меньше и люди Орина продолжали отчаянно сражаться, летучие тени по-прежнему окружали и накрывали своей массой отдельные группы. Случалось и так, что даже получив мощный удар по доспехам, тварь взлетала и утаскивала с собой человека.

Вскоре воины отыскали новый, куда более действенный способ борьбы, и с неба дождем начали падать летучие создания — это лучники Орина натягивали тетиву своих луков и выпускали стрелы. Вокруг слышались нечеловеческие предсмертные крики — многие существа, подстреленные, сталкивались друг с другом на большой высоте и летели вниз, оставляя дымчатый след, и падали на деревья или траву, или в лужи со стоячей водой.

Но оставшиеся в живых твари продолжали поднимать в воздух незадачливых воинов. И даже когда солдаты наносили своим врагам смертельные раны, те поднимали их высоко вверх и сбрасывали, и несчастные с криками падали на землю, усеянную телами, или в толпу людей, которые нечаянно убивали своих товарищей.

И все же самое страшное было позади. Конан, убивавший любую тварь, которая только к нему приближалась, начал подниматься вверх по холму. Один из последних монстров бросился на него, оскалив клыки и махая мечом; Конан прыгнул и перевернулся, а затем ударил мечом и почувствовал, как тот вонзился в плоть и наткнулся на кость. Тварь, махая крыльями и дико вопя, понеслась по склону и врезалась в кучку из шести человек, которые изрубили ее на куски.

За спиной Конана раздался громкий крик. Это ликовал Варган — на него налетело крылатое создание и он ловко разрубил его сверху донизу. Тварь громко зашипела, а ее меч полетел в сторону. Затем Конан увидел Дестана Боларда — его шлем и плащ были забрызганы кровью. — он прыгнул навстречу другому существу и с силой прошелся по нему мечом. Тварь дико завопила, кровь хлынула у нее из раны, крылья бесцельно молотили в воздухе и уже начали дымиться, но тут существо метнулось в сторону киммерийца. Конан

же, поразившись упорству твари, развернулся и рассек ее. Искалеченная тварь упала на землю и покатилась по склону холма, оставляя за собой на траве кровавый след.

Битва закончилась.

Орин, опустив окровавленный меч и тяжело дыша, стоял на холме, осматривая поле боя. Варган только что обезглавил раненого, но не переставшего вопить монстра. Неожиданно последний из нападающих с криком пронесся в воздухе, и его меч был направлен прямо на Варгана. Тот вовремя заметил летуна и пригнулся, нечаянно насадив на меч только что снесенную им голову, затем повернулся и бросил ее, точно пращей, прямо в лицо летящему навстречу монстру. Две головы с хрустом столкнулись, и существо со свернутой шеей повалилось на землю, выронив меч. Варган захохотал.

— Это была последняя тварь, во имя Митры! — закричал он.

Орин отсалютовал своим мечом, а затем поднял глаза на небо. Оно было чистым, незапятнанным. Не произнеся ни слова, Орин зашагал по траве, перешагивая через тела, закованные в бронзовые доспехи. Конан увидел, что Болард спешит ему навстречу, а с другой стороны — Варган, который, смеясь, пинал ногой тела, попадающиеся ему на пути. Его доспехи были покрыты красными пятнами, а оба меча потемнели от запекшейся крови. Конан поспешил к ним.

Все, кто уцелел в битве, вскинули окровавленные мечи и радостно закричали. Грозовые тучи, ретируясь, проплыли мимо; солнечный свет озарил траву и деревья. Повсюду клубился дым — темные струйки поднимались с земли и, извиваясь, исчезали под порывами свежего ветра — это таяли и испарялись тысячи и тысячи крыльев. И этот дым поднимался везде, где лежали тела в бронзовых доспехах, золотом сверкавших на солнце — их было так много, что казалось, это какой-то бог на небе нечаянно расплескал целую лохань расплавленного золота.

Тяжело дыша, Конан задумчиво смотрел на груды закованных в доспехи тел.

— Никаких сомнений, Орин, — проговорил Болард.

Тот кивнул. Конан переводил взгляд с одного на другого; тут подошел Варган.

— Никаких сомнений в чем? — спросил северянин, стряхивая с меча капли крови. — Что это колдовство Усхора?

Орин посмотрел на него своими пронзительными серыми глазами.

— Да, — ответил он мрачно. Его голос дрожал — не от страха, а от боли, которая словно тисками сжимала сердце. — Они появились с севера — оттуда, где расположен Сафад. И нельзя сказать, что они совсем лишены человеческого.

Конан уже понял это; но сейчас ему в голову пришла странная мысль.

— Вы хотите сказать… что когда-то они были людьми?

Болард едва заметно кивнул. Орин указал мечом на выпачканный кровью бронзовый панцирь, точнее, на выгравированную на панцире эмблему.

— Все эти люди из моей дворцовой охраны. Они защищали дворец и оказались в западне.

— И Усхор..

— Да, он превратил их в эти существа, — замогильным голосом договорил Болард из-под своей маски. — И создал иллюзию, что их гораздо больше, чем было на самом деле. Это колдовство, киммериец…

Конан, понимая, в чем дело, посмотрел на трупы, а Орин прошел мимо, глядя вперед с тоской и ненавистью.

* * *

Еще несколько отрядов наемных солдат появились после захода солнца, когда солдаты Орина выносили за пределы лагеря последние трупы закованных в бронзовые доспехи созданий. Орин приветствовал новых людей и поблагодарил своих вербовщиков за то, что им удалось пополнить ряды воинов. Он рассказал им, что произошло днем, а затем, когда совсем стемнело и люди зажгли костры, чтобы приготовить пищу, Орин созвал в свою палатку командиров и объявил им о том, что завтра они отправляются в Сафад, чтобы открыто выступить против Усхора.

Пока Орин с командирами совещались на вершине холма, солдаты и новобранцы жарили мясо, опустошали мехи с вином и кувшины с пивом, держа свой собственный военный совет. Многие наемники были не прочь оставить лагерь; в тот день они поняли, что им предстоит сразиться с настоящим колдовством, и не испытывали никакого желания выступать против сверхъестественной силы.

Воины, состоящие в регулярной армии барона, смеялись над ними и напоминали, что один человек без труда мог справиться с четырьмя-пятью летучими тварями. Неужели они должны бояться каких-то бурь и нескольких крылатых уродцев? И если колдовство Усхора на самом деле имело силу, почему он просто не обрушит землю под их лагерем и не убьет их разом, пока они безмятежно сидят здесь и едят мясо?

Наемники — те несколько сот всадников, которые появились вечером — испытывали беспокойство, но не решались что-либо предпринять. Они все время спрашивали о битве.

— Неизвестно еще, что я от этого получу, — проворчал седобородый воин в гирканских доспехах. — Я сражался за деньги много раз, но мне совсем не хочется умереть с колдовским проклятием на душе.

— Да ты просто трус, — ответил ему человек из армии Орина. — Если ты действительно стоящий боец, ты сможешь сражаться против колдовства так же хорошо, как против плоти. Ты же не сбежал сегодня с поля боя. И на самом деле тебя пугают не твари, а мысли о них. Но теперь, когда нас так много и мы знаем, что выиграли первое сражение, мы смело можем выступить против этого колдовства и уничтожить его!

Мнения новоприбывших разделились. Одни, мало сведущие в том, что такое война против магии, были готовы выступить в поход хоть сейчас; другие, приняв близко к сердцу разговоры паникеров о крови и проклятиях, испытывали страх и нежелание вступать в схватку с колдовством.

Орин не имел подобных сомнений, а потому был тверд. Когда вокруг зажглись костры и вместо солнца на небе зажглись звезды, он обратился к своим командирам и подробно рассказал, что их может ждать в Сафаде. Вокруг него собралось около двадцати человек — все закаленные ветераны; был здесь и Дестан Болард в своем шлеме. Позади всех стоял Конан — ему было интересно, не всплывут ли какие-нибудь новые подробности — и Орин не возражал против его присутствия.

— Усхор будет ждать нас, — сообщил он командирам. — Он уже выслал против нас свои колдовские силы. Но мы отразили их атаку, и его попытки оказались бесплодными, а сейчас нас стало даже больше! Наши отряды насчитывают теперь около пяти тысяч воинов. У нас смелые, горячие солдаты, воспитанные в нашей армии, и много временных, но опытных наемников, которые сразятся вместе с нами за золото.

— Мы разобьем Усхора, я уверен. У нас у всех в Сафаде остались семьи и друзья; я видел, как моя собственная сестра погибла от этого грязного колдовства, и я знаю, что многих, кого вы любили, постигла та же участь. Усхор владеет колдовством и действует неожиданно; у нас есть ме-чи, и мы жаждем мести. Да поможет нам Митра, мы отправим Усхора обратно в преисполню, из которой он явился!

Воины захлопали в ладоши и закричали. Орину удалось пробудить в них боевой дух, напомнив им о праведном гневе и жажде мщения. Но Конан, который стоял позади толпы, время от времени поглядывал на Дестана Боларда.

Тот стоял в стороне, прислонившись к дереву и праздно скрестив на груди руки. На его железной маске плясали отблески огня. Казалось, он бесконечно далек от всего происходившего в лагере и отнюдь не разделяет возбуждения соратников барона Орина.

Конан неслышным шагом приблизился к нему.

— А ты что думаешь, Болард? Удастся им все это?

Тот пожал широкими плечами:

— Не думаю, что Орин на самом деле настолько недооценивает Усхора. Но он знает, что должен разжечь в своих людях жажду битвы.

— А такого количества людей хватит, чтобы разбить его?

— Вполне, киммериец. Вполне. Почему-то Конану не понравились его уклончивые ответы.

— Ты хотел бы убить колдуна собственными руками, верно, Болард?

В щелях зловещей маски сверкнули глаза.

— Да, — ответил Болард глухим голосом, в котором слышались металлические нотки. — Я убью его.

— Что он с тобой сделал?

— Разве Орин не рассказывал?

— И поэтому ты носишь маску, Болард? Тот повернулся и пристально посмотрел на

Конана. Его черный шлем, тяжелый, неровный, странно искрился и отражал отблески костра.

— Если бы я не носил этот шлем, приятель, то вид моего лица испепелил бы твой ум и душу, — сказал он прямо, чуть ли не грубо, и благодаря этому слова его прозвучали еще более убедительно.

— Усхор наложил на тебя проклятие?

— Да. Но я знаю, как уничтожить его.

Конан ждал. Правду ли говорит Болард? И почему он испытывает к нему необъяснимое недоверие? Варвар привык доверять своему чутью, оно никогда еще не подводило его, — однако, как ни старался, он не мог отыскать в поведении Дестана ничего, что свидетельствовало бы против бывшего наймита мага.

— И как же ты намерен уничтожить его? Но тот не ответил, словно не слышал вопрос.

Киммериец почувствовал, что начинает закипать — такое намеренное пренебрежение выводило его из себя. Он решил сделать еще одну попытку.

— Скажи, Болард, а почему Усхор напал именно на Сафад? Неужто в Кофе не нашлось городов побогаче?

— Орину я рассказал все, что знал, — произнес Болард вместо ответа, и его голос прозвучал гораздо жестче. — Больше никто не вправе задавать мне вопросы. Твое дело — махать мечом, ты ведь завербовался простым наемником, а не сотником!

С этими словами Болард вновь прислонился к дубу и своим видом словно воздвиг вокруг себя невидимую стену.

Конан почувствовал неудержимое желание выхватить меч и снести голову наглецу. Рука его уже потянулась к ножнам… Будь он моложе лет на пять — он ни на миг бы не задумался!.. Но сейчас, после службы в войске Илдиза Туранского и многих других приключений, неукротимый варвар стал мудрее, научился спокойствию.

Вокруг было слишком много людей, Орин со своими военачальниками, простые наемники… Убить товарища по оружию просто так, даже не в поединке, без веской причины, это было бы чревато: барон поддерживал в лагере строгую дисциплину.

— Рано или поздно, ты ответишь мне на все вопросы, человек-маска! — ледяным тоном пообещал киммериец и, презрительно сплюнув к ногам Боларда, решительным шагом двинулся прочь.

Теперь он доверял этому парню еще меньше, чем раньше. Интересно, подумала он, честен ли Болард с Орином, и не использует ли его армию для мести Усхору? А если так — насколько они могут доверять тому, что Дестан рассказал им про колдуна?..

Совещание закончилось, и командиры, спускаясь вниз по склону, расходились по своим отрядам. Конан увидел, что Орин дружески машет ему рукой.

— Пойдем, Конан, выпьем вместе. А то мое горло уже пересохло от речей.

Киммериец принял приглашение и последовал за ним в палатку — там барон наполнил вином два кубка и один протянул своему гостю.

— Будет ли толк от твоих речей? — напрямик спросил тот.

Орин вздохнул.

— Это мои люди. И они пойдут за мной. Они по праву заинтересованы в том, чтобы вернуть Сафад. Но они также… боятся, что ли? Может быть, и не боятся, а лишь осторожничают. Они видят Тьму, это как туннель, как стена чего-то страшного, черного, и они не уверены… — Орин оставил кубок. — Выступать против одного колдовства в пять раз страшнее, чем против целой страны.

Конан отпил вина, затем неожиданно поднялся и, откинув полог шатра, выглянул наружу. Их недавний разговор с Болардом продолжал тревожить его. Почему-то ему казалось — опять это звериное предчувствие опасности! — что если барон недооценивает своего таинственного союзника, это может быть чревато для них для всех… Но поверит ли ему Орин? Почему, в конце концов, он должен принимать на веру слова какого-то наемника — пусть даже он и слышал о нем много хорошего… но ведь его подозрения не опираются ни на какие реальные доказательства!

Конан вернулся на место и отхлебнул вина.

— Что там, снаружи? — спросил его Орин, наполняя свой кубок.

— Болард…

— Он что, где-то поблизости?

— Нет… но я не доверяю ему.

— Вот как?! — Орин поднял свой кубок и снова взглянул на Конана, а затем уселся в кресло.

— Почему, могу ли я узнать?

— А ты ему веришь?

Орин пожал плечами и отхлебнул вина.

— Я верю ему до тех пор, пока могу уследить за ним, Конан. Это тебя успокаивает? Мы

оба знаем, что он изгнанник.

— Но он хотя бы объяснил, почему Усхор напал на Сафад?

— Нет. А ты думаешь, он знает?

— Если он столько времени провел с этим колдуном…

Орин махнул рукой.

— Болард — гордый человек. Может быть, он знает больше, чем говорит, но я думаю, что его молчание связано в основном с его гордостью. Его честь сильно задета, и сейчас ему совсем не хочется делиться своими знаниями и соображениями.

— Так ты оправдываешь его — даже если подозреваешь, что он может вести двойную игру?! Как давно ты с ним знаком?

Орин вздохнул, и киммерийцу почему-то показалось, что не он первый приходит к барону со своими вопросами и сомнениями. Однако тот стойко защищал Дестана Боларда… странно все это!

— У меня есть свое мнение насчет него. Я никому не верю до конца; ни один правитель не может себе это позволить. Но я не думаю, что Болард — негодяй или предатель.

— Думаю, если бы у него была возможность, он принес бы нам немало вреда.

Орин снова пожал плечами.

— Возможно. В любом случае, я сомневаюсь, что Болард надолго задержится в моем войске. Он хочет отомстить Усхору. А как только мы снова появимся в Сафаде, уверен, что Боларду больше не будут нужны ни я, ни моя армия. Но и это говорит о том, насколько я ему доверяю.

— Ты когда-нибудь видел его лицо?

— Нет, — ответил Орин. — Но сомневаюсь, что он гордится своей наружностью. — Барон улыбнулся.

Конан усмехнулся в ответ и принял предложение Орина выпить еще вина..

— Меня волнует не только Болард, есть немало других поводов для беспокойства, — доверительно сообщил Орин, наливая вино и передавая Конану кубок. — Однако я слышал о тебе, киммериец, все говорят, что как воину тебе нет равных, и я готов поверить, что ты не станешь зря болтать и возводить напраслину на человека. только объясни мне — что так тревожит тебя?

— Чутье меня редко подводит, Орин. Я чувствую, что в нем есть что-то странное.

— Без сомнения… Но я позвал тебя не за этим. Мне хотелось знать твое мнение о тех планах, что мои военачальники предлагают для будущего похода. Вот, к примеру… — Однако ему не удалось договорить. Не успел барон поставить кубок, как в шатер вошел его помощник.

— Что там такое? — встревоженно спросил его Орин.

— Наемники, мой господин. Их вожди просят аудиенции.

Барон нахмурился.

— Очень хорошо. — Когда охранник вышел, он быстро взглянул на Конана. — Боюсь, что они решили… глупцы!

Орин поднялся и вышел наружу, Конан последовал за ним. Возле костра стояло несколько наемников — четверо крупных мужчин, облаченных в разношерстные доспехи и вооруженные самым разным оружием. Орин миновал охранника и направился к ожидавшим его воинам.

— Что все это значит?

— Орин, — произнес один из вожаков, — наши люди решили не сражаться за тебя. Мы уходим.

Орин не удостоил его ответа — он посмотрел на вожака суровым, твердым взглядом, от которого тот разошелся еще больше.

— Мы не хотим сражаться против магов и колдовства, барон. Все очень просто.

Орин пристально вгляделся в эти грубые бородатые лица, на которых плясали отблески костров.

— Когда вы нанимались, вы все были согласны выступить за меня. Вы знаете условия службы. Я согласен заплатить вам сразу, как только мы достигнем города…

— Да, и есть еще другое, — перебил его другой вожак. — Мы хотим, чтобы нам заплатили и за сегодняшний день сражения.

Орин подтянулся и словно стал выше ростом, его темные глаза засверкали от гнева.

— Вам заплатят, когда мы достигнем Сафада и вы будете сражаться, как мы договорились!

— Ты не смеешь помыкать нами! — воскликнул третий вожак. — Мы согласились сражаться — за вознаграждение. После того, что мы видели сегодня, наши люди больше не хотят идти войной против колдовства, но мы хотим, чтобы нам по справедливости заплатили за этот бой. Мы знаем, что в этой палатке есть золото!

Орин презрительно скривил губы; из его горла вырвалось глухое рычание.

— Вы, собаки! — взревел он — За то, что вы нарушили свое слово, вы заслужили смерть — так что можете считать, вам повезло, что остались в живых. Предатели не получат никакого золота!

Один из вожаков сделал шаг вперед; к нему приблизились охранники Орина, отгораживая их от своего командира.

— Мы сражались и хотим получить наши деньги! — воскликнул тот злобно.

— Я заплачу вам сталью! — произнес в ответ барон, тоже делая шаг вперед. Он напрягся так сильно, что на спине и руках выступили бугры мышц. — Я заплачу вам золотом, если вы дойдете со мной до Сафада. Или вы хотите, чтобы я заплатил вам смертью — что ж, тогда попробуйте сразиться со мной — сейчас!

Глаза наемника яростно сверкали, но он молчал.

— Очень хорошо, — проговорил Орин. — У вас есть и третья возможность. Можете уносить из моего лагеря свою шкуру. Сколько трусливых свиней находится под твоим командованием?

Лицо наемника исказилось от гнева, но он попятился назад и тихо проговорил:

— Пятьсот…

— Так забирай свои пять сотен и проваливай вместе с ними!

Но тут, положив руку на меч, вперед выступил другой вожак.

— Золото — вот что мы…

Губы Орина скривились в зловещей ухмылке.

— Ну, обнажи клинок, если хватит смелости! Наемник не шевелился.

— Ну, давай же! Мое лицо станет последним, что ты увидишь в своей жизни. Доставай свой меч, и я заплачу тебе сталью, проклятый ублюдок!

Наемник убрал руку с меча.

— Тогда убирайтесь, — прошипел Орин. — Забирайте своих псов и убирайтесь. А если вы задумаете ограбить нас, вам придется по-настоящему сразиться с моими людьми! — И он

обвел рукой долину, которая лежала внизу, усеянная тысячами горящих точек-костров, — они казались глазами ночного зверя. — Убирайтесь!

Наемники ушли. Злые и угрюмые, они попятились вниз по склону, не решаясь повернуться спиной к Орину, вскоре внизу раздались возмущенные крики — это наемники узнали, что не получат ожидаемой награды.

Орин крикнул трубачу:

— Играй готовность к бою!

Раздался рев трубы, и тут же солдаты Орина вскочили со своих мест, и с равнины донеслось лязганье тысяч мечей и топот тысяч сапог. А наемники, чувствуя, что сила не на их стороне, перестали шуметь и вскочили на коней. Вскоре они покинули лагерь и растворились в темноте.

Орин подождал, пока топот копыт не стал еле слышен, а затем еще немного — когда в лагере снова стало тихо. Только после этого он направился к своей палатке.

— Те наемники, что прибыли сегодня вечером, пока еще с нами, — приглушенным голосом сказал Орину Болард, который незаметно приблизился во время спора с вожаками, — но они взволнованы происходящим.

— Да, — согласился Орин. — Именно этого я и боялся. Я нисколько не сомневаюсь в том, что многие сбегут, поджав хвост, как только почувствуют запах настоящего боя. Какие же трусы мне служат!

Он развернулся и вошел в палатку, Конан стоял все на том же месте. Он смотрел, как уходит Болард — видимо, он тоже пошел спать. Шум в лагере постепенно утихал, и Конан стал думать о том, где ему устроиться на ночлег. Его лошадь была привязана ниже по склону, рядом с высоким деревом, окруженным чащей, а сам Конан, если рядом были деревья, предпочитал ночевать возле них.

Оставив за спиной палатки Орина и его командиров, Конан почувствовал умиротворяющее дыхание сумерек. Был ласковый вечер. Дул легкий ветерок, вокруг негромко щебетали ночные птицы и тренькали сверчки. Внизу, в долине, люди собирались плотными кучками вокруг костров, и звуки их голосов и пения поднимались до самых звезд, сверкавших в темном небе. Конан остановился, глядя на звезды вкушая необъятность неба как нечто ощутимое, осязаемое. И когда он смотрел на небо, а затем на усеянную огнями долину, его взгляд скользнул к югу. И там, на открытых равнинах, так далеко, что почти сливались с горизонтом, мелькали желтые огни. Огни костров.

Наемники?..

— Конан.

Он обернулся быстро и настороженно, как кошка. Это был Иллес; под руку его держала Тайс.

Улыбаясь, Иллес направился к Конану.

— Чудесная ночь, не правда ли?

— Да.

— И что ты думаешь об этих дезертирах? Вместо ответа Конан указал рукой на юг.

— Взгляни вон туда, Иллес. Видишь огни? По привычке Иллес приложил руку ко лбу — словно заслоняя глаза от полуденного солнца.

— Да, — произнес он медленно. — Костры.

— Кто бы это мог быть?

— Может быть, наемники. Или караван путешественников.

Но этот ответ не удовлетворил Конана.

— Нет. У меня есть причины думать, что…

Но, услышав чьи-то шаги, не договорил. Конан обернулся и увидел шлем Боларда, который на фоне усыпанного звездами неба казался черной дырой, непонятным образом насаженной на фигуру в темном плаще.

— Наслаждаетесь ночью? — спросил Болард глухо. — Или разрабатываете стратегию? — Он как будто смеялся; из-за шлема его голос странным образом искажался.

— Посмотри туда, Дестан, — сказал ему Иллес. — Там, на южном горизонте, огни.

Болард быстро глянул в ту сторону.

— И что это значит? — спросил он кратко.

— Конан считает, что это не просто огни.

— И что же, по его мнению, это такое? Конан взглянул на Боларда, но не ответил.

Тот медленно побрел прочь. Качая головой, Иллес посмотрел ему вслед.

— Странный человек, — тихо проговорил он. — Вот бы посмотреть, что он прячет под своей маской. Неужели он настолько ужасен? Единственное, что может скрыть маска — это лицо.

— Да, это верно, — ответил Конан, отметив про себя, что Иллес подобрал верные слова. — Я согласен с тобой. И думаю, все, что ему удастся скрыть от нас — это свое лицо. Все остальное выйдет наружу.

Он снова посмотрел на юг, затем пожелал Иллесу и Тайс спокойной ночи и направился к шатру, где его ждали лошадь и ночной отдых.

* * *

Армия Орина вышла в путь на рассвете следующего дня — четыре с половиной тысяч человек, включая солдат и наемников, держали путь на север, в Сафад. Утро было ясным и чистым — и таким же тихим и свежим, как утро предыдущего дня, когда ничто не предвещало грозовых облаков и нашествия колдовских сил.

Войска шествовали тесными шеренгами; командиры Орина возглавляли колонны солдат, а вожаки наемников — те, что не сбежали — шли во главе своих разношерстных отрядов. Варган, на боку которого болталось теперь два меча, легким галопом ехал рядом с Иллесом и Тайс. Дестан Болард шествовал во главе всего строя — слева от Орина; а справа, по настоянию барона, ехал Конан.

Как-то само собой получилось, что киммериец, ничего особенного не сделав для этого и даже не слишком того желая, занял в войске барона особое положение. Он не был назначен даже десятником, оставаясь обычным наемником, однако сам Орин обращался с ним уважительно и спрашивал его совета, да и остальные воины, многие из которых оказались понаслышке знакомы с репутацией варвара, относились к нему с большим почтением.

Варвар, которому по натуре отнюдь не была свойственна заносчивость, воспринимал все это совершенно спокойно, с горделивой невозмутимостью и достоинством, что еще более привлекали к нему сердца солдат.

..Орин ехал, прищурившись от яркого утреннего солнца, и, слыша позади себя шум, издаваемый его войском, чувствовал успокоение. Он часто оглядывался, и сердце его переполняла гордость, когда он видел стройные, уходящие вдаль колонны — они тянулись по

полям, поднимаясь по склонам и спускались в лощины. Армия… сильная армия. Армия, которая вознамерилась вернуть свой город и разрушить колдовство.

Орин посмотрел на дорогу, поднял руку и указал на северо-запад.

— Сафад, — сообщил он Конану, — лежит вон за тем лесом.

— А мы сможем дойти до леса хотя бы к вечеру

— Легко. Мы станем там лагерем. А к утру завтрашнего дня мы увидим и сам Сафад, — произнес он голосом, наполненным и пылом, и горечью.

Конан удовлетворенно кивнул. Болард ехал рядом с ними, такой же неразговорчивый, как всегда. Его можно было принять за статую, посаженную на коня — все утро он безмолвно просидел в седле, погруженный, как подумалось киммерийцу, в свои тягостные мысли.

— Конан, а почему ты пустился в странствия? — спросил его Орин. — Что заставило тебя оставить свой родной дом и взять в руки меч, чтобы сражаться на чужой стороне?

— Ты считаешь, я слишком далеко забрался от гор родной Киммерии? — варвар усмехнулся. Что за странный вопрос…

— Нет конечно. — Орин улыбнулся. — Но… мне никогда прежде не доводилось встречать твоих соотечественников, они редкие гости в

наших краях. Мне просто интересно. Каждому путешественнику есть что рассказать, и каждый странник имеет богатый опыт. А его можно приобрести только по прошествии времени и пройдя долгий путь.

Конан нахмурился — а затем встряхнул головой, так, что его густые черные волосы, непослушные, развевающиеся на ветру, упали ему на спину.

— Когда я был совсем молод, все мои родные погибли, — сказал он Орину. — Убили всех, а меня взяли в плен. Я стал гладиатором в Халоге, затем бежал. С тех пор… много где побывал и нигде не задерживался надолго. Как будто ветер странствий подталкивает меня в спину, не давая усидеть на месте. Но мне нравится такая жизнь!

Они спустились с холмов и теперь ехали по долине.

Монотонно покачиваясь в седле, Конан смотрел на дорогу, и вспоминал многие другие, по которым он странствовал, будучи воином, точь-в-точь похожие на те, по которым он, конечно, будет следовать завтра, и через день, и…

Кромки леса они достигли уже в сумерках, и там разбили лагерь. Ночное небо было чистым и безоблачным, а воздух — очень теплым; на небе сверкали звезды, сияние которых серебристым узором отражалось на ветвях, покрытых мхом. И страх, рожденный под влиянием колдовства и неизвестности, который сопровождал воинов в пути, теперь, казалось, неведомым образом исчез, испарился.

Это трудно было объяснить, но Конан чувствовал, как страх, владевший всем войском, исчезает — это ощущение испытывали и Орин, и другие из его свиты. Пока воины ставили палатки, разжигали костры и выставляли часовых, барон беспокойно вышагивал по поляне, словно пытаясь учуять, уловить нечто, царившее в атмосфере.

— Ты это чувствуешь? — спросил он у Дестана Боларда; Конан стоял поодаль и прислушалась к их разговору.

— Занавес поднялся, — ответил тот своим глухим, металлическим голосом, — и дверь открылась.

Орин всмотрелся вдаль, пытаясь сквозь редкие деревья увидеть ночной Сафад.

— Он там, — произнес барон, — хотя мы его и не видим. Ни огней, никаких признаков

жизни… — Он повернулся к Боларду и строгим, неожиданно гневным голосом спросил: — Что он сделал, Дестан? Что он сделал?

Болард не отвечал.

— Я не вижу Сафад. Неужели он полностью его разрушил? — Голос Орина дрожал от гнева; мускулы на руках вздулись, а руки сжались в кулаки.

— Он не исчез, — ответил Дестан угрюмо.

— Это ловушка… Болард пожал плечами.

— Не знаю. Я знаю, что это ощущение идет оттуда. Усхор все еще там. Он словно накрыл город покрывалом. Его присутствие на земле может быть незаметным, но сам он и его колдовство остаются. — Его слова — жесткие, зловещие — звучали убедительно, они принадлежали человеку, прошедшему все круги преисподней.

Орин отошел в сторону, чтобы прийти в себя после слов Боларда — обдумать их как следует и молча излить свою ярость. Но Конан, проводив взглядом Орина, повернулся к Дестану.

— Такое чувство, будто облака наконец рассеиваются, — сказал он. — Ты действительно уверен, что Усхор там?

Болард усмехнулся.

— Усхор может управлять даже чувствами. Если даже вокруг покой, знай, что за ним прячется назревающая буря.

Он развернулся на пятках и ушел. Конан, глубоко задумавшись, смотрел ему вслед. Ночь была ясной, звезды сверкали и казались такими же яркими, как капельки росы, освещенные солнцем.

Такими же яркими, как капли росы, которые — вспомнилось ему — сияли в лучах солнца два дня назад, до того, как налетела буря…

* * *

Они увидели Сафад утром следующего дня.

Город стоял иа вершине высокого холма, окруженного жидкими рощами и плодородными полями и пастбищами. Обнесенный высокой стеной, безмолвный и одинокий, город не подавал признаков жизни.

— Он выглядел так же, когда мы оставили его, — сказал Орин. — Такой же заброшенный…

Конан чувствовал, что человек, который, вытянув шею, сидел в седле рядом с ним, напряжен и взволнован; его руки крепко сжимали поводья, а глаза были устремлены на город — барон пытался отыскать признаки вероломного колдовства. Утро было безмятежным. Небеса сияли лазурью, но птиц в воздухе не было. Все вокруг выглядело заброшенным — тут и там в бороздах валялись плуги, а мотыги и колышки для саженцев остались лежать там, где их бросили.

— Мы уходили именно этой дорогой, — сообщил Орин Конану, — и все время, пока не достигли леса, сражались с призраками.

И вдруг далеко на западе раздался низкий, раскатистый грохот — словно дракон проснулся после долгой спячки. Иллес, который ехал позади Орина и Боларда, произнес отсутствующим тоном:

— Гроза…

Орин покачал головой, а Болард, которого почему-то взволновало сказанное Иллесом, повернулся к нему и глухо засмеялся.

Гром прогремел снова, все там же, на западе — словно подсказывая Иллесу, что это не гроза. Молодой воин повернулся к Тайс, но та смотрела мимо него; затем легонько коснулась пальцами его руки.

Усхор…

Было ясно, что его легионы ждали неприятеля. Но где они находились — в городе или далеко на западе? Орин пришпорил лошадь и помчался вперед, обогнав Боларда, Конана и Иллеса. Правитель Сафада бросался во все стороны, осматривая холм, поле и пашню в поисках хоть какого-нибудь намека на засаду, устроенную Ус-хором.

Но маг по-прежнему скрывался и выжидал.

По мере приближения к городским стенам, Конан чувствовал все возрастающее напряжение; кожа под доспехами взмокла от пота. До Сафада было уже недалеко, и теперь город был виден весь — безликий, безмолвный; на стене не было ни одного человек, а со стороны ворот не доносилось ни единого звука. Сафад лежал осквернённый, мертвый. Конан в любой момент ожидал нападения и представлял себе землю, дрожащую под ногами, неистовую бурю в небе, странный ветер и горящие глаза призраков…

Но никакие призраки не вышли им навстречу; на городской стене не стоял и не размахивал руками Усхор в развевающейся мантии; из-за стены не вылетали и не метали молний никакие колдовские создания. Никаких монстров. Никаких призраков. Никаких долгих и скучных обращений к силам Тьмы. Никаких демонов в темных одеждах.

Только город, стоящий с открытыми южными воротами — точно такой же, каким много дней назад оставил его Орин со своим войском во время отступления.

Когда первые воины достигли стены, Орин приказал остановиться. Извлекая на ходу меч, он погнал коня вперед. Болард и Конан остались позади; лошадь киммерийца фыркнула, словно учуяв неладное. Конан пристально посмотрел на черный шлем, но Болард сидел не шелохнувшись, вперив глаза в Орина.

Конану казалось, что с каждой секундой Орин испытывает все больший страх. Но он упрямо ехал вперед, бдительно поглядывая по сторонам; затем, достигнув ворот, въехал в город и исчез за каменной стеной, а через несколько секунд вернулся, подавая руками сигнал, чтобы армия двигалась вперед. Взревели горны; тысячи лошадей затопали копытами, неторопливо и совсем не воинственно продвигаясь к городу.

— Усхора там нет, — сообщил Боларду Орин.

— Не будь так самоуверен.

— Нет, Болард. Он бы дал нам знать о своем присутствии.

— А если ловушка? — предположил Конан. Орин пожал плечами.

— Я так не думаю. Может быть, он нашел то, за чем явился сюда. Может быть, мы и сражались зря, и нанимали воинов тоже напрасно…

Тысячи солдат и наемников проследовали за ним в пустой город. Всюду, куда хватало глаз, виднелись следы грабежа, разрухи. Город, однако, оказался не таким пустым, как предполагал Орин — здесь осталось много стариков, детей, раненых солдат — в их взглядах сквозило безумие, а в жестах — смерть. Они сидели, эти когда-то преуспевающие граждане Сафада, на кирпичах, из которых складывали стены, на камнях и деревянных скамьях во дворах и скверах. Старики собирались вместе беспорядочными серыми толпами и гудели

точно рой потревоженных пчел. Одна старуха ковыляла по мостовой, опустив руку к земле, квохча и цокая языком — она пыталась подозвать к себе несуществующих цыплят, горстями разбрасывая по земле воображаемые зерна. Дети попрятались по углам или сидели, забравшись на ветки мелких садовых деревьев, и кричали, ругались и плевали на проезжающих мимо солдат — они явно были близки к сумасшествию. Уцелевшие воины, точно зомби, расхаживали по улицам со сломанным оружием.

— И это все… кто выжил? — прошептал Орин, задыхаясь от нахлынувших на него чувств. — Он сглотнул, а по рукам, держащим поводья, пробежала дрожь. — Чтобы увидеть Сафад таким…

Внезапно он повернул лошадь и поскакал к центральной площади. К нему приблизился один из командиров, отдал честь и проговорил:

— Боюсь, что наемники начнут жаловаться, мой господин. Они ждали битвы, а здесь ничего такого не предстоит. А теперь они хотят знать, заплатят ли им за все это.

— Проследи за ними, — угрюмо велел Орин. — Они будут мародерствовать. Они вправе обшаривать брошенные, разрушенные строения, но не должны причинять вреда людям.

— Хорошо, мой господин.

Иллес, который ехал рядом с Конаном, указал на высокую ротонду отполированного купола, возвышающегося впереди.

— Смотри, вон там — наш дворец. Купол был почти полностью разрушен.

— А сколько людей жило раньше в Сафаде? — спросил северянин.

— Двести тысяч. — Иллес отер рукой лоб. — Двести тысяч. И Усхор уничтожил их меньше чем за день.

— Он убил двести тысяч человек? Иллес с грустью покачал головой.

— Нет. Большая часть их бежала. Пока мы бились с призраками, жители с криками убежали через ворота. И боюсь, они никогда не вернутся. Эта земля теперь проклята.

Главная площадь перед дворцом была усеяна мертвыми телами, источавшими тяжелый запах. Вокруг них носились стаи одичавших собак. Сотни мертвых тел в потускневших доспехах лежали в странных скрюченных позах. Тучи насекомых роились в воздухе, отбрасывая на землю мощные тени. Из окон выглянуло несколько серых, исхудалых лиц — секунду они смотрели на прибывших воинов, а затем снова скрылись в тени.

Орин подъехал к парадной лестницы и спешился. Остановили лошадей и люди из его свиты, и солдаты; наемники же не спеша начали разбредаться по полуразрушенным улицам и аллеям. Военачальники Орина велели своим людям внимательно следить за ними.

Хотя опасность как будто миновала, Орин поднимался по парадной лестнице медленным шагом, обнажив меч. За ним последовали Болард и Конан, а следом Иллес, Тайс, Варган и остальные. Орин с напряжением всматривался и вслушивался. Несмотря на то, что они не встретили ни одного призрака, Усхор мог неожиданно напасть на него здесь и отрезать от остальных. Или во дворце его могла ждать ловушка. Орин поднялся на самую верхнюю ступеньку, пересек галерею, толкнул приоткрытые двери…

Внутри было пыльно, темно и мрачно — но никаких колдовских сил.

Орин медленно двинулся по главной галерее; звуки его шагов отдавались эхом. Остальные проследовали за ним. Здесь также было много трупов, но дворец, выстроенный из мрамора и золота, стоял брошенный, никем не тронутый — безмолвный и мрачный, как могила. Орин прошел под высокой аркой, а затем спустился по коридору, который вдоль стен которого располагались гигантские колонны, украшенными резными картинами и узорами.

Он миновал открытые вестибюли, залы для аудиенций, и наконец достиг тронного зала.

Именно в этом зале он вершил правосудие, объявлял войны, встречался с иноземными послами. Этот зал был сердцем города, сердцем его существа — его людей, его королевства, его армии.

А теперь он был разрушен. Его трон был раздроблен на куски — каменные обломки и щепки дерева усыпали помост и выложенный плитками пол. Тяжелые столы и стулья его советников также были разбиты в щепки и разбросаны по всему залу. Колонны были испещрены трещинами и надрезами — то ли следами драки, то ли результатами колдовства; у одной из колонн полностью была снесена верхняя часть.

И везде лежали мертвые тела воинов в доспехах, которые пали во время боя и так и остались здесь — серые, размякшие, источающие ужасный запах, с гниющей плотью, по которой ползали черви. Гобелены и портреты были сорваны со стен и сожжены. Медные светильники и посуда — все это также было сломано или исковеркано. В центре зала на полу чернел огромный круг — как будто здесь сожгли что-то круглое. А может быть, что-то просачивалось сквозь пол — что-то магическое, нематериальное. Может быть, здесь Усхор держал со своими монстрами военный совет или пытал кого-то из жителей Сафада, или же превратил тронный зал в загон для адских тварей…

Орин молча подошел к обломкам трона. Он крепко сжал рукоять меча, мускулы его напряглись, а на лбу и на шее выступили жилы. Остальные за его спиной стояли, затаив дыхание.

Орин встал у основания пьедестала, с волнением глядя на обломки. Пот заливал его лицо. У его ног на полу лежало потускневшее бронзовое блюдо. Орин с яростью пнул его ногой. Блюдо с глухим звоном покатилось по полу, клацая и противно дребезжа.

— Где он?

Голос его был не громче шепота, но в большом зале прозвучал как удар грома.

— Куда он исчез?

Орин глубоко вздохнул, повернулся и посмотрел на Боларда и остальных. Меч под его рукой дрожал, словно от желания найти и пронзить сердце Усхора.

Тайс прижалась к Иллесу, напуганная вулканическим гневом барона, и тем, что он мог бы навлечь на себя гнев самой преисподней.

— Куда он исчез, Болард? Где Усхор?!

И это имя эхом отозвалось в зале. Болард покачал головой, закованной в шлем.

С яростным криком Орин развернулся и взмахнул мечом. Дубовое кресло, крепкое, тяжелое, отлетело в сторону под натиском этого порыва…

— Где ты, где ты, мерзавец!..

Потом он взял себя в руки. Благодаря железной воле, Орин умел управлять собой и в гневе.

— Орать, бушевать, злиться… — тяжело дыша проговорил он, — в этом нет ничего хорошего. Что же я еще мог ожидать? Разве мы не думали, что Усхор оставит Сафад в руинах?

Успокоившись, Орин подошел к своей свите и посмотрел на Боларда.

— Ты ошибся — его здесь нет. Он исчез. Он нашел то, что искал?

Не знаю.

— Ты знаешь его лучше, чем кто-либо.

— Сейчас это не имеет значения. Но вы можете быть уверены, что он не успокоится.

— Нет. Нет. — Орин поглядел вокруг себя, как затравленный зверь, дрожа от желания

расправиться с врагом, готовый на клочки разодрать того, кто признает себя виновным во всех его мучениях. — Нет, его здесь нет. Мой меч обязательно бы учуял его.

— Ничем не могу помочь, — сказал Болард.

В ответ на это замечание в глазах Орина вновь вспыхнула ярость; но он вовремя овладел собой, и что-то заворчал, оглядывая тронный зал.

— Найдите его, — объявил Орин. — Опросите каждого, кто остался в живых, осмотрите каждое здание. Я уверен, что хоть кто-нибудь видел его. Но куда же он мог пропасть, Дестан? — Он снова взглянул на Боларда. — Вернулся в свою крепость?

Тот пожал плечами.

А не мог ли Болард нарочно разыгрывать из себя дурачка, подумал Конан. Почему-то он был уверен, что тот знает гораздо больше, чем говорит. Он испытывал все возрастающее раздражение; спорами и разглагольствованиями все равно ничего не добиться.

Северянин незаметно выскользнул из тронного зала, в то время как Орин, несколько успокоившись, решал, что необходимо сделать в первую очередь.

Киммериец прошел по коридору и оказался у дворцовой галереи. Все солдаты разбрелись кто куда — наемники, конечно, рыскали по городу в поисках наживы, а солдаты регулярной армии следили за тем, чтобы они не очень усердствовали. Казалось, ситуация неуловимым образом изменилась, и это Конану очень не нравилось.

Он посмотрела вниз, на Сафад. Никогда прежде он не видел такого. Казалось, будто стены и дома — всего лишь миражи, созданные посреди кофийских полей — без людей, без толп — лишенный души.

Вдалеке послышались голоса наемников — люди ехали верхом и что-то пронзительно кричали. На площади было тихо и безмолвно — ни одного признака жизни, лишь мертвые тела. Ветер колыхал оконные ставни и они глухо стучали. По переулку неуверенно шла дворняжка — Конан увидела ее длинную тень, упавшую на мостовую…

Но… это не собака!

Конан напряженно наблюдала за тенью — та завернула за угол. Затем из-за угла появился серая фигура и, прижимаясь к стене, миновала северянина.

Конан шагнул вперед.

Человек был небольшого роста — судя по всему, мужчина. На нем была серая поношенная накидка, такие обычно носили жрецы, отшельники и колдуны. Он мало смотрел по сторонам и все-таки двигался крадучись, словно пытался убежать, словно чего-то боялся.

Конан сбежал по ступеням дворцовой лестницы.

— Эй, постой!

Человек продолжал красться, не обращая внимания на его крик, а может, не слыша. Конан пересек двор. Человек миновал здание и направился к следующему переулку.

— Стой!

Человек в сером скрылся в переулке, и его тень последовала за ним.

Конан вынул меч и перешел на бег. Он добежал до переулка, заглянул за угол и увидел силуэт человека на фоне прямоугольника света у другого конца переулка.

— Стой! Да ты глухой или просто трус? — И киммериец направился к нему, осторожно, держа меч наизготовку.

Человек в сером повернул к Конану лицо. Он смотрел на него из темноты переулка и ждал; глаза его сверкали желтым.

— Кто ты? — спросил его Конан.

В ответ человек уставился на него глазами, сверкающими точно угли.

— Мое имя Сундар. Я вендиец.

— Что ты здесь делаешь?

Человек не ответил, просто тихо стоял, спрятав руки в рукава своей серой накидки.

Вендиец словно излучал какое-то неприятное сияние, и киммерийцу казалось, что он смотрел с видом молчаливого, но враждебного неповиновения — словно за бесстрастным лицом притаился непонятная угроза.

Конан шагнул к человеку и грубо приказал:

— Следуй за мной, Сундар.

— Могу я узнать, почему? — почти без интонаций спросил тот.

— Потому что у меня в руках меч!

— А! — его слова как будто позабавили Сундара. Тем не менее он кивнул и пошел вперед.

Конан дал ему пройти и направился следом, велев ему свернуть с переулка и идти к дворцовой лестнице. Человек шел медленно, короткими, как у кошки, шажками; он молчал, и казалось, вовсе не беспокоился из-за присутствия Конана, но двигался точно так же, как в тот момент, когда киммериец впервые увидел его.

— Теперь наверх, — велел Конан, указывая на ступени, ведущие к галерее.

Сундар медленно произнес:

— Так значит, барон Орин вернулся?

— Да, ты должен был видеть его воинов. И что с того?

Пока они не достигли галереи, Сундар не произнес ни слова. Затем он повернулся к Конану.

— Боишься меня, северянин?

— Я не боюсь никого и ничего — но я не доверяю тебе. Одно неосторожное движение — и я разрублю тебя на куски.

Сундар слабо улыбнулся.

— Мы не делаем неосторожных движений. Они пересекли галерею; Конан по-прежнему напряженно сжимал рукоять меча. Спокойная уверенность этого человека действовала ему на нервы; тот вел себя так, словно шел по собственной воле, а не в качестве пленника.

— Теперь туда, — приказал Конан.

Они вошли внутрь, и Сундар направился по коридору, северянин, не вкладывая меч в ножны, провел его в тронный зал. У входа вендиец откинул капюшон, и Конан увидел, что у него налысо выбрита голова.

Пока Конан отсутствовал, Орин и его помощники заняли два стола и несколько кресел. Все они сидели, уперев локти о стол и положив подбородки на кулаки, и беседовали, спорили. И только когда Сундар проскользнул в зал, они подняли глаза и замолкли.

— Что это? — спросил Орин, вставая и направляясь к вошедшим. — Где ты его нашел?

Болард тоже поднялся с места, а за ним и остальные.

— Я увидел, как он крадется через площадь. И мне это не очень понравилось.

— Проходи, — скомандовал Орин. — По виду ты похож на вендийца. Как твое имя?

— Меня зовут Сундар! — И он поклонился, выказывая несколько насмешливое уважение к вопрошавшему. — Верно, я вендиец.

Орин внимательно оглядел его, а затем бросил взгляд на Конана, который стоял за спиной Сундара, держа в руке обнаженный меч.

— И что ты здесь делаешь?

— Я вошел в город, когда исчезла твоя армия, барон, — ответил вендиец.

— Зачем? — резкий голос Орина прозвучал угрожающе. — Ты из войска Усхора?

— Из войска Усхора? — загадочно улыбнулся Сундар. — Нет, Усхор — наш смертельный враг.

— Ваш? — Орин приблизился к Сундару, не отрывая взгляда от его глаз. Болард также подошел ближе.

— Я не один в нашем ордене. Усхор — наш враг, он ввязался в события, о важности которых даже не подозревал. Вот почему меня послали за ним.

— А где же твои товарищи?

Сундар промолчал, буравя своим взглядом Орина.

— Куда делся Усхор? Говори!

Но вендиец по-прежнему молчал.

— Ты скажешь мне то, что я хочу знать, — пригрозил барон, — или я найду способ заставить тебя говорить!

Сундар покачал головой.

— Будете пытать меня? Это не приличествует человеку, который славится своей справедливостью и снисходительностью.

— Усхор разрушил мой город и убил моих людей, — суровым тоном произнес Орин. — И если ты хоть что-нибудь знаешь об этом, то расскажешь мне сейчас же.

Но Сундар молчал. Он просто стоял — перед Орином и Болардом, пряча руки в рукавах, с выражением кроткого неповиновения на лице.

Низким стальным голосом Болард проскрежетал:

— Нужно подвергнуть его пытке, Орин. Он должен знать хоть что-нибудь.

Конан обратил внимание на тон, каким Болард произнес свои слова — в нем звучали нотки явного беспокойства. Может, он боится Сундара? Северянин доверял Боларду не больше, чем этому человеку в серой накидке…

Неожиданно снаружи донеслись шум и беспокойные крики. Орин повернулся к Иллесу.

— Что там такое творится?

В зал вбежал один из воинов барона.

— Мой господин! — закричал он. — Это наемники — они подняли мечи на наших солдат!

— Что?

— Точно, — подтвердил Иллес, который подбежал к окну и выглянул наружу. — Они подняли мятеж.

Орин быстрыми шагами подошел к окну и с силой ухватился рукой за подоконник. На площади и всюду, куда простирался взгляд, шли бои между вооруженными отрядами Сафада и конными наемниками. Лошадей пускали галопом, толпы наскакивали друг на друга, и всюду слышалось лязганье металла о металл. Крики раненых солдат постепенно переросли в тревожный, несмолкаемый гул.

Орин яростно выругался и вышел из тронного зала, призвав своих помощников следовать за ним. Тайс подбежала к Иллесу, и они стали смотреть наружу; остальные также прилипли к окнам. Варган, поглядев на происходящее, крепко выругался, обнажил два своих меча, и побежал вслед за Орином.

Конан не спускал глаз с Сундара. Вендиец, по-прежнему оставаясь спокойным, в свою

очередь, смотрел на северянина, и в глазах его явно читалось насмешливое удивление. Затем он подошел к одному из столов и налил себе вина. Конан пристально наблюдал за вендийцем, и одновременно раздумывал, что ему делать — продолжать следить за этим типом или присоединиться к солдатам и вступить в бой с наемниками. Он бросил короткий взгляд в окно, а затем снова повернулся к столу. Сундар исчез.

Конан выругался и быстрыми шагами пересек тронный зал. Вендиец не мог покинуть комнату всего за какое-то мгновение… Нет, напомнил себе он — ни один обычный человек не смог бы покинуть комнату за это время; Сундар же сумел. Здесь явно какое-то колдовство. Конан выбежал из тронной залы, бросился по коридору сначала в одну сторону, потом в другую, но вендийца нигде не было.

Повинуясь какому-то толчку, он прошел по коридору направо, миновал еще одну комнату и вестибюль, расположенные в глубине дворца. Здесь звуки битвы были почти не слышны. В конце коридор раздваивался на два новых — один вел к восточному крылу двора, другой — к западному.

Конану показалось, что в конце западного коридора метнулась тень. Конан посмотрел в другую сторону, но решил послушаться инстинкта. Вышагивая по выложенному мрамором полу и бряцая кольчугой, Конан понимал, что с каждым шагом ему все труднее скрыть свое присутствие.

Он завернул за угол и увидел Сундара, который спокойно шел — хотя, очевидно, должен был лететь — в дальнем конце коридора. Конан велел ему остановиться. Но как и там, во дворе, вендиец снова не обратил на него никакого внимания. Конан, разъяренный, бросился в погоню.

Он настиг вендийца в тот момент, когда тот открывал тяжелую дверь, расположенную в конце короткого бокового коридора.

— Куда ты направляешься, Сундар?

— Это не твое дело.

— Ты пойдешь обратно вместе со мной!

— Мы так не думаем.

— Разрази тебя гром! — воскликнул Конан, хватая вендийца за руку.

Тот остановился, плавно развернулся и, хотя Конан держал его крепко, он мгновенно и без усилий освободил свою руку.

— Кто это — вы и что вы здесь делаете? — спросил Конан, чувствуя, что его терпение лопается. — Говори, вендиец, или… — Он поднял меч и уперся им в горло Сундара.

— Очень хорошо, — проговорил вендиец, по-прежнему не выказывая ни малейших признаков беспокойства. — Я скажу тебе — хотя, по правде говоря, это вовсе не твое дело, Конан.

Разве он говорил ему свое имя? Или он подслушал разговоры в тронном зале?

— Мы здесь затем, чтобы помешать Усхору, — произнес Сундар спокойным, бесстрастным голосом. — А теперь дай мне пройти.

— Так Усхор здесь? Но Сундар не ответил.

Конан ткнул кончиком меча в его шею, оцарапав его; глаза вендийца сверкнули желтым огнем. Затем он взмахнул рукой, отводя от себя меч, — странная дрожь пробежал по лезвию и рукояти и достигла руки киммерийца.

Конан смотрел на него, нервы его были натянуты точно струны…

Внезапно снаружи донесся грохот, явно не имевший отношение к бою. Конан бросил

быстрый взгляд на окно рядом с лестницей, выходившее на запад; грохот раздался снова — точно такой же они слышали, когда приближались к Сафаду.

Сундар как будто не обратил на него внимания; лишь тень беспокойства промелькнул на его бесстрастном лице.

— Если хочешь, то пойдем со мной, — сказал он, — но я не в ответе за все, что может случиться.

Конан уловил в его голосе еле заметную угрозу. Он кивнул вендийцу.

— Веди. Но я предупреждаю, что…

— Не надо предупреждать, северянин. Дело это очень важное.

Они проследовали вверх по лестнице — Конан, точно тень, шел почти вплотную к Сундару. Снаружи продолжал греметь гром; но в этом коридоре было тихо и влажно, как в подземелье. Наверху Сундар открыл железную дверь, и за ней обнаружился новая лестница.

— Куда ты идешь? — спросил Конан.

— Свое главное колдовство Усхор творит в западной башне.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

Он открыл позолоченную дверь, в которую упирался второй пролет. За ней оказался тесная комнатка; здесь были книжные полки, стол и целая куча предметов для занятий магией — подставки для курений, жертвенники, призмы, пергаменты и старые книги. Пол, стены и потолок были украшены самыми резными узорами — невероятными, таинственными, которые могли бы свести с ума любого, кто бы на них взглянул.

В первый момент Конану подумалось, что это ловушка. Комната имел искаженные формы и очевидно, была нарочно так выстроена. Пол шел косо, с наклоном в один из углов, потолок странным образом изгибался в другом направлении. Стены тоже имели наклон. Вся геометрия комнаты была нарушена. Каким-то образом Конан чувствовал, что эти стены могут удерживать людей… вещи… силы… с такой же легкостью, с какой ребенок сажает навозного жука в кувшин из-под вина.

Сундар подошел к столу, на котором лежали открытый пергамент и несколько свернутых в трубочку бумаг, большой хрустальный шар и чаша для курений, наполненная пеплом.

— Усхор уходил в спешке, — объявил вендиец, внимательно изучая пергамент.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Почему он ушел, Сундар?

Вендиец пропусти его вопрос мимо ушей и погрузился в изучение пергамента. Бумага была покрыта рунами, относящимися к древнему, уже не существующему языку; и все же Сундар как будто без труда разбирался в них. Конану показалось, что по мере того, как он погружался в текст, его лицо постепенно бледнело. Он читал, водя по иероглифам костлявым, чуть дрожащим пальцем.

Конан подошел к вендийцу и нагнулся, глядя через его плечо на странный документ.

— Почему он ушел, Сундар? — повторил он. — Он нашел то, что за чем явился?

— Нет.

Рассерженный его равнодушием, он уже была готов выругаться — но тут вдруг вендиец зашипел и быстро поднял вверх палец, словно обжегся. Конан увидела, что его широко открытые глаза полны страха.

— Сундар… о чем там говорится?

— Усхор в спешке оставил город, потому что…

— О чем говорит пергамент?

Сундар выпрямился и отвел взгляд от листа. Затем посмотрел на киммерийца, и в глазах его явно читался угроза. Где-то вдалеке снова бухнуло; но на этот раз Конану показалось, что грохот доносится вовсе не с неба.

Дверь комнаты захлопнулась. Конан посмотрел на дверь — не закрылась же она сама? Затем перевел взгляд на Сундара. В его желтых глазах по-прежнему светился недобрый огонек.

Конан почувствовал, как по спине у него пробегает неприятный холодок. Он крепче сжал рукоять меча, готовый обрушиться на вендийца, если почувствует хоть малейшую угрозу…

— Мы скажем тебе, почему мы здесь. Мы поклоняемся божеству, которое намного древнее любого из богов этой эпохи. Мы поклоняемся Энкату и относимся к секте, которая предана Ему; мы те, чей долг — защитить Его от богохульства.

И снова раздался гром — низкий, резонирующий, теперь уже где-то совсем близко. Или это содрогнулись стены высокой башни? Конан с тревогой наблюдал за Сундаром и думал, не заговаривает ли тот ему зубы, чтобы затем неожиданно напасть?

— Усхора нет в живых, — продолжал Сундар, сверкая глазами, которые отбрасывали неприятный желтый свет на лоб и щеки. — Но он и не мертв. Усхор покинул этот мир много тысяч лет назад. Хотя он был рожден смертным, он сумел стать легендарным колдуном, настолько могущественным, что, казалось, никто и ничто не сможет встать у него на пути. Но его убили, уничтожили магией его враги. Много веков он пролежал в могиле, его волшебство было уничтожено, и, если бы не ошибка, допущенная одним из членов нашего ордена, он по-прежнему был бы мертв.

Конан слушал Сундара, продолжая внимательно наблюдать за ним. И с каждым мигом в душе его росла уверенность, что вендиец никогда бы не рассказал ему это, если бы не вознамерился убить его. С другой стороны, колдун говорил так холодно и бесстрастно, что можно было подумать, он излагает эту историю самому себе, как будто для того, чтобы напомнить о долге, который на него возложен.

— Не так давно один волшебник нашего ордена совершил обряд темной магии, в котором сам мало что понимал. За свою дерзость он был проклят и предан забвению. Хотя мы и пытались усмирить вышедшие на свободу силы, мы не преуспели до конца — благодаря потокам и вихрям, управляющим всеми колдовскими силами, Усхор пробудился и выполз на этот свет. И мы в ответе за то, чтобы он снова был уничтожен.

Конан покрылся холодным потом. Он из всех сил старался не поддаваться страху, который внушал ему вендиец. Но под влиянием, которое оказывали и эта странная комната сумасшедшей планировки, и запертая дверь, и непонятный грохот, раздающийся за стенами башни, Конан испытывал жуткую смесь чувств — неуверенность, страх и ощущение нависшей угрозы.

— Но как ты собираешься убить Усхора? — спросил киммериец.

Сундар поднял вверх правую руку; рукав сполз вниз и на среднем пальце обнаружилось кольцо. Это было очень странное кольцо — крупное, выплавленное из какого-то золотистого металла, который сверкал намного ярче, чем золото. Кольцо украшали мелкие драгоценные камни — они искрились и, отражая свет, вспыхивали ярким блеском — таким переливчатым, неприятным, что у Конана чуть не закружился голова. Он понял, что это было кольцо силы

— орудие волшебства.

— Это Кольцо Энкату, — объяснил Сундар. — Оно было спрятано здесь, в этом городе, много веков назад — ведь Сафад город намного более древний, чем подозревали хайборийские правители. В действительности Сафад — кхарийское название, и основан он был еще до падения Ахерона. И поэтому именно здесь было заложено первое святилище Энкату… Сегодня мы — те, кто поклоняется Энкату, не имея ни храмов, ни го-ролов, ни домов; мы путешествуем по всему миру и служим божеству где угодно — в руинах, на нолях сражений, в пещерах и на кладбищах. Следы нашего поклонения спрятаны во многих местах, известных только посвященным. Усхор узнал, что Кольцо было здесь, в Сафаде; поэтому он и захватил город. И поэтому мы пришли сюда — чтобы вырвать Кольцо из его рук.

Конан огляделся вокруг себя, посмотрел на запертую дверь и кривые углы комнаты. Ни одного окна. Сквозь каменные стены доносился все более мощный грохот.

— А где Усхор сейчас? — спросил он. — Он все еще в Сафаде?

Сундар взглянул на лист пергамента.

— Нет, здесь его нет — без сомнения, он скрылся в своей крепости. Он не смог найти Кольцо, и теперь затеял новое колдовство, которым встретит армию Орина. Его магия не может причинить нам вред, поскольку теперь Кольцо у нас. Цель нашей жизни — уничтожить Усхора…

Внезапно где-то совсем рядом раздался ужасный грохот. Сундар глухо засмеялся и взмахнул рукой с кольцом — так, словно это было не украшение, а оружие.

— Они идут! — пропел вендиец, и его глаза снова загорелись желтым. — Они идут — во главе с Усхором. Но они не смогут навредить мне!

Конан почувствовал, как стучит его сердце; он нахмурился и угрожающе поднял меч. — Кто это — они? Сундар хихикнул.

Конан посмотрел на вендийца. У того был злорадствующий вид, Конану нестерпимо захотелось прикончить колдуна. Снаружи в очередной раз прогрохотало, прогремел молния; башня задрожала, и из стен начали выпадать камни.

— Усхор устроил западню! — закричал Сундар. — Орин и все его воины обречены! Ты тоже умрешь — здесь!

Он взмахнул рукой. Кольцо зловеще сверкнуло…

Конан прыгнул, взмахнув мечом; Сундар ловко увернулся, не переставая хохотать. В тот же миг комната сотряслась от жуткого грохота; все закачалось у Конана перед глазами, и мощная волна сбила его с ног.

На какой-то миг Конан подумал, что это результат колдовских действий Сундара. Затем на него полетели пыль и камни, и он почувствовал, что куда-то скользит. Он прижался к полу, вокруг сыпались камни и с треском разлетались на осколки; неожиданно налетевший смерч оторвал его от пола. Конан с трудом встал на колени, по-прежнему сжимая в руке меч. Он обернулся и увидел, что стена башни у него за спиной полностью разрушена, и сквозь пелену пыли и известки разглядел здания, западную стену Сафада, желто-зеленое небо… как вдруг что-то темное, влажно блестящее быстро пронеслось мимо обвалившейся башенной стены.

Поднявшись на ноги, Конан увидел, что Сундар, пошатываясь и тяжело дыша, стоит возле внутренней стены, и его лоб залит кровью — видимо, в колдуна угодил камень или осколок кирпича. Дверь слетела с петель.

Конан уже слышал новые раскаты грома и чувствовал, что пол начинает ходить у него

под ногами; он выскочил из комнаты и помчался вниз по лестнице.

И снова от мощного толчка он упал на колени. Снова посыпалась пыль и полетели камни. Стоя наверху лестницы, Конан услышал грохот рушащейся башни.

Но были и другие звуки. Кто-то скребясь, карабкался следом за ним.

Сундар.

Варвар не стал ждать его. Он вскочил на ноги и бросился вниз по лестнице, стараясь не обращать внимания на то, что ступени трясутся и трещат у него под нотами.

Киммериец достиг второго пролета, открыл дверь и побежал по узкому коридору западного крыла. И он все время слышал, как кашляет и ругается Сундар, продираясь вслед за ним.

— Конан!

Но он не останавливался, пока не достиг конца коридора; дальний вестибюль как будто пока не пострадал от толчков.

— Конан!

Он обернулся. Вендийцу явно пришлось худо — он стоял, шатаясь и уперевшись рукой в стену, и постепенно сползал на пол.

— Сундар! — крикнул ему северянин. — Кольцо — используй его!

Очередной толчок потряс пол под ногами. Сундар упал ничком. И закричал — по его волосам заструился кровь.

— Сундар, сделай же что-нибудь…

Пол посередине коридора вдруг вспучился и обвалился. Конана отбросило назад, и ему показалось, что он мельком увидел что-то огромное, змеевидное, скользящее вверх. И тут обвалился потолок, обрушивая потоки камней и пыли.

Вендиец закричал снова.

Конан ухватился за угол стены — в том месте, где сливались два коридора. Воздух потемнел от пелены песка и пыли. Задыхаясь, Конан помахал перед собой рукой, чтобы разогнать пыль и увидеть, что творится в на другом конце коридора.

Сундара он не видел — слышал лишь его крик. Или его зажало на другой стороне обломками, или придавило обрушившимся потолком.

— Сундар!

В коридоре было темнее, чем ночью. Конан вслепую двинулся вперед, наступая на осколки и мечом прощупывая путь.

— Сундар!

Он подошел к завалу из камней, преграждавшему коридор от одной стены до другой, и понял, что пробраться через него не сможет. Он слышал затрудненное дыхание Сундара — булькающее и свистящее. Конан отвалил в сторону булыжник, затем принялся откидывать камни.

— Сундар! Призови же на помощь свою магию и останови все это!

— Мы… Они… — Конан почти не слышал, что говорит колдун. Он снова закашлялся.

— Сундар! Слушай меня!

Пол снова задрожал под ногами, но ему показалось, что самые сильные толчки уже позади. Пытаясь расчистить завал, он вдруг наткнулся на что-то теплое, мягкое и влажное.

— Кром! — он отпрянул. Это была рука вендийца, вся залитая кровью; на среднем пальце тускло мерцало кольцо Энкату.

— Сундар, ты можешь…

— Они… они здесь!

Хотя пыль осела и глаза Конана привыкли к темноте, он мало что мог разглядеть. Но он слышал звуки, которые доносились из-под горы камней.

— Сундар…

— Они здесь!

Конан вдруг услышал то ли шепот, то ли тихое бормотание — как будто пытались говорить какие-то существа, не имеющие языков. Кто-то двигался — недалеко раздались хлопки, шелест… словно лохмотья влажной плоти волочились по камням; кто-то подползал все ближе…

Хотя Конан все слышал, он почти ничего не видел. В темноте он едва различал окровавленную, вздрагивающую руку Сундара, которая торчала из-под обломков. Конан закашлялся и утер слезящиеся глаза, полные песка. Сундар кричал все громче и истошнее.

— Они здесь! Айя нагал ка нокомис кулум…

Конан почувствовал, как по коже поползли мурашки. Вендиец, похоже, решил, прибегнуть к какому-то защитному заклинанию. Значит, Кольцо ничем не могло ему помочь! Сундар в отчаянии молотил ногой по камням. Неторопливое шуршание раздавалось все ближе и отдавалось, гулким эхом — сквозь бормотания Сундара можно было расслышать, как гремят камни, отлетающие в стороны.

— Най харайят милак, айя нагал — Эйя-а-а!

Конан изо всех сил старался пытаясь расчистить завал. Почему он старался спасти жизнь этому вендийцу, в то время как его собственная была в опасности? Потому, наверное, что тот был человеком, а эти — кто бы они ни были, твари вылезшие из-под земли — они оставались гнусными порождениями зловонного мрака.

— Помогите! На помощь! Конан!

Он ухватил руку вендийца — бьющуюся, дрожащую — и рванул в бесплодной попытке высвободить его.

— На помо-о-ощь!

Крик перешел в рыдающее завывание. С того конца завала раздавались хлопки, перемежающиеся трещащими и хрустящими звуками. Вопли вендийца переросли в дикие крики и вой, наполненный ужасом, а затем неожиданно стихли.

Трещали хрящи, раскалывались кости, а мягкая плоть разрывался на влажные клочья…

Камень выпал из онемевших рук Конана… Его лоб был мокрым, пот заливал глаза. На пальце Сундара тускло светилось Кольцо Энкату.

Конан схватил кольцо и попытался стащить его с пальца. Возможно, оно защитит его не лучше, чем Сундара, но хотя бы поможет справиться с Усхором. Как-нибудь…

И вдруг залитая кровью рука высвободилась из-под камней, из обрывков влажной плоти торчал обглоданная кость…

Конан стащил с пальца кольцо, бросил его в маленький мешочек, висящий на поясе, взял меч и стал пробираться обратно по коридору. С той стороны завала по-прежнему слышался треск и хлюпающие звуки.

Запыхавшись, Конан выбежал наконец из этого коридора, выбрался из-за пылевой завесы и проклятой темноты и оказался в еле освещенном, длинном и узком зале, который вел к центру дворца. Где-то вдали еще грохотало, но не сильно. И пол под ногами больше не дрожал. Может быть, это означало, что они вернулись под землю? Нет, сейчас они были на поверхности — и возможно, расползлись уже по всему городу, убивая воинов Орина и

наемников.

Наконец Конан оказался в главном коридоре. Где-то впереди, за широко открытыми воротами виднелись люди, целая толпа, заполонившая площадь. Проходя мимо тронного зала, Конан заглянул туда и обнаружил там лишь Тайс, которая, съежившись, сидела под столом… Нет, там была не только Тайс, но и свежие трупы. Конан подбежал к девушке.

— Что случилось?

— Твари… они появились здесь и… они… — бедняжка скорчилась под столом, глядя перед собой и зажимая пальцами рот.

— Тайс!

Девушка подняла глаза; в них ясно читался безумный ужас.

— Что это было?! — закричала она. — Эти… создания!

Конан схватил ее за руку и вытащил из-под стола.

— Во имя Крома, девочка! Приди в себя! — Он ударил Тайс по щеке — та вскрикнула, потеряла равновесие и упала на пол, корчась в рыданиях.

— Кто они такие? — кричала она.

Конан оставил ее. Теперь в глазах Тайс не было огня безумия, только страх. Она сама придет в себя от плача, но уже не сойдет с ума.

У окна лежало тело одного из слуг Орина. Голова его была повернута под неестественным углом, рот зиял чернотой, на щеках виднелись засохшая кровь, вытекшая из-под век. Судя по глубокой вмятине на доспехах, солдат был насмерть раздавлен объятиями гигантского змея.

Конан отвернулся от тел и выглянул в окно. Со стороны центральной площади доносились взволнованные голоса, крики, и киммериец увидел, что каждый клочок земли там был занят толпами солдат — сбившись в тесные группы, они размахивали мечами и бились с жуткими созданиями.

Улицы и переулки зияли огромными дырами, проломанными в плиточном покрытии. В восточном направлении были обрушены целые здания; Конан понял, что под обломками погибло много людей; а за стенами обрушившихся зданий воинов поджидали огромные, черные, покрытые бородавками и узлами щупальца — липкие щупальца, которые обвивались вокруг людей и поднимали их в воздух. В западной стороне солдаты сражались против целой стены подергивающихся, сочащихся гноем конечностей — отвратительных щупалец с огромными присосками и роговыми выступами…

И все же с демоническим отродьем можно было справиться даже без помощи магических сил.

Прикованный к окну, Конан смотрел, как от мощных ударов мелькающих в воздухе мечей щупальца разлетаются на куски. Но площадь усеивало все больше мертвых тел; каждый миг твари вышвыривали в воздух несколько человек — те с криками летели в сторону и разбивались о плиты или падали в огромные дыры, пробитые в земле.

Неожиданно раздался крик. Один из воинов, взлетевший в воздух, пронесся в сторону киммерийца. Он описал дугу, нелепо махая руками и ногами, и разбился о стену замка — прямо под окном, возле которого стоял Конан. Северянин видела, как кровь брызнула во все стороны, и тело сползло по стене, упав среди садовых растений.

Охваченный ужасом и яростью, Конан развернулся, схватил меч и выбежал из тронного зала.

Передняя галерея дворца была заполонена вооруженными солдатами. Они дрались с

двумя огромными жирными щупальцами — отрубали кусок за куском, забрызгивая все вокруг оранжевой вонючей жидкостью, сочащейся из мягкой, податливой плоти.

Конан прорвался сквозь толпу, взбешенно закричал и, схватив меч двумя руками, вступил в схватку с одним из щупалец, нанося ему удар за ударом.

На него хлынули потоки гнусной жижи — они залили ему лицо и волосы, и Конан едва не задохнулся от вони; но вот наконец щупальце, иссеченное мечами, шлепнулось на плиты и покатилось вниз по ступеням.

Воины радостно закричали и дружно набросились на второе щупальце. Конан выскочил из толпы, в несколько прыжков спустился по лестнице и побежал по площади. Он увидел Орина — размахивая мечом, он вместе со своими людьми дрался против липкой розовой конечности, которая, сворачиваясь в кольца, выползала из дыры в земле. Издав отчаянный боевой клич, Конан присоединился к товарищам.

Земля затряслась, и вдруг что-то крепко схватило его за ногу и подняло в воздух. Он едва не задохнулась, когда склизкая, мягкая плоть с силой обвилась вокруг груди. Киммерийца замутило — он почувствовал, как его кружит и кружит, чувствовал, как над его головой мечи рубили воздух, увидел промелькнувшие лица, красные от натуги. Слышал, как Орин в неистовстве выкрикивает его имя… Конана снова закружило, и в какой-то момент он поняла, что смотрит сверху вниз на площадь, где мелькают люди, мечи, лошади — все смешалось в схватке с серыми щупальцами.

Конан почти не мог дышать. Он отчаянно рубил сжимавшую его плоть, чувствуя, как клинок пронзает плотные, вздувшиеся щупальца, ощущал зловоние, источаемое густой кровью. Но тварь обхватывал его все сильнее, и вот уже третье кольцо обвилось вокруг его бедер и принялась сдавливать все сильнее. Внезапно щупальце дернулось, словно в судорогах, и объятия его немного ослабли. Внизу раздавались голоса и звон доспехов. Затем рядом, едва не задевая его, замелькали мечи, и Конана залило такой мощной струей вонючей слизи, что он испугалась, как бы не захлебнуться. Поблизости раздался голос Орина: — Конан!

Кто-то схватил его под мышки и начал тянуть, стараясь освободить от цепкого щупальца, северянин ощутил, что хватка твари ослабла, но все же еще не настолько, чтобы можно было свободно дышать, не опасаясь захлебнуться желтой слизью.

Киммериец попытался взмахнуть рукой, держащей меч, но у него ничего не получилось, и со всех сторон доносились лишь лязганье мечей, пронзающих розовую плоть. Конан почувствовал, что падает куда-то назад, но ничего не мог с этим поделать — а затем перед его глазами все померкло…

Глава третья
Кольцо Энкату

Конан пришел в себя очень быстро — он стоял, пошатываясь, и жадно хватал ртом воздух. Кровь стучал в голове; онемелость в руках и ногах уступила место боли; грудь и ноги ныли так нестерпимо, словно кто-то пытался свить из них веревки.

— Он жив, — произнес чей-то голос.

Конан почувствовал, что его со всех сторон окружают люди. В ушах больше не шумело, и теперь он слышал затихающие вдалеке голоса и лязганье мечей.

Конан поднял глаза и увидел Орина — барон улыбался, хотя глаза его смотрели по-прежнему мрачно.

Неожиданно, подстегнутый неусыпной жаждой боя, северянин выпрямился и вскинул меч, который все еще сжимал в руке. Орин стоял не шевелясь, и с беспокойством смотрел на Конана.

— Эта тварь мертва, — сказал он.

И тут он увидел — длинное, мягкое мускулистое щупальце, в два раза толще человека — оно лежало, порубленное и заляпанное желтой слизью.

И вокруг Конана — вся площадь, окружающая дворец, была усеяна десятком изрубленных, сочащихся кусков, перемежающихся с горами закованных в доспехи тел. На улицах толпились воины Орина — море красных, потных лиц и сверкающие от крови мечи.

— И это все, кто остались в живых? — спросил Конан.

Орин кивнул, а затем указал рукой на запад. Последние из тварей отступали перед мощным натиском целой колонны воинов. Конан увидел, как несколько групп солдат дрались с полудюжиной щупалец, а в это время оставшиеся обрубки, забрызгивая все вокруг своей слизью, ползли по мостовым и исчезали в огромных дырах, проделанных ими в камне и кирпичных стенах.

Вскоре на поверхности не осталось ни одного живого монстра.

Теперь, по окончании очередного боя с демоническими силами, площадь представляла собой ужасное зрелище.

Повсюду, куда хватало глаз, высились горы трупов. Солдаты и наемники, едва держащиеся на ногах, тяжело дыша, разбредались во все стороны — отдохнуть, поговорить и попытаться хоть как-нибудь объяснить происходящее. Земля вокруг была изрыта и зияла огромными дырами, которые уходили вниз и неизвестно где кончались — и только слабый грохот доносился из-под земли — это служители преисподней возвращались в породившую их бездну.

Конан, который полностью пришел в себя, с отвращением смотрел на поле боя. Затем он взглянул на Орина и окружавших его суровых, но уставших людей.

— Ты был прав, Орин, это ловушка. Усхора в городе нет, но прежде чем уйти, он собрал здесь этих тварей — он знал, что ты вернешься.

Орин слегка приподнял брови.

— Ты уверен? Полагаю, ты узнал это от вендийца — от него так и несло колдовством. А где он сейчас?

— Мертв, — коротко ответил Конан. — Он повел меня в западное крыло дворца. Мы

нашли место, где Усхор занимался магией.

— Мертв?

— Там обрушился потолок, а потом на него напали эти… — Он покачал головой и ткнул мечом в сторону кровавых обрубков, усеивающих площадь. Северянин собрался рассказать Орину о Кольце, но передумал — только не здесь, когда барона окружает столько посторонних. Но Конан вдруг забеспокоился — не потерял ли он кольцо в этой свалке, и незаметно пощупал мешочек, висевший на поясном ремне.

Кольцо было на месте.

В этот момент кто-то позвал его с другого конца площади. Это был Варган — заляпанный зеленовато-желтой слизью, но улыбающийся и по-прежнему держащий в каждой руке по мечу.

— Надеюсь, наш колдун поохотился получше, чем эти твари, — пророкотал он. — Стоило как следует помахать мечом — и все они сдохли.

Его попытка ободрить людей Орина провалилась. Те стояли с мрачными, угрюмыми лицами — казалось, они окончательно пали духом.

— Думаю, Варган, когда мы двинемся дальше, у тебя появится работка потяжелее, — произнес Орин. Он развернулся и начал было подниматься по парадной лестнице, усеянной трупами, но тут Конан спросил:

— А где Болард?

— Я видел его там, — ответил Варган, указывая рукой направление. — С другой стороны вон того здания.

— Он сражался? — поинтересовался Орин. Варган покачал головой.

— У него был меч, но с монстрами он не дрался.

— Так он бежал? — Голос Орина звучал гневно.

Бородач выразительно повел плечами вместо ответа. Орин яростно ударил кулаком в раскрытую ладонь.

— Найдите его! — резко бросил он всем, кто был рядом. Затем повернулся и направился в сторону здания, о котором говорил Варган.

Остальные, в том числе и Конан, последовали за Орином. Миновав здание, барон спросил у солдат, не видели ли они Дестана Боларда. Да, видели. Он прошел вон по той улице, а затем пересек широкий бульвар и направился к главному храму Сафада. Орин двинулся в указанном направлении.

— А ты видел Дестана Боларда? — спросил он v хмурого наемника с обожженными руками.

— Да, мой господин. Совсем недавно он вошел вон в тот храм.

Барон кивнул и направился к храму.

— Мой господин! Орин остановился.

— Куда мы отправимся потом? — В голосе воина звучала тревога. Похоже, ему, как и большинству его товарищей, отнюдь не улыбалось принять новый бой, подобный тому, что им только что довелось пережить.

— Мы отыщем Усхора, — жестко объявил Орин, — и отправим его обратно в преисподнюю.

Солдат улыбнулся устало, но недоверчиво.

Орин подошел к храму, а затем в сопровождении Варгана и Конана вошел внутрь.

Храм был заброшен, очевидно, еще за много столетий до того, как Усхор впервые

появился здесь. Никто из жителей Сафада не ходил сюда, и никто не помнил, в честь какого божества было воздвигнуто это святилище.

Храм оказался не таким уж большим. Он был выстроен в форме прямоугольника, вдоль стен стояли колонны, вокруг них — скамьи, а у дальней стены высились каменный алтарь и статуя какого-то жуткого существа.

А за алтарем в полумраке неясным силуэтом вырисовывался спина Боларда, который сосредоточенно рылся в алтарных принадлежностях.

— Болард! — прогремел голос Орина, эхом отразившись от каменной кровли.

Тот медленно повернулся к вошедшим. Он оставался на месте — его голову по-прежнему прикрывал тяжелый шлем — и ждал, когда Орин подойдет к нему сам.

Барон поднял к алтарю и встал напротив Дестана.

— Что ты здесь делаешь, Болард? — спросил он жестким, но спокойным, почти вкрадчивым голосом.

— Ищу, — ответил тот глухо.

— Что же ты ищешь, Болард?

Воин молчал, как бы в размышлении.

— Говори. Это имеет отношение к Усхору? Болард ответил, с горечью в голосе, но горделиво и спокойно:

— Пожалуй, вам пора узнать, зачем Усхор напал на Сафад.

Орин не сводил глаз с человека в шлеме.

— Я пришел в Сафад, чтобы предупредить вас о нападении Усхора. Он ищет колдовское орудие, с помощью которого сможет управлять самыми мощными магическими силами.

— И что же это такое?

— Кольцо. Кольцо Энкату.

Конан, стоявший у подножия алтаря, изо всех сил старался выглядеть спокойным, даже равнодушным. События развивались своим чередом. И Боларду, стало быть, тоже нужно это Кольцо. И снова Конан тронул свой мешочек и убедился, что Кольцо никуда не исчезло.

Варган повернулся к нему и прошептал:

— Может, наш Болард тоже колдун?

— Нет, мне так не кажется… у меня такое чувство, что он пытается защитить себя…

Орин обошел вокруг алтаря.

— Расскажи мне об этом кольце, Дестан. Хриплый вздох раздался из-под маски. Болард повернулся спиной к Орину, погруженный в тягостные раздумья, затем с силой ударил ладонью по алтарю.

— Кольцо это очень старое, — произнес он наконец. — Энкату — бог Древних — черный бог. И Кольцо это обладает чудовищной силой, с помощью которой можно наслать за земли столько бед, столько смерти, что…

Он вдруг замолчал и повернулся к Орину, который смотрел на его железную маску сурово и строго.

— Моя жизнь — это сплошные битвы, — признался Болард горделиво. — Изгнанный из своей страны, неспособный воспротивиться судьбе, я нашел пристанище у Усхора. Не знаю, насколько он стар и какой силой обладает; иногда мне кажется, что он — демон, обретший плоть, и что он бессмертен. Не знаю, откуда он явился и как долго живет на земле. Но я ответил «да» чужаку, который позвал меня однажды ночью, и проделал долгий путь, пока не достиг его башни, которая расположена среди болот западного Кофа. Там Усхор пообещал

дать мне войско, если я стану искать для него Кольцо; он знал, что я влачу жалкое существование, что я потерял титул и звание и вообще пришел в полное отчаяние. Я поддался искушению вновь обрести богатство и власть и согласился. С бандой наемников я рыскал по деревням, пытаясь отыскать Кольцо — хотя Усхор, несмотря на свою магию, не мог определить, где оно.

В конце концов, мои поиски оказались еще более бесплодными, чем его магические изыскания. Усхор начал терять терпение и злиться. И в ярости он сделал со мной вот это. — Болард дотронулся до шлема. — Я поклялся отомстить ему. Он надругался надо мной. Я узнал — Усхор думает, что Кольцо в Сафаде, и направился сюда, чтобы предупредить вас.

Конану стало интересно, как же Болард мог узнать об этом, но промолчал и продолжал слушать.

— Пока ты, Орин, разговаривал со своими советниками, в поисках Кольца я начал обыскивать каждый заброшенный храм в этом городе. Но я нигде не нашел его. А потом Усхор напал на город. Только теперь я смог продолжить поиски — но боюсь, Кольца уже нет в Сафаде.

Орин стоял молча, погруженный в мрачные размышления. Варган кашлянул, и Болард резко вскинул в его сторону голову, словно почуяв угрозу.

— Когда ты найдешь кольцо, Болард, — спросил барон, — что ты собираешься делать с ним?

— Уничтожить Усхора!

— Помни, Болард, не один ты желаешь смерти этому магу! И даже если это кольцо действительно обладает такой силой, как ты говоришь, почему ты думаешь, что сможешь направить его мощь в нужное русло? Или ты сам чернокнижник?

— Я должен добыть Кольцо! — упрямо повторил Болард. — С его помощью я смогу уничтожить проклятого мага.

Конан, молча слушавший весь этот разговор, нахмурил брови. Дестан явно что-то скрывал от них!

Орин сделал нетерпеливый жест рукой.

— Пойдем, Болард. Я возвращаюсь во дворец. Нам нужно все обговорить. И позволь мне еще раз напомнить, что это мы вместе уничтожим Усхора, а не ты один. Я намерен выступить в поход на его крепость, и уверен, что мы победим его — с кольцом или без кольца.

Болард решительно покачал головой.

— Вы не понимаете… Барон пожал плечами.

— Довольно. Идемте. — И вдруг спросил: — А тот вендиец, Дестан, ты что-нибудь знаешь о нем?

Болард резко дернул головой.

— Вендиец? Где он? Он нашел Кольцо? Конан спокойно ответил:

— Сундар мертв. Вы действовали заодно? Болард иронически засмеялся.

— Разве я такой дурак? Уверен, это шпион — возможно, он подозревал, что Кольцо где-то здесь. А где же его труп?

Орин вопросительно взглянул на Конана.

— Он мертв, — повторил тот. — Я следил за ним, думая, что он служит Усхору. Но он погиб, когда эти твари… напали на него.

— Как он погиб? — быстро спросил Болард.

— На него обрушился потолок в западном крыле.

— У него на руке было Кольцо?

— Нет, — не колеблясь, ответил Конан.

— А ты сказал мне правду киммериец? — и Болард пристально посмотрел на северянина.

Тот уверенно вернул взгляд, ни жестом, ни выражением глаз не выдав своих мыслей. Разочарованный, коринфиец отвернулся.

— Пойдем, — повторил Орин. — Я вижу, ты по-прежнему не рассказываешь мне всего. Может быть, в моих покоях мы сядем и обсудим все получше. А затем, Болард, ты расскажешь мне, как добраться до крепости Усхора.

Дестан кивнул. Теперь он казался не таким высокомерным и упрямым — возможно потому, что рассказал историю своего падения, а может быть, просто понял, что не сможет найти Кольцо.

Конан по-прежнему чувствовал, что этот человек опасен — и, возможно, он станет еще более опасным, если последует за Орином в его намерении атаковать крепость Усхора. Прямой, мстительный фанатик, готовый использовать каждого, чтобы только исполнить свое желание и убить мага собственными руками.

Надо обязательно рассказать Орину о Кольце…

Вернувшись во дворец, Конан вновь почувствовал неладное. На этот раз причина была в наемниках. Они расхаживали вокруг дворца и совещались между собой — судя по всему, настроены они были воинственно. По всей вероятности, они не желали больше участвовать в походе против колдовства.

Минуя площадь и поднимаясь по дворцовым ступеням, Орин сделал вид, что не замечает ничего необычного. Солдаты его армии — те, кто остался невредим после битвы — выстроились вокруг дворца, готовые к обороне. Несколько человек отошли в сторону, чтобы пропустить барона и его спутников.

А в тронном зале Орина уже ждали слуги и солдаты. Среди них был и Иллес; он сидел на скамье в углу — возле него была Тайс. Она выглядела спокойной, только немного бледной.

— Наемники хотят уйти, — сообщили Орину сразу, как только он сел на трон.

— Наемники могут и подождать, — сердито ответил барон.

— Они снова требуют золота, господин, — развел руками слуга, — плату за службу. И грозят напасть на нас, если не получат денег.

Орин упер подбородок в кулаки и сердито посмотрел перед собой.

— И ничего нельзя поделать? Мы могли бы пообещать им сокровища Усхора…

— Возможно, — проговорил Иллес— Но что бы мы ни делали, мой господин, нельзя допустить резни. Если сейчас нас оставит тысяча человек, можем считать, что нам повезло. В последнем сражении с демонами полегло множество людей, и теперь наемники превосходят численностью наши войска, в чем нетрудно убедиться. Что бы то ни были за твари, вылезшие из-под земли, они почти разбили нас.

Орин сердито взглянул на Иллеса — ему не по душе пришлось, что юноша в открытую говорит о том, в чем сам барон не решался себе признаться. Наконец он вздохнул.

— С Тайс все в порядке?

— Да, он только слегка напугана, — ответил Иллес.

Тайс пытался улыбнуться Орину, но у нее был такой вид, словно она опять собирается заплакать.

Барон негромко заметил:

— Думаю, мы все испугались, Тайс. Иллес, почему бы тебе и кому-нибудь из слуг не принести нам еды?

Юноша поднялся и вместе с несколькими слугами отправился на поиски съестного.

— А теперь, — произнес Орин, наливая себе вина и глядя на Боларда, который сидел напротив, — Дестан Болард, ты должен говорить со мной начистоту. Я собираюсь уничтожить Усхора, и для меня важны любые сведения. Ты должен сказать мне… — Он поднял глаза; в зал вошел один из стражей. — Что на этот раз?

— Наемники, мой господин.

— Наемники, наемники! Будь они прокляты, предатели!

— Ругайте нас, если хотите, — произнес чей-то громкий голос, — но мы не будем больше сражаться на твоей стороне!

Придерживая рукоятки мечей, в зал вошли четверо вожаков из отрядов наемников.

— Мы не в настроении спорить, — произнес один из них. — Заплатите нам золотом, чтобы мы могли покинуть это проклятое место прежде, чем нас прикончат колдовские силы.

Орин поднялся, встретил их мрачные взгляды с не менее мрачным выражением лица, подозвал к себе одного из своих людей и передал ему связку ключей.

— Возьми с собой дюжину солдат и спускайся в подземелье.

— Слушаюсь, мой господин.

— Нет, вы оставайтесь здесь, — выразительно произнес Орин, когда один из наемников собрался идти вместе с солдатами. — Вам и вашим людям будет заплачено, как мы и обещали. Мы договорились о цене, и я вас не обману ни на медную монету. Но предупреждаю вас — всех вас — даже и не думайте о том, чтобы ограбить этот дворец. — Его поза и меч, который он держал наготове, подтверждали эти слова.

Вожаки обнажили зубы в глумливых улыбках.

— Тысяча проклятий, Орин, в этом городе уже нечего брать. Что ты пытаешься защищать? А? Ты дурак, если думаешь, что за это дерьмо стоит сражаться!

Орин не ответил; его лицо налилось краской, мышцы на руке слегка подергивались.

Капитан наемников правильно его понял. Барон был измучен до предела. Битвы против колдовства — построение планов — поиски наемников — руководство армией, бои с натиском колдовских сил, летающих созданий и тварей, вылезших из-под земли — а теперь еще наемники превосходят численностью его войска, и город лежит в руинах…

— Зачем сидеть среди этих развалин, Орин, когда Сафад…

— Вы уже ограбили все, что только можно, Гедлар. Сделали свое дело!

— Да, не так уж много тут всего. Вот что я скажу тебе… Давай делиться поровну. Если ты разделишь все свое золото между своими и нашими…

— Довольно!

Все, кто находился в зале, осознали, что гнев Орина достиг, наконец своих пределов. Прежде, чем отвратительная улыбка слетел с лица Гедлара, Орин перепрыгнул через стол, одновременно извлекая меч из ножен. Другие наемники закричали от неожиданности и попятились.

Гедлар успел лишь наполовину обнажить свой меч, когда на него обрушился клинок Орина. Со свистом меч рассек голову наемника до самых плеч; кровь, мозг и осколки костей темно-красными брызгами разлетелись во все стороны.

Тело Гедлара рухнуло на пол, а его изувеченная голова с противным чмоканьем

шмякнулась на плиты. Товарищи Гедлара яростно завопили. Орин пригнулся и зарычал — в ярости он был похож на разъяренного зверя — зубы обнажены в грозном рыке, глаза сверкают алым огнем, а тело напряжено, как у пантеры…

— Ну давайте, вперед, собаки! — прохрипел Орин, рассекая мечом воздух и забрызгивая все вокруг каплями крови, слетающими с клинка. — И вы узнаете, что этого меча следует бояться больше, чем колдовства!

Наемники не решались выступить, опасаясь этого безумца. Их воины, конечно, справились бы с его солдатами, но здесь, в одиночку, что они могли сделать против этого разъяренного демона с мечом в руке?

Стражники, стоявшие снаружи, заслышав шум, вбежали в тронный зал. Выкрикивая проклятия и угрозы, они схватились за мечи, готовые защищать Орина и дворец, если только наемники посмеют напасть. К счастью, в этот момент появился воин, посланный за золотом, и начал пробираться сквозь толпу. Солдаты, шедшие следом, остановились и выложили на полу в коридоре кожаные мешки.

— Забирайте свое проклятое золото! — закричал Орин. — Вы ничего больше не получите, если не считать трупа этой свиньи!

Трое вожаков попятились, желая унести с собой не только золото, но и спасти свою жизнь. Солдаты помогли им отнести мешки во двор; Конан слышал, как всю дорогу они ворчали и спорили, кому сколько причитается…

С кухни вернулись Иллес и слуги. На стол были выставлены блюда, и никто — из уважения к у Орину и его душевному состоянию — не сказал ни слова по поводу отвратительного трупа, лежащего на полу. Барон уселся на свой трон — он был уже кое-как сколочен и, хотя у него не доставало одного подлокотника, все-таки это был трон.

Правитель отказался от еды и питья — сказал, что поест позже — и, пока его соратники и слуги ели, он предавался тягостным думам, все еще сжимая в руке свой огромный меч, на котором блестела кровь убитого наемника.

* * *

Конан не был голоден, но ему очень хотелось вымыться. Он был весь в дорожной грязи, вспотел во время боя, испачкался пылью, кровью и слизью тварей. Он спросил у Иллеса, есть ли во дворце купальня; тот показал ему, куда идти, а затем вновь принялся за еду.

В каком бы состоянии не находились другие помещения дворца, но купальни выглядели просто божественно. Конан нашел одну из них; в полу было устроено два бассейна, и из кранов, сделанных в форме слонов, била тепловатая вода. Здесь чувствовался слабый запах благовоний.

Конан исследовал соседние помещения и вскоре и обнаружил комнатку, где хранились полотенца и масла для мытья. Оставив масло и полотенце возле бортика бассейна, северянин с удовольствием скинул с себя испачканные дорожной грязью сапоги, затем кольчугу. Снимая поясной ремень, он еще раз убедился, что Кольцо Энкату по-прежнему лежит в мешочке. Он подумала, не спрятать ли его в сапоге… но сначала нужно выкупаться, так что…

Он забрался в воду и тут же ощутил приятное тепло и комфорт. Он немного поплавал — благо, бассейн был достаточно велик — в блаженстве полежал на спине, затем вернулся к

бортику, где стояли масла, вылил немного жидкости на ладонь и принялся мыть тело и волосы. Не хватало только услужливых рабынь, которые сейчас помогли бы ему… сперва вымыться, а за-гем и расслабиться, сбросить напряжение последних дней. Но, похоже, в этом городе женщин почти не осталось. Если не считать крошки Тайс, конечно, но она была невестой Иллеса, а киммериец никогда не отбивал подружек у товарищей по оружию!

…Ну вот, теперь можно и поесть. Конан внезапно ощутил зверский голод.

Но едва он, облачившись в свои доспехи, направился к выходу, дверь купальни внезапно распахнулась.

Болард!

Киммериец поднял брови.

— Пришел освежиться, приятель?

Тот помотал головой в тяжелом шлеме.

— Нет, поговорить с тобой наедине. Я пытался вытащить тело вендийца…

Конан пристально поглядел на Боларда.

— Оно погребено под завалом. Ты не сможешь откопать его, да и в этом нет никакой нужды.

— Я нашел лишь его руку…

— Это все, что от него осталось. Остальное сожрали монстры Усхора.

— А на этой руке было кольцо? — спросил Болард бесстрастно.

— Я уже говорил тебе, что нет.

Конан видел, как во мраке шлема вспыхнули его глаза. Возможно, коринфиец пытался решить, верить ему или нет.

— Ты думаешь, Кольцо у меня? — спросил варвар насмешливо.

— Нет, — решительно ответил Болард. — Если бы я так думал, то убил бы тебя, когда ты, беззащитный, нежился в воде. Но, видишь, я дождался, чтобы ты мог одеться…

— Благодарю. — Конан не скрывал презрения. — Но не стоило беспокоиться. Я и голыми руками справился бы с десятком таких, как ты!

— Не хорохорься, северянин. Думаю, вендиец сказал тебе что-то перед тем, как умереть.

— Единственное, что я слышал от него — это заклинания и безумный бред. Вероятно, даже Сундар не знал, где Кольцо.

— Это Кольцо перенесло его сюда. Он хотел сразиться с Усхором и потому знал, где оно находится.

— А ты откуда это знаешь, Болард? Вспомнил — точно также, как ты помнил о том, что Усхор собирается напасть на Сафад? А может быть, сам Сундар сказал тебе об этом? Я прав?

Болард разразился грубым смехом.

— Вендиец появился в моей палатке в ту ночь, когда меня проклял Усхор. Он сказал, что состоит в секте, которая поклоняется Энкату, что он и его братья знают о моей службе колдуну и о поисках Кольца. Используя магию, он также узнал, что я у Усхора в немилости.

— Так это он сказал тебе, что Кольцо спрятано в Сафаде и что Усхор скоро атакует город?

— Он и его собратья обнаружили, что защитный кокон, окружавший Кольцо, готов прорваться, и поняли, что колдун узнал, где оно находится. Сундар велел мне предупредить Орина; очевидно, служители Энкату хотели, чтобы у Усхора было как можно больше врагов.

— Будем надеяться, что ты не лжешь, — усмехнулся Конан. — А ты не боишься, что они просто используют тебя — как и всех нас — в качестве разменной монеты?

— Только Кольцо сможет защитить нас от колдовских сил Усхора. Без него Орин обрекает себя на смерть, намереваясь напасть на Усхора, и гибель ждет всех, кто будет рядом с ним!

Конан подумал, что Кольцо не очень-то защитило Сундара; но тут он вспомнила, как тварь, которая капала на него на площади, ослабила хватку, как только щупальце коснулось мешочка, где лежало Кольцо. Может быть, Кольцо спасает от колдовства, но не от воздействия каких-то материальных предметов?

— Что Сундар сказал тебе?

— Если бы он мне что-нибудь сказал, Болард, можешь быть уверен, что я тут же отправился бы за Кольцом, а не стал бы спрашивать у тебя совета.

— Мне кажется, ты что-то скрываешь, северянин…

Конан, выведенный из себя этим разговором, гневно сжал кулаки и угрожающе надвинулся на коринфийца.

— Послушай, парень, я был вежлив с тобой и отвечал на все твои вопросы — но с меня довольно. Я устал, голоден и хочу отдохнуть! Если хочешь сказать что-то еще — говори. Если нет — проваливай к Нергалу! Твоя физиономия портит мне аппетит!

Не смущаясь ни угрозами, ни оскорблениями, Болард упрямо повторил:

— Я должен найти Кольцо.

— Откуда ты знаешь, что оно не у Усхора? Болард глухо хмыкнул, затем развернулся и пошел прочь, но у двери вдруг остановился.

— Если бы Кольцо было у него, киммериец, мы все сейчас были бы мертвы…

И вышел, прикрыв за собой дверь.

* * *

Вернувшись в тронный зал, Конан обнаружил, что он пуст — там был только Орин. Он тоже умылся и переоделся в чистую одежду. Комната освещалась несколькими масляными лампами и факелами. Орин стоял у окна — там, снаружи, было темно, тепло и тихо.

Конан заметил, что труп вожака наемников наконец вынесли из зала.

— Куда все делись? — спросил он у Орина.

Продолжая смотреть в окно, барона произнес усталым голосом:

— Отправились помыться и отдохнуть. Мы выступаем на рассвете.

— На крепость Усхора?

— Да, Конан. Ты идешь с нами? Киммериец остановился у одного из столов,

налил себе бокал вина.

— Что за вопрос, Орин? Разве я дал тебе повод усомниться в моей верности?

— Извини. — Орин отвернулся от окна и сжал руки за спиной. — Я сам не знаю, что говорю… Все меня бросили. Наемники ушли с кошелями, полными золота. Даже мои солдаты не верят в успех этого похода. Но я, если придется, сражусь с Усхором и в одиночку. Он должен умереть!

— Сколько человек осталось после ухода наемников?

— Боюсь, недостаточно. Мои слуги и приближенные. Варган собирается идти с нами — не знаю уж, зачем ему это, он ведь пришел как наемник. Несколько сотен солдат из войска Сафада, жаждущих мести и готовых пойти на смертельный риск ради этого.

По голосу Орина Конан понял, что тот почти пал духом.

— Могло быть и хуже, — ободряюще произнес он. — Разгневанные воины обладают большей решимостью и отвагой. Наемники с их страхами в долгом походе могут плохо влиять на остальных.

— Дестан Болард сказал, что без Кольца мы обречены.

— Ага! Судя по всему, он говорил и с тобой. Мне он сказал то же самое. И что, ты веришь ему?

— Нет. — Орин пожал плечами. — Я верю себе. Я верю, что никакое колдовство не окажется сильнее моей руки, сжимающей меч.

Конан поднял свой бокал и одобрительно кивнул Орину, после чего сделал глоток.

— Я не уверен, что хотел бы иметь это Кольцо, даже если бы смог найти его, — продолжал барон. — В том, что рассказал мне Болард о Кольце, о его природе, много неясного… Этот бог, Энкату — бог крови и войны, как сказал Болард. Черные войска Древних поклонялись ему и приносили в жертву тысячи людей, и даже до этого о нем говорили как об одном из Старейших — одном из тех существ, которые создали человека и все остальные формы жизни, чтобы поддерживать свои силы страданием и смертью. Некоторые предметы были созданы специально для того, чтобы направлять людей на путь безумия и гибели — и тогда энергия павших пойдет прямо к Старейшим — и Кольцо, как говорят, было одним из таких творений. Кольцо силы, Кольцо безумия! — Орин взмахнул рукой, словно отбрасывая от себя паутину. — Я мало что понимаю в этих вещах. Я воин, и в свой меч верю больше, чем в любое колдовство. И даже если бы нам удалось заполучить Кольцо — не верю, что оно помогло бы нам в битве с Усхором!

Конана нахмурил брови. Ему хотелось рассказать Орину о Кольце, но почему-то он испытывал странное нежелание сделать это. Ему нужно Выло подумать…

— Я проголодался. Осталось здесь что-нибудь из еды?

Орин осмотрел стол с остатками обеда.

— Боюсь, не так уж тут много. Но я могу послать…

— Того, что есть, вполне хватит. — Конан взял лепешку и ломоть холодного мяса, с наслаждением запивая простую пищу вином..

Орин встал и снова выглянул в окно. Бледный лунный свет заливал тронный зал, отбрасывал светящийся прямоугольник на истоптанные плиты пола.

— Куда пропали все мои люди? — произнес он печально. — Наверное, ушли на край света. Я не могу осуждать их. Да и стоит ли мне биться с Усхором?

Если бы Орин не был таким сильным человеком, подумал Конан, он бы не выдержал и сломался — а может быть, еще раньше сошел бы с ума. Но все было наоборот — чем больше он предавался своим думам, тем тверже становилось его решение.

— Сейчас ты борешься сам с собой, Орин.

— Точно. — Барон кивнул и посмотрел на Конана. — Я пытаюсь убедить себя, что мною движут самые благие побуждения, что я хочу избавить мир от векового зла… но на самом деле я просто хочу отомстить — я хочу убить Усхора мог этими руками! — Он поднял перед собой ладони; его лицо, которое в полумраке казалось серым, исказилось от гнева. — Но прав ли я, что из жажды мести рискую столькими людьми? Они верят мне, идут за мной! Что если в конце пути всех нас ждет ужасная, бесславная гибель?..

— Не говори так, — твердо возразил ему Конан. — Даже если нас ждет смерть — она не будет бесславной! Мы примем бой и умрем, как подобает настоящим мужчинам. У меня

на родине говорят, что нет для воина лучшей доли, чем пасть в бою, сжимая меч в руках и постаравшись унести с собой как можно больше врагов! Только ради этого стоит жить, Орин, только ради этого! И будь уверен, все твои люди, кто завтра пойдут за тобой в поход, думают точно также!

— Ты прав! — Глаза барона вспыхнули мрачной решимостью. — Спасибо тебе, северянин, ты вдохнул в меня новые силы и уверенность — в мое сердце! Прости мне этот миг малодушия-Завтра мы двинемся войной на Усхора. И клянусь всеми богами, новыми и древними, — мы победим!

Глава четвертая
Воинство

Влюбленные, Иллес и Тайс, заняли маленькую комнату на верхнем этаже восточного крыла; Тайс спала, а Иллес в задумчивости стоял возле одного из окон. Упершись руками в подоконник, он смотрел на серые, затененные руины города, и временами поглядывал на ночное небо. Вдоль одной из улиц, вымощенной брусчаткой, чернели ровные ряды деревьев, а за ними — крытые мрамором здания, стены которых мягко светились под луной — он выгляди пал через восточные ворота, стоявшие нараспашку.

Иллеса овевал легкий ветерок, словно пытавшийся облегчить тяжесть, лежащую на сердце юноши, но тот был слишком взволнован и огорчен, чтобы поддаться самообману. Произошло так много ужасных событий — и впереди по-прежнему ждал неизвестность. Где-то пели ночные типы, Иллес подумал, почему он не слышал их раньше. Может быть, они только что вернулись — теперь, когда покров колдовства не окутывал Сафад точно невидимой пеленой. В небе сияли чистые, яркие звезды, и Иллес с удивлением смотрел на них — точно также, как в детстве. Тайс зашевелилась в постели.

— Иллес? — позвала она сонным голосом. — Ты где?

— Здесь. — Его голос в тишине прозвучал чересчур громко и отчетливо.

Тайс выбралась из-под одеяла и тихонько подошла к возлюбленному.

— Я думала, ты спишь…

— Мне не спится.

— Ты думаешь о том, что я сказала тебе, Иллес? О том, что я не хочу, чтобы ты шел в этот поход… — Они говорили об этом весь вечер. Девушка плакала, умоляла… Ей было так страшно… В конце концов, они занялись любовью — чтобы не тратить времени на бесплодные споры. Но он так и не ответил ей! — Что ты решил, мой любимый? — Тайс взглянула на него своими ласковыми, блестящими глазами, прижалась поплотнее, затем взяла его руку и обвила вокруг своей талии. Тайс легонько дернула Иллеса за длинные волосы. Но юноша по-прежнему молчал; казалось, его внимание привлекло что-то, расположенное вдалеке.

— Я не оставлю моего господина, — произнес он наконец. — Не проси больше. Это невозможно!

По телу Тайс пробежала дрожь, с трудом удерживаясь от рыданий, она бросилась в объятия Иллеса.

— Я люблю тебя, — воскликнула она с жаром, — и у меня впереди вся жизнь. Проклятье, милый, Сафад разрушен!.. Орин, Конан и остальные собираются в этот безумный поход против колдуна, которого они никогда не видели, а ты столько раз оказывался на краю смерти только за последние несколько дней!.. Это тебе ни о чем не говорит?

— Но Орин…

— Орин дурак! Его город превращен в руины. Вся его семья, все друзья… — она на миг замялась, а затем продолжила: — И что все это означает? Наемники были правы, Иллес! Неужели ты этого не понимаешь? Нет?

— Я воин! — возразил он с угрозой в голосе.

— Воины погибают, Иллес! Тебе незачем больше быть воином, ведь армии больше нет.

И нашего города тоже. А те, кто вышел живым из всего этого — те сбежали. Они оставили Сафад, Иллес, чтобы начать новую жизнь.

— Я не смогу забыть того, что случилось.

— Тогда ты погибнешь, не забывая! — воскликнула Тайс и разразилась рыданиями. — Неужели тебе больше хочется остаться честным воином и погибнуть в какой-то колдовской крепости, чем жениться на мне и завести семью? О, ты дурак! Ты бы хотел, чтобы твои сыновья стали солдатами и ты бы отправил их на войну, верно? Верно?!

— Замолчи, Тайс!

— Не буду молчать! Мы жили здесь, Иллес. Всего месяц назад двести тысяч человек жили

спокойно в своем городе. И где они теперь? От Сафада ничего не осталось, а все почему?

— И почему же?! — закричал вдруг Иллес— Почему же, Тайс? Из-за Усхора! Повтори это, Нергал тебя возьми! Повторяй, снова и снова. Усхор! Усхор! Усхор! Месяц назад у тебя была семья и у меня была семья, и здесь не было ни Конана, ни наемников, ни колдовских монстров. Усхор все перевернул!

— Иллес…

— Усхор! А теперь ты говоришь, что раз колдун пришел и ушел, мы должны взять те осколки и грязь, что он нам оставил, и попытаться снова соединить ими наши жизни? Тайс! Мы не можем делать вид, что ничего не произошло!

— А я могу!

— Ты эгоистка! Ты думаешь, достаточно зажмуриться, и ты увидишь все так, «как было прежде, до уничтожения Сафада. Но Сафад погублен, и я не могу закрывать на это глаза. Я сражался с колдовством — и доказал себе, что я мужчина, и что я могу пережить и резню, и кровопролитие, и всеобщее безумство, если необходимо. И теперь барон Орин верит мне. Теперь у нас есть шанс отомстить за Сафад и убить Усхора. Только-звери трясутся от страха при виде грозы, а потом восстанавливают все, что было разрушено, и забывают о буйстве стихии…

— И разве это так плохо?

— Да! — взбешенно ответил Иллес, сверкая глазами. — Мы — люди! Мы — человеческие существа! И если нас застала гроза, то мы ничем

не лучше животных, если убегаем и прячемся, и только пытаемся забиться как можно дальше. А Усхор — не гроза, он настоящее бедствие. Усхор — это порождение преиподней, это… чума; и те ни в чем неповинные люди, которых он убил — это наши родные и наши друзья, Тайс, и наши родные и друзья — вернее, их души, умоляют нас отомстить за них. Я слышу, как эти души кричат; „Останови Усхора, прежде чем мы отправимся на вечный покой!“ И в наших силах отомстить. Вот почему я не животное — вот почему я верю Митре и другим богам, которые правят на небе и на земле! Если Митра спасет нас от смерти, то мы вернемся назад и начнем новую жизнь, а если Митра позволит мне пасть в этом поединке, то я тогда умру человеком!

— Ты глупец! — запричитала Тайс, понимая, что все ее слова и уговоры остались втуне, что Иллес предпочитает умереть и разбить на мелкие осколки все ее надежды, все мечты о том, чтобы любить его и жить с ним в спокойствии и безопасности. — Ты хочешь умереть!

— Нет! — ответил он уверенным, и в то же время гневным, жестким голосом — точно медный храмовый колокол прозвенел. — Нет — я не хочу умирать, Тайс. Но я воин, и

единственное, чего мне хочется — это умереть, как те несчастные на площади — да, даже так, если моя смерть поможет добиться, чтобы произошедшее никогда не повторилось.

Тайс принялась плакать, ругать Иллеса и топать ногами, как рассерженная маленькая девочка. Затем она развернулась, бросилась прочь и, рыдая, выскочила из комнаты.

Но Иллес уже сделал свой выбор. И внутреннее спокойствие, снизошедшее на его душу, было истинным даром богов, подтверждавшим, что выбор его — верный!

* * *

Тайс — расстроенная, униженная — пробежала по коридору до самого конца, затем, запыхавшись, остановилась и чуть не вскрикнул от неожиданности, увидев Дестана Боларда, который в одиночестве стоял возле оконного проема.

— Не можешь заснуть? — спросил тот своим глухим, металлическим голосом и при этом даже не повернул головы.

Тайс молча смотрела на него, слишком испуганная, чтобы вразумительно ответить. Она всегда боялась Боларда; он казался ей детищем ожившей ночи, нечеловеческим существом, лишенным глаз и эмоций, твердым, жестким. Он никогда не ел и не пил в чьем-либо присутствии; его голос никогда не выдавал бурных эмоций, не был ни теплым, ни заботливым. Тайс обнаружила, что не может смотреть на него прямо, и стала осматривать темный коридор, который лишь был освещен редкими факелами, укрепленными нз стенах. Тайс мгновенно забыла о споре с Ил-лесом; сейчас ей хотелось только одного — быть рядом с ним, ощущать прикосновение его надежных, заботливых рук и слышать его смех.

— Тайс.

— Д-да?

Болард повернулся и посмотрел на нее — холодная маска, неподвижная, жуткая.

— Ты меня боишься?

Тайс не знала, что ответить. Тогда он продолжил:

— Все мы сегодня слегка не в себе. Мы подошли к перекрестку дорог. Мы теперь как одна семья; боги унесли с собой многих людей — тех, на чью долю не выпало путешествие к колдовству. — Он снова посмотрел в окно, словно советуясь с кем-то или чем-то, что находилось снаружи.

Сердце Тайс колотилось, как сумасшедшее. Она вдруг заговорила:

— Я… я только не хочу, чтобы Иллес умер…

— Верь самой себе, — ответил Болард, не отрываясь от окна. — Любовь — это всего лишь слова, которые значат не более, чем крылья для курицы, если у вас нет сил помогать друг другу. А силы эти появляются только в том случае, если человек ни от кого не зависит.

Тайс смотрел на Боларда с удивлением. Неужели это говорит Дестан — человек в черной маске, проклятый колдовскими силами, у которого на сердце горечь, а в душе — тьма?

— Ты так смотришь на меня, — проговорил он, снова поворачиваясь к Тайс, — думаешь, я никогда не любил и ничему в жизни не научился, пока не получил — это? — И он тронул рукой шлем.

Тайс молчала. Что он такое говорит? И зачем он говорит ей это?!

— Я много думал сегодня, накануне великого похода, — сказал Болард. — И удержать

Иллеса, сдвинуть с его пути тебе будет не легче, чем удержать бурю. Тебе придется перетерпеть это. Будь выше этого. И верь в себя.

— Я… я не понимаю.

Она слышала тяжелое дыхание Боларда под маской.

— Мы все сейчас должны быть вместе, — сказал он наконец. — У каждого свои причины и свои кривые тропы, приведшие в Сафад. Одним из нас можно верить, а другим — нет. У каждого свои тайны, страхи, и сердце каждого горит от жажды мести или чего-то еще, и это выше нас. Возможно, боги затеяли игру, и мы всего лишь пешки. Возьми вот это.

И Болард снял со своего пояса длинный, тяжелый кинжал и вместе с ножнами протянул его Тайс.

— Научись обращаться с ним, — произнес он холодно. — Носи с собой. Повесь его прямо сейчас и носи на боку. Прежде, чем наше путешествие закончится, он должен стать с тобой единым целым.

— Я… я не хочу, — Тайс оттолкнула кинжал рукой.

Но Болард настаивал на своем.

— Пока что тебе удавалось оставаться в живых, не имея оружия, — сказал он угрюмо. — А теперь я предлагаю тебе оружие — в один прекрасный день оно поможет тебе выжить. Попроси кого-нибудь научить тебя пользоваться им. Думаешь, если сейчас ты откажешься от него, то потом ни разу не пожалеешь об этом?

— Болард, я…

— Бери кинжал. Это и жест, и символ, Тайс. Может быть, потом у меня никогда не будет такого настроения. За всю твою жизнь у тебя еще никогда не возникало необходимости иметь оружие, но все впереди.

Тайс нервно сглотнула. Ей вдруг подумалось, что, если она примет этот дар, то пересечет какую-то невидимую границу, или свернет с одной дороги на другую. Один путь лежал в Сафад, возможно, он в Сафаде и кончался, другой вел к новым горизонтам. Она должна взять кинжал и пойти по новому пути, потому что старого больше не существует. Это чувство было столь сильно, что даже напугало ее.

— Не хочу, мне это не нужно, — повторила Тайс— Мне кажется, тут какое-то колдовство…

Болард вздохнул.

— Никакого колдовства здесь нет. Это просто кинжал, изготовленный из хорошей стали, не больше. И я предлагаю тебе его только для самозащиты. Хочешь, можешь взять. Нет — так нет…

— Я возьму, но… — Она неуверенно тронула кинжал, и вдруг странное чувство охватило ее, точно дрожь пробежала по телу. Тайс подняла глаза на Боларда, но он, как только отдал ей оружие, отвернулся, сложил за спиной руки и продолжил смотреть в окно.

Дрожа, Тайс медленно попятилась, затем повернулась и со всех ног бросилась обратно в комнату.

* * *

Маленькое войско Орина тронулось в путь на следующее утро — в поход против черной магии, дабы наконец лицом к лицу встретиться с монстром, которого прежде видел лишь

один человек.

Иллес дивился на Тайс — она уже не возмущалась и не ругала его. С утра она быстро позавтракала, не сказав почти ни слова, затем легко и быстро взобралась на лошадь и вместе с Иллесом выехала через западные ворота. Юноша заметил, что на поясе у нее висит кинжал — который раньше принадлежал Боларду — но не осмелился спрашивать, почему Тайс стала носить его… сейчас такие вопросы были бы неуместны.

Орин возглавлял войско; слева от него ехал Болард, справа — Конан.

Когда тысяча всадников проезжал через город, в окнах иногда появлялись серые лица. Но никто не остановил и не окликнул воинов; когда войско прогарцевало по улицам и скрылось из глаз, люди прикрыли окна ставнями и вернулись в свои темные комнаты — чтобы снова погрузиться в полную апатию.

К западу от Сафада холмистые равнины и поросшие травой луга постепенно сменялись все более густыми лесами. Эти территории еще не были освоены кофийцами, и к западу леса пере-

ходили в болотистые равнины. Между Аргосом и Кофом протянулся невысокая горная цепь — именно здесь брал начало ручей, который в конце концов рекой впадал в Море Запада; но эта безымянная река лишь вначале имела извилистое русло, ближе к западу, где начинался полоса болот, она текла вяло. Болотистые равнины не отличались большими размерами — караваны и вооруженные войска пересекали их за несколько дней; тем не менее эти места пользовались дурной славой и считались пристанищем смерти, чумы и всего нечистого. И именно здесь, как сообщил Болард Орину, Усхор воздвиг свою крепость, которая стояла на вершине небольшого утеса, выдающегося из скалы — на другом конце этой реки, еле текущей среди мрачных, смертельно опасных трясин.

Через день Орин со своим войском достигли границы лугов. Они разбили лагерь и с удобством устроились под прикрытием деревьев, у самой кромки леса.

Настроение войска не было подавленным — скорее, людьми владела сосредоточенность перед битвой, но вокруг костров не было слышно ни шуток, ни песен, ни даже обычных дружеских разговоров. Жизнелюбивый киммериец, на которого подобная атмосфера действовала угнетающе, вскоре понял, что не сможет так просто заснуть, и решил немного прогуляться в окрестностях лагеря. Оседлав коня, он предупредил часового о том, что скоро вернутся, и галопом полетел в ночь.

Он гнал лошадь до тех пор, пока не достигла небольшого леса, покрывавшего склон холма. Спешившись, он повел лошадь к ручейку, затем привязал его к кусту, а сам уселся под высоким деревом.

Сквозь чернеющую листву и сучья виднелись звезды, сиявшие в ночном небе. Из-за серого облачка выплыла луна и залил серебряным светом обширные луга, поросшие травой, и сложил странный, трепещущий узор на мягкой траве, у самых ног.

Какой-то шум внезапно заставил северянина насторожиться. Придерживая рукоять меча, Конан вгляделся и увидел, как в его сторону со стороны лагеря скачет всадник. Насторожившись, он встал спиной к дереву — чтобы оно защищало его, если придется драться — и принялся ждать.

Вскоре всадник оказался совсем рядом. Узнав ночного гостя, киммериец выступил ему навстречу. Барону Орину, похоже, также не спалось в этот вечер…

— Ищешь уединения? — спросил он правителя Сафада. Если тот хотел побыть в одиночестве перед, завтрашней битвой — киммериец не стал бы ему мешать. Но Орин

покачал головой в ответ:

— Благодарю тебя, но нет, дружеский разговор и совет мне сейчас нужнее. Часовой показал, куда ты направился… я нарочно поехал за тобой.

С этими словами барон спешился, привязал лошадь и уселся спиной к дереву, у которого стоял Конан. Киммериец молча опустился поблизости, недоумевая, что могло понадобиться от него кофийцу.

Тот, похоже, все чаще искал общества северянина. Неужели ему мало своих советников и военачальников?

Словно прочитав его мысли, Орин вздохнул:

— Очень многое изменилось для меня за последнее время. Те люди, что раньше были мне близки, ныне как будто отдалились… Они преданы мне по-прежнему и готовы идти за мной, но — мне кажется, никто из них не понимает по-настоящему, что движет мною. Они считают меня едва ли не безумцем, обуянным одной лишь жаждой мести. Может, они и правы, но…

Киммериец пожал могучими плечами.

— Я — варвар, Орин, и я не вижу ничего дурного в мести! Ничего достойного осуждения. Если кто-то причинил зло тебе или тем, кто тебе дорог — долг мужчины расквитаться с обидчиком. Это святое чувство, так я скажу тебе.

— Но ты, Конан? Тебе лично Усхор не сделал ничего… и все же ты идешь с нами.

— Ты ведь платишь мне как наемнику, забыл?

— Северянин засмеялся. — Но дело не только в этом. Видишь ли, мне нередко приходилось сталкиваться с магами — я уже говорил тебе об этом. И колдовство я ненавижу до глубины души! А этот Усхор… судя по тому, что я видел в Сафаде, он — худший из них из всех. Сердце мое не будет знать покоя, пока мы не уничтожим эту гадину, чтобы его смердящее дыхание не поганило больше воздух, которым мы дышим! Мы должны разделаться с ним, чего бы это ни стоило!

Какое-то время оба молчали. Орин взял камешек и бросил его вниз, вдоль склона. Затем произнес:

— Сегодня вечером у меня было странное видение…

— Видение? Ты хочешь сказать, сон?

— Нет, нет. Я сидел у себя в шатре, думал о той битве, что нам предстоит… Во мне бурлила ярость и гнев. Мне казалось, что я вот-вот разорвусь, настолько меня переполняла жажда мести. Мне хотелось только одного — громить и убивать, знать бы только, где мой враг… Я не выпил ни капли вина — и несмотря на это, я вдруг почувствовал себя так, словно пьян до невозможности. Мне не стало хватать воздуха, и я подумал, что у меня остановилось сердце. В голове вспыхнул мысль — как будто Усхор пытается уничтожить меня, отправив куда-то далеко-далеко. Никто вокруг не заметил, что со мной происходит — как будто меня отгородил туман или стена густого дыма.

Конан внимательно слушал Орина, замечая, что на лбу барона выступил пот, глаза его лихорадочно заблестели.

— А затем перед моим внутренним взором возникло видение. Вот сейчас мои друзья и слуги сидят за столом, пьют и едят, а следующий миг всех их накрыла странная пелена и я увидел изображение комнаты — древней комнаты, сложенной из каменных кирпичей, высокой, затемненной. В дальнем углу стоял волшебник или маг — возможно, Усхор — я видел его также смутно, как и комнату, если не считать его глаз — желтые, они светились

точно две лампы. Затем его лицо стало видно отчетливее — белое, подсвеченное желтым сиянием его глаз. Я смотрел на него и чувствовал, что достаю из ножен свой меч. И рядом со мной стоят остальные — ты, Болард, юный Иллес и еще кто-то. И Усхор — или другой какой-то волшебник — что-то быстро говорит на языке, которого я не понимаю. Я поднимаю меч и, хотя поначалу это лицо было далеко, в одно мгновение оно возникает прямо передо мной, так близко, что я вижу только его глаза. Они были лишены зрачков в этих глазах не было ничего, кроме желтого света, как будто у него вообще не было глаз, а только две впадины, из которых струится свет самой преисподней. Я… я поднял меч, и вдруг в этом видении возникло нечто новое — воспоминание о Са-фаде. Я услышал, как застонал Болард, и, хотя я не смотрел на него, я видел, как он гневно кричит, а его маска была уже не маской, а его истинным лицом, искаженным от боли и ужаса — как будто оживший черный шлем. Затем он исчез, и юный Иллес тоже, и вся толпа за моей спиной. Я взмахнул мечом, но когда я опускал его, лезвие прошло перед желтыми глазами колдуна и на миг заслонило их от меня. И тут видение пропало; исчезло — как будто я обрубил некую нить, соединяющую нас. Я вернулся в свой шатер, и мои люди сидели как прежде. Я почувствовал, что снова дышу, и понял вдруг, что видел эту картину — живую, реальную, как в жизни — за то время, пока делал один-единственный вдох…

Закончив рассказ, Орин поднес руку к влажному от пота лицу и устало потер лоб и глаза. Конан глубоко вздохнул, приводя в порядок спутанные мысли. Он услышал тихое ржание своей лошади прямо за деревом — как будто рассказ Орина распространил по всему холму ауру беспокойства.

— Думаешь, это знамение?

— Не знаю…

— Ты считаешь, это своего рода послание от Усхора — предупреждение о том, что лучше бы тебе не лезть к нему?

— Не знаю. — Орин взглянул на Конана; его лицо было ясным и словно светилось в лунном сиянии. — Мне никогда прежде не доводилось испытывать нечто подобное, хотя знаю, что на войне во время лихорадки в голову приходят всякие странности, которые исчезают, когда человек выздоравливает. А предсказатели и провидцы часто сами доводят себя до припадков, чтобы видения пришли к ним… Я не знаю.

— Но ты не откажешься от намерения сразиться с Усхором?

Орин твердо покачал головой.

— Ни за что. Хотя гибель, судя по всему, неминуема, я погибну в сражении с колдуном, если так уж захотели боги. И все же многие воины против этого похода; даже те, кто поклялся мне в верности, и те сомневаются в благополучном исходе.

— Жизнь полна сомнений, — отозвался Конан. — Но лишь трусы могут предпочесть убогое прозябание славной гибели за правое дело!

— Ты прав, — горячо поддержал его барон. — Для меня отрада слышать твои речи. Ты — простой человек, северянин, но ты владеешь мудростью, недоступной многим из нас. Клянусь Небом, эта мудрость приведет тебя к величию!..

Конан хотел что-то сказать… но внезапно услышал ржание лошадей. Он обернулся. Там, на вершине холма, горели желтые огни — маленькие желтые огни, принадлежащие темным фигурам. Глаза…

— Кром! — воскликнул Конан. — Что это еще такое?!

Он вскочил, выхватывая меч и принимая боевую стойку. Рядом с ним, в оружием в руках

встал барон Орин.

— Проклятье… — прошептал правитель Сафада. — Неужто колдовство Усхора настигло нас и здесь?..

Фигуры плыли вдоль склона прямо к ним — шесть человек в темных накидках с длинными рукавами, прикрывавшими руки; желтые глаза их мерцали, точно угли, подвешенные на невидимых нитях. Лошади почему-то затихли и лишь беспокойно всхрапывали.

— Отдай нам Кольцо, — прошептала одна из желтоглазых фигур. Слова прозвучали почти без акцента, но голос выдавал вендийца.

Конан посмотрел на Орина.

— Жрецы Энкату! — выдохнул он.

— Да, — раздался голос с другой стороны. — Мы знаем, что Кольцо здесь. Оно у одного из вас. Вы отдадите нам Кольцо. Сейчас.

— Кольцо? — удивленно воскликнул Орин. — Конан…

— Оно у меня, — подтвердил тот. — Мне нужно было раньше сказать об этом. Я солгал Боларду, Орин! Кольцо было на руке Сундара, и я взял его, когда жрец погиб.

Мертвенно-бледная рука протянулся к Конану.

— Отдай мне Кольцо, человек…

— Ты получишь меч под ребра, собака!

Глаза вендийца, что протянул ему руку, вспыхнули, и их желтый свет стал настолько ярким, что без труда можно было разглядеть черты — тонкие, острые, во рту белеют отвратительные острые зубы. Конан чувствовал, что его разум начинает мутиться…

— Осторожно, Орин! — крикнул он.

Барон сделал легкое движение, вскинул меч и повернулся к Конану спиной.

— К бою!

И хотя огонь этих желтых глаз пытался лишить его ума и силы, Конан прыгнул вперед, чтобы уничтожить врага одним взмахом своего меча

Глава пятая
Лики колдовства

Вендиец, который стоял с воздетыми руками, не успел не только завершить колдовской жест, но даже закричать, когда меч Конана обрушился на его голову. Горящие глаза вспыхнули в темноте точно драгоценные камни, неожиданно упавшие в темный ручей. Конана обдало брызгами крови. Он быстро повернулся; за спиной раздался глухой звук меча, входящего в плоть, а затем гневный голос Орина — он с криком бросился на другого жреца.

Один из вендийцев — тот, что был ближе к Конану, извлек нож и метнул его; киммериец вовремя успел заметить блеск лезвия и, резко взмахнув мечом, отбросил нож в сторону. Он бросился на вендийца и сделал выпад. Меч вонзился в плоть — жрец со стонами повалился на землю и забормотал заклинания, а затем пополз — непонятно как, но жизнь еще теплился в его теле, несмотря на смертельную рану… Конан ухватил меч двумя руками и со всей силы рубанул по голове противника. Выдернув меч, он резко развернулся и услышал, как Орин застонал от боли.

Барона окружили трое жрецов, и Конан увидел лучистое сияние, которое распространялось из центра их круга во все стороны. Орин стоял на коленях, изо всех сил пытаясь подняться, а его руки и лицо жутко светились красным пульсирующим сиянием.

Выругавшись, северянин бросился на помощь. Один из жрецов повернулся, услышав приближение Конана.

Тот успел увидеть лишь его тощее ухмыляющееся лицо и большой темно-красный камень, который вендиец держал на ладони, — а затем его меч опустился и рассек врага сверху донизу.

Жрец с криком упал на спину; из жуткой раны хлынул кровь. Красный камень взлетел в воздух, оставляя за собой светящийся след. К нему кинулся второй вендиец; третий отбежал в сторону, затем повернулся к Конану, зловеще бормоча что-то на неизвестном языке.

Конан кинулся к нему. Глаза жреца вдруг загорелись так ярко, словно два факел вынырнули из темноты. Конан, почти ослепленный их сиянием, неожиданно остановился под влиянием какой-то таинственной силы. Ничего перед собой не видя, размахивая мечом, он бросился вперед, надеясь, что не промахнется и окажется достаточно близко от своего врага…

Его меч вонзился в плоть с омерзительным хрустом. Стало темно. Теперь, когда свечение исчезло — а Конану казалось, что в глазах у него по-прежнему все ослеплено этим светом — он глянул вниз и увидел лежащего на земле вендийца с отрубленной головой.

И тут Орин закричал снова. Варвар резко обернулся и увидел, что барон уже стоит на ногах. Последний жрец поднял камень и стоял перед Орином, держа кристалл над его головой. От камня исходило пульсирующее красное свечение — его волны были видны так же отчетливо, как круги, расходящиеся по воде… Конан видел, как эти волны достигли Орина, и в тот же миг барон выронил меч и застыл недвижимо.

Конан вскрикнул и рванулся вперед.

Жрец заметил северянина и повернул руку с камнем так, чтобы светящиеся волны шли теперь к Конану.

Как только его окружили красные кольца, он не смог даже пошевельнуться, чувствуя

головокружение и усталость. Меч стал тяжелым до невозможности; тело и ноги, и даже голова налились такой тяжестью, что, казалось, поддерживать их больше нет сил. Конан хотел выкрикнуть проклятие, но смог лишь глотнуть воздуха. Млр вокруг закачался, красные звезды и красная трава поплыли куда-то, покачнулись, а затем поменялись местами…

Он слышал, как Орин кричит что-то; красное свечение внезапно пропало — и вендиец завопил громким, пронзительным голосом.

Конан поднялся и, пошатываясь, пошел вперед, чувствуя как с каждым шагом и вдохом к нему возвращается сила и энергия. Когда он подошел к Орину, голова его по-прежнему кружилась; барон сидел на корточках возле тела последнего вендийца и вытирал свой меч. Жрец был убит точным, прицельным ударом.

— Ты в порядке? — спросил кофиец Конана. Тот кивнул; последние признаки вялости исчезли бесследно.

— Поищи камень, Орин.

Барон принялся за поиски, обшаривая траву ногой. Наконец он фыркнул, поковырял каблуком в земле и покачал головой.

— Одна пыль, — выдохнул он устало. — Должно быть, кристалл разлетелся на мелкие осколки, как только упал на землю. Или когда погиб последний из этих ублюдков. — Он пнул носком сапога тело вендийца. — С тобой все в порядке?

Конан кивнул.

— Славная драка — как раз то, чего мне так не хватало, чтобы разогреть кровь! Но я хотел бы знать, нет ли поблизости и других тварей?!

Орин покачал головой.

— Кто может знать? Но, боюсь, они не оставят нас в покое. Взгляни, вон там, вдали, эти странные огни. Не то костры, не то еще что-то. Похоже, наши друзья явились именно оттуда!

— Да, похоже. И я уверен, мы еще с ними столкнемся. Они придут за… этим… — Конан развязал поясной мешочек, раскрыл его и извлек кольцо.

Орин внимательно наблюдал за его действиями, и киммериец протянул кольцо ему. Довольно крупное, но не настолько, чтобы сильно выделяться среди обычных колец. Однако никто не мог бы сказать, что это кольцо обычное. Тысячи крошечных драгоценный камней отражали свет звезд и разбивали его на тысячи разноцветных бликов, которые переливались почти как живые.

— Кольцо Энкату!..

— Болард не должен знать о нем, — сказал Конан.

— О, конечно. Но это то самое оружие, которое нам так необходимо!

— Ты уверен? Прежде мне казалось, ты в этом сомневаешься…

— Да. Болард рассказал мне, что это — Кольцо гибели и безумия, созданное черным богом. И он тоже разыскивает кольцо. Но я не собираюсь просто выкинуть его — теперь, когда боги сами дали его нам в руки. Я буду использовать все, что способно помочь мне одолеть Усхора, и неважно, опасно ли это для меня самого, или нет. И все-таки это Кольцо, Конан, принадлежит тебе — и ты можешь делать с ним все, что считаешь нужным. У кого оно будет храниться — у тебя или у меня?

Конан протянул руку.

— Я доверяю тебе, Орин, ты знаешь об этом. Но до сих пор оно было у меня…

— Разумеется, — Барон вернул ему кольцо.

— Болард и не подозревает, что я храню эту безделушку, — усмехнулся Конан, вытирая

пот со лба. — Но он думает, что я знаю, где оно. Он пытался раскопать завал и вытащить тело Сундара…

— Хм. Что ж, пусть гадает дальше — пока мы не повернем все иначе. Пойдем. — Орин указал рукой на вершину холма. — Пора возвращаться. Спрячь это кольцо как следует.

Конан завязал свой поясной кошель и вслед за бароном направился к лошадям. Пора было возвращаться в лагерь…

* * *

На следующий день отряд вступил в полосу лесов, а еще через день достиг, наконец, владений мага.

— Чувствуешь? — принюхиваясь, спрашивали солдаты друг у друга.

— Да — пахнет как-то по-другому.

Дело было не только в их воображении. Это место, казалось, излучало энергию, с которой они впервые столкнулись в Сафаде — здесь тоже возникали странные ощущения, предвестники надвигающейся бури, от которых по коже бежал холод и обострялись все чувства. Воины разжигали костры и начинали готовить ужин — Орин в это время стоял возле своей палатки и смотрел на юг. Солнце постепенно скрывалось за западным горизонтом, и тени становились все длиннее.

Холмы превращались в сереющие силуэты, долина наполнялась мраком, и наконец черный горизонт окончательно растворился в ночи. Звезды усыпали небесный свод, а на земле, в южной стороне зажглись совсем другие огни. Рядом с Орином встал Конан.

— Они уже ближе к нам, чем прошлой ночью, — заметил он.

— Да, и сегодня ночью, я думаю, они подойдут еще ближе. Им нужно… — Орин оборвал себя на полуслове. Рядом послышался хруст травы под сапогами. Это был Болард — он увидел огни и покачал головой.

— Еще эти, — негромко произнес он своим странным голосом! Коринфиец больше не делал вид, что не знает об этих огнях. — Впереди Усхор в своей крепости, наблюдающий за нами с помощью магии, а сзади — поджидают жрецы Энкату, которые хотят добраться и до Усхора, и до пас.

— До нас? — спросил Орин.

— Кольцо, — равнодушно ответил Болард.

— Мы, возможно, и зажаты между ними, — пробормотал Конан, — но пока не загнаны в угол!

— Да, но только в том случае, если бы у нас было Кольцо, — ответил тот.

Конан не удостоил его ответом. Словно задумавшись, он снова стал смотреть на юг. Никто не проронил больше ни слова, и Болард скрылся в палатке Орина.

Северянин повернулся. Через несколько мгновений он услышал, странные звуки, доносящиеся из палатки — чавкающие, хлюпающие — жуткие звуки, которые вряд ли могли издаваться человеком.

— Что это такое? — Киммериец насторожился.

— Я никогда не видел его лица, — пояснил барон, — и не хочу. Я разрешил ему принимать пищу отдельно от всех.

— Из уважения к нему? Орин пожал плечами.

— Может быть, и из уважения к себе. — Он снова посмотрел на далекие огни костров и добавил: — Кроме того, его мучают тяжелые сны. Мне почти жаль его… — Орин вздохнул. — Я ощущаю что-то такое…. как и тогда, когда мы вошли в Сафад. А ты чувствуешь — как будто какое-то зло повисло в воздухе?

— Вообще-то да, но не сегодня.

— И я тоже. Болард утверждает, что воздух станет еще хуже, когда мы доберемся до цитадели Усхора. Это — колдовство… — Орин в резком порыве хлопнул рукой об руку, словно не желая подчиняться этому ощущению присутствия чего-то злого. — Я не…

Внезапно его прервали чьи-то крики, доносящие со стороны лагеря. В вечернем, тихом воздухе крики солдат звучали особенно громко и отчетливо — тревожные крики.

— Стой! Держи его!

— Эмрос, нет! Нет!

— Прочь! Прочь!!

— Возьми меч! Возьми меч…

— О, Митра! — воскликнул Орин и бегом направился в ту сторону, где возникло смятение; Конан бросился за ним.

На краю лагеря человек тридцать солдат образовали круг, в центре которого стоял один-единственный воин с обнаженным мечом — он рычал и огрызался, глаза его светились безумием. Орин узнал этого воина — это был сильный, крепкий парень, которого нельзя было подговорить ни на какой бунт.

Солдаты, увидев барона, расступились перед ним.

— Мы не знаем, что произошло, — сказал один. — В какой-то момент он вдруг стал говорить, что в воздухе пахнет чем-то гнусным, и что он очень не хочет идти на бой с колдовством. А потом он схватил меч и попытался убить солдата, который был рядом.

Орин сделал несколько шагов к парню.

— Эмрос! — произнес он, показывая, что в руках у него ничего нет, чтобы тот доверился ему. — Отдай мне свой меч.

Эмрос отступил и уперся спиной в дерево.

— Я тебя вижу! — прорычал он; по его бороде поползла слюна. — Колдун! Тебе не удастся взять меня! Я проткну этим мечом твое черное сердце еще до того, как ты…

И он резко бросился вперед, бормоча ругательства и размахивая мечом. Орин и те, кто был рядом, поспешно отступили.

— Мы должны убить его! — закричал один из солдат. — Бешеный пес! Он не только нас не узнает, но и себя самого!

Конан рванулся вперед, отталкивая солдат и извлекая меч из ножен.

— Если я смогу разоружить его…

— Он — демон! — заорал Эмрос, сверкая глазами и клацая зубами. — Ты послан Усхором, так ведь? Я вижу в твоей руке магический жезл — но тебе все равно не удастся взять меня!

И он снова бросился вперед, описывая мечом широкий круг. Конан присел и отбил его удар, затем отступил, ловко уводя Эмроса подальше от толпы зевак. Эмрос яростно завопил.

— Ты не сможешь убить меня этим жезлом! — хрипел он, делая бешеные выпады.

Конан выругался. Против его мастерства выступила неистовая сила безумца, и с каждым ударом его рука немела все больше и больше. Этот взбесившийся человек слишком широко размахивает мечом! Конан искусно пригнулся, затем отразил удар, пытаясь попасть по руке,

в которой Эмрос держал оружие. Тот попытался ответить на выпад, но поскользнулся на влажной траве.

Его падение было настолько резким, что Конан нечаянно задел мечом по взметнувшейся вверх руке.

— Й-а-а-а! Убит проклятым жезлом! — завопил Эмрос— Отравлен черным колдовством! Я умру от этого колдовства! Он демон — колдун!.. Митра, забери мою душу!

И он развернул меч острием к себе — и рухнул на него.

Тут же со всех сторон раздались крики — вокруг толпились солдаты, которые, вытянув шеи, широко раскрытыми глазами наблюдали за этим безумцем. Эмрос покачнулся и упал лицом на траву; меч, вонзившийся в спину по самую рукоять, серебристо-красным языком торчал между лопаток.

Орина била дрожь; он закричал на солдат:

— Идите в свои палатки, остолопы!

Конан долгое время стоял не шевелясь и глядел на труп; наконец кто-то тронул его за руку и окликнул по имени. Он поднял глаза. Это был Варган.

— Пойдем, — сказал бородач негромко. — Все равно ему уже ничем нельзя было помочь. Может быть, самоубийство — это самое мудрое, что он мог сделать. Мне кажется, на нем лежало какое-то заклятье.

Конан покачал головой и медленно двинулся обратно, к своей палатке. Вскоре рядом оказался Орин, и вместе они принялись подниматься по склону, поросшему травой; солдаты же сбивались в группы и о чем-то шептались. Несколько человек оттащили тело Эмроса в сторону, чтобы захоронить его за пределами лагеря.

Орин был в ярости; желваки вздулись у него на скулах, сквозь стиснутые зубы он бормотал проклятия.

— Что на этот раз? — спросил он, обращаясь скорее не к Конану, а к самому себе. — Неужели Усхор перебьет нас всех, насылая свои чары, как на беднягу Эмроса? Или мы просто начнем сходить с ума и перебьем себя сами?!

— Может, это как раз то, что он хочет сделать с нами, — предположил Конан, — накачивать нас страхом до тех пор, пока мы начнем убивать друг друга? Не выйдет! Подлый чернокнижник не на тех напал! Что до Эмроса, то может, это даже лучше, что он умер от своей руки, чем стал бы рабом волшебства. Орин покачал головой.

Вскоре они увидели Боларда, который, не шевелясь, смотрел вниз на лагерь. Когда Орин и Конан оказались на вершине холма, Болард повернулся к ним и уселся возле палатки.

— Это не первый, — пробормотал он мрачно, скрещивая на груди руки, — но и не последний.

* * *

По мере продвижения войска, леса становились все гуще, а воздух — влажнее. Вскоре им пришлось переходить вброд мелкие ручьи и продираться сквозь невысокий кустарник и камыши, росшие вдоль берега.

Деревья здесь росли ближе друг к другу и были выше, а оттого казались более зловещими — у них были толстые мощные стволы и тяжелые ветви, которые простирались во все стороны, уходили вверх и скрывались где-то в небесных просторах. Все утро землю

покрывал дымка; она поглощала лучи солнечного света и местами образовывала серые, мрачные воронки тумана, из-за которых отдельные группы солдат то и дело теряли друг друга из виду. Откуда-то издалека доносились звуки, издаваемые обитателями леса, какие-то крупные звери рычали и щелкали зубами, а неизвестные птицы жутко кричали и перепархивали среди листвы, словно шпионя за войском.

Но пока что все оставались в своем уме. Единственное, что испытывали люди, путешествуя по чтим зловещим местам, это чувство уныния и Тоски. Солдаты выглядели необычно угрюмыми и сердитыми, из-за чего то и дело по пустякам вспыхивали ссоры.

Тайс тоже нервничала и часто жаловалась, и хотя Иллес старался сдерживать ее, он и сам испытывал постоянное напряжение и беспокойство. Их сопровождал Варган, который безостановочно шутил или рассказывал истории о своих прежних подвигах, пытаясь рассмешить Тайс, заставить ее не думать о трудной дороге и не обращать внимания на то, что, что их окружало. Правда, его усилия казались затраченными впустую.

Орин внимательно следил за дорогой, пытаясь как следует разглядеть тени и смутные фигуры, но крайней мере, в те моменты, когда дымка немного расступался и сквозь нее проглядывали косые лучи солнца. Разбитая дорога превращалась в мокрую, заросшую мхом тропу, которая пошла вниз и повела путников мимо тихих ручьев, а затем по сухому участку, окаймленному деревьями, мимо луж со стоячей водой — над ними в теплом воздухе вились комары и москиты.

— Долго еще? — все чаще спрашивал Орин у Боларда; барону уже начало казаться, что пути их не будет конца.

— Сначала мы должны достичь болот.

— А мы сможем пересечь их за один день?

— Если поднажмем. Трясины эти очень опасны. Возможно, лучше было бы обойти их…

— И сколько времени это займет?

— Два-три дня.

Орин решительно покачал головой. — Я хочу увидеть Усхора мертвым как можно скорее.

— Но мы должны очень осторожно передвигаться по этим болотам. Там живут твари…

— Какие еще твари? — раздражительно спросил Орин.

— Усхор знает о нашем приближении, и его слуги ждут нас.

— Со мной мое войско, — напомнил Орин, — и каждый мой солдат стоит двоих из тех, кто отказался участвовать в походе.

В ту ночь они разбили лагерь на небольшом, более или менее сухом возвышении, в самой глуши дремучего леса. Вокруг пахло болотами; воздух стал гораздо тяжелее, и все по-прежнему покрывала туманная дымка, насыщенная тенями и сыростью.

Сквозь переплетение толстых сучьев и листвы не было видно звезд; и хотя воины тут же принялись разжигать костры — чтобы согреться, приготовить пищу, наконец, осветить погрузившийся в сумерки лагерь — над ними то и дело проносились порывы ветра, словно с целью загасить огонь. Люди почти не разговаривали и испытывали все нарастающее раздражение.

Конан жарил на костре дичь; возле него уселся Орин. Он тоже стал более вспыльчивым, сердитым и раздражительным.

— Будь проклят Усхор! — то и дело восклицал он, кипя от злости. — Я наколю его голову на копье, принесу в Сафад и выставлю на западной стене!

— Не поддавайся. Похоже, на тебя действует магия этих мест!

— И что это значит? — резко спросил Орин. Конан холодно улыбнулся.

— Только одно — я когда-то говорил это Ил-лесу, и считаю, что в этом есть смысл. Один мудрец как-то сказал мне, что сила мага в том, что он создает иллюзию страха, и если он сумеет заставить своих врагов открыть свои души, полдела сделано.

— Ты считаешь, это и случилось вчера с Эмросом?

— Вполне возможно. Но не только — это случилось со всем нашим войском, Орин. Посмотри на них — угнетенные, уставшие, раздражительные. В этом виноваты и здешние места, и непрерывное ожидание, что что-то может произойти. В любой момент может налететь буря, выйти воинство демонов, или сам Усхор появится вдруг перед нами. И эти мысли в голове — они как черви в трупе; они разлагают ум и копошатся в душах, словом, не приводят ни к чему хорошему. В этом и состоит преимущество Усхора.

— Да. — Теперь, когда Орин осознал справедливость слов Конана, он почувствовал, как его собственное раздражение постепенно уходит. — Да, Конан, ты прав. Мой ум настолько забит мыслями о зле, что я сам становлюсь слабее и беззащитнее.

— Мы должны стараться не думать о поражении, о чем-то плохом, — проговорил Конан. — Мы сильны, у нас есть мечи, доспехи и воля к победе!

Услышав это, Орин почувствовал настоящую радость. Он встал и похлопал Конана по плечу.

— Наверное, мне стоит обойти лагерь и поговорить с людьми, взбодрить их и поднять настроение.

— Да, пожалуй.

Орин ушел, с трудом пробираясь через заросли мха к соседнему костру.

Конан принялся за мясо, запивая его хорошим вином. Он знал, что будет спокойно спать этой ночью, даже несмотря на этот странный лес вокруг. В памяти всплыла вчерашняя ночь, он вспомнил о жрецах Энкату, и о Кольце, которое по-прежнему хранилось у него на поясе.

Он встал и осторожно огляделся, подтянулся и отошел в тень. После жаркого огня приятно было ощутить дыхание свежего, прохладного воздуха, правда вокруг тут же загудели тучи москитов и комаров. Здесь, вдали от света костров, Конан мог спокойно вытащить Кольцо и разглядеть его в полутьме. Кольцо сверкало и загадочно переливалось — будто по собственной воле.

Вдруг сзади послышались чьи-то шаги; думая, что это Орин, Конан быстро сунул кольцо на место и с улыбкой повернулся, чтобы спросить, удалось ли тому поднять боевой дух войска…

Звуки шагов стихли. Перед киммерийцем стоил Дестан Болард — чернолицый, в черных доспехах, и пламя костра отбрасывало на его маску жуткие, зловещие блики.

* * *

В голове у Конана бешено пронеслась мысль — видел ли Болард Кольцо? Может быть, он заметил его блеск, волнами отражающийся на темных стволах? Целую вечность вглядывался он в маску, в чернеющие щели для глаз, за которыми совсем не ощущалось присутствия живого, разумного существа. Киммериец стиснул зубы.

Если Болард сделает хоть одно движение в его сторону, если хотя бы раз упомянет о Кольце, усмехнется или примется угрожать, — он тут же обнажит меч, и коринфиец навеки

останется в этом лесу вместе со своими загадками!

Боларда же сам долго смотрел на Конана — словно пытаясь прочесть его мысли и тщательно обдумывая, что делать и говорить. Затем он прервал это безмолвное столкновение, кивнув в сторону леса:

— Те огни на юге стали ярче. Конан не повернул головы.

— Что тебе нужно, Боларда? Коринфиец не пошевелился.

— Орин говорит с солдатами, — произнес он тихо, — убеждает их в благополучном исходе битвы.

— И что же? — Конан напряженно придерживал рукой меч, и знал — Боларда чувствует, что он готов к нападению.

— Глупо думать, что с Усхором могут справиться даже тысяча человек, — пожал плечами Дестан. — Против нас, вооруженных лишь стальными мечами, могут выступить безумие и тяга к самоубийству.

Конан смотрел на Боларда; синие глаза его сверкали.

— Нам нужно Кольцо, северянин — иначе нас ждет гибель!

— Я уже устал от твоих вопросов и намеков, Дестан.

— А я устал играть в кошки-мышки. Мне нужно Кольцо.

— Усхору оно тоже нужно.

— Ты знаешь, где оно. Вендиец сказал тебе об этом перед смертью.

— Он ничего не сказал.

— Ты лжешь. — Голос Боларда все больше становился похожим на рычание загнанного в угол зверя.

Но Конан был неумолим.

— Еще один шаг — и ты никогда не увидишь крепость Усхора, обещаю.

Из-под маски доносилось хриплое дыхание.

— Это ты отправляешь всех этих людей на смерть! — прошептал Боларда. — Они верят тебе, а ты их палач. Эти люди умрут в страшных мучениях, и проклятие будет лежать на них, а все из-за тебя, демон-северянин!

— Ну, хватит, Боларда! — взорвался Конан. — Довольно!

Но его противник был неумолим:

— …да, из-за тебя, если не скажешь, где спрятано Кольцо…

— Ни слова больше, Боларда, или я отрежу тебе язык!

Коринфиец глухо засмеялся.

— Ты не сделаешь этого, — произнес он хриплым шепотом. — Я тебе нужен. Я нужен Орину. Твой меч не причинит мне вреда, киммериец — ведь на мне чары Усхора. Ты знаешь, где Кольцо, и скажешь об этом, прежде чем мы достигнем крепости!

Сузив глаза, Конан покачал головой.

Боларда, убедившись, что сейчас он ничего не добьется, собрался было уйти. Он развернулся, затем остановился и бросил последний взгляд на Конана, после чего произнес:

— Я расскажу тебе о своих подозрениях, северянин. И по твоим глазам пойму, правда ли то, что я скажу. Я убежден, что жрец сказал тебе, где Кольцо, и что ты нашел его еще до отъезда из Сафада.

Конан смотрел на него, не шевелясь.

— И Кольцо сейчас у кого-то в лагере. У Усхора его нет, это точно. Сундар явился в Сафад; он знал, где оно было спрятано и к тому времени, как вы встретились, Кольцо было у

него. И он мог спрятать его перед смертью, или же…

— А может, что Кольцо у одного из жрецов Энкату?

— Нет, — с уверенностью ответил тот. — Они подбираются к нам, точно также, как мы к Усхору. Они ничего смогут сделать с колдуном без Кольца — точно так же, как и мы. Нет. Сундар сказал тебе, где Кольцо или ты каким-то образом нашел его сам. Неважно. Орин не настолько глуп, чтобы идти против демонов с голыми руками! Он видел, на что способен Усхор, и повел бы своих солдат на бой, только если бы знал, что сможет защитить их. Значит, Кольцо здесь.

Конан стиснул рукоять меча так, что заныли пальцы. Больше всего сейчас ему хотелось бы прикончить коринфийца, он мечтал об этом… и все же что-то удерживало его. Были ли то чары, наложенные на Дестана чернокнижником, или собственные инстинкты подсказывали северянину не торопиться, он не знал. Но он не мог убить Боларда…

— Ты безумец, парень. Даже если ты прав, какая нам польза от этого Кольца, если мы не знаем, как управлять его силой? Мы не маги.

— Я тоже.

— Тогда зачем тебе Кольцо?

— Ты знаешь ответ, — надменно произнес Болард. — Заклинание, которое защищает само Кольцо от колдовских чар, защитит и того, кто его носит. Только служители Энкату знают, каким образом оно способно сделать это. Как только я получу Кольцо, я смогу войти в крепость, не боясь, что Усхор обнаружит меня с помощью магии или наложит свои колдовские чары. А затем я справлюсь с ним без всякого волшебства.

— Может быть, и так — но почему ты говоришь только о себе, Болард? Здесь ведь есть и другие, пострадавшие от его колдовства и жаждущие мести.

— Нет! — выкрикнул, точно пролаял Болард. Затем более спокойно произнес: — Даже Орин, который потерял целый город, пострадал меньше меня — ведь я утратил не только человеческий облик, но, возможно, и душу. Только я достоин убить Усхора, а для этого мне нужна сила Кольца.

— Твое место в преисподней, Болард, — жестко проговорил Конан. — Ты здесь вовсе не для того, чтобы помочь Орину и всем нам; ты просто используешь нас всеми доступными способами, чтобы отомстить Усхору. А теперь убирайся — или я отправлю тебя во Тьму быстрее, чем это сделал бы Усхор!

Болард невесело усмехнулся и, вместо того чтобы уйти, двинулся на Конана, потирая ладони.

— Я не использую Орина и остальных, киммериец, просто потому что вы мне не нужны; все, чего я хочу — это Кольцо. — Его голос вдруг стал резким и задрожал от ненависти. — Да знаешь ли ты, почему я так хочу отомстить?

— Убирайся прочь! Я не желаю больше спорить с тобой! — гневно отрезал Конан.

— Нет, — ответил Болард, понизив голос до шепота. — Что же, пеняй на себя.

Конан затаил дыхание. Болард поднял руки, сунул пальцы под обод шлема и отстегнул его.

Сердце Конана застыло. Два щелчка будто громом прозвучали в тихом, напоенном влагой вечернем воздухе.

Неужели он собирается показать ему свое лицо? Конан сдвинул брови. Может, это очередной трюк? И правда ли то, что каждый, кто посмотрит на его лицо, сойдет с ума?..

Болард повернул маску и снял ее со странным хлюпающим звуком. Конан смотрел на

Боларда искоса, повернув голову — стараясь не упускать того из виду и в то же время не всматриваться слишком пристально в то, что открывалось ему.

— Ты видишь? — спросил его коринфиец.

Его голос звучал странно искаженно — словно человек с трудом шевелил разбитыми, распухшими губами. Болард стоял спиной к свету костров, поэтому Конан нечетко видел его обезображенное лицо. Внезапно подул ветерок, и огонь заплясал, а вместе с ним неистово заплясали и тени на лице Боларда.

Его глаза выглядели вполне нормальными, но это, пожалуй, было единственным сходством с человеческим лицом, и то — белки, глубоко сидевшие в темных провалах, были почти прозрачны; и один глаз, казалось, расположен ниже другого… Голову обрамляли неряшливые спутанные волосы; отдельные пряди, обдуваемые ветром, переливались красными бликами.

Но лицо… лицо было таким жутким, безобразным, что вызвало у Конана невыносимое отвращение — словно именно это лицо явилось отражением всего того ужаса и страха, что таились в самых глубинах его сердца.

Как будто черное лицо Боларда, искаженное, испещренное язвами, переплетениями вен и прожилок, ошметками полуразложившихся мышц, разъеденной кожи и совершенно нечеловеческими припухлостями и бородавками, было зеркалом, в котором Конан увидел все свои мучительные страхи детства, ужас и отвращение, вызываемые разными тварями, с которыми ему приходилось сражаться на чужой стороне, ледяная хватка чужого мира, которую Конан ощущал иногда во время своих путешествий — когда глубокими ночами он скакал один среди гор, в пустыне или в дремучем лесу.

Конан представил себе кусок мягкой смолы, принявший причудливые формы под пальцами сумасшедшего ремесленника и окрашенный по ноле некоего волшебника — пугающими, бездушными узорами вселенского ужаса… поэтому каждый, кто представлял себе этот образ, видел неприкрытые страхи собственной души. Неожиданно в голову Конану пришла та фраза, которую он нередко повторял: сила мага в способности создавать иллюзию страха. И он вдруг понял, что Усхор — кем бы и чем бы он ни был — превратил Боларда в оживший сосуд, полный демонических иллюзий, и подивился, какие же жуткие кошмары, должны быть, мучили несчастного коринфийца.

Какие ужасные видения, видимо, приходили к нему, при том, что он сам является ходящим, дышащим, переродившимся орудием этой безумной магии!..

Конан отвел взгляд, не в силах смотреть на Боларда даже искоса.

— Довольно, — хрипло произнес он. — Не пытайся меня разжалобить!

— Да нет, — произнес в ответ тот своим свистящим голосом, — мне; нужна вовсе не жалость, северянин. Скорее, понимание новых высот, которых могут достичь ужас, ненависть и жажда мести. Увидел ли ты себя в моем лице? Говорят, оно сводит людей с ума…

— Не меня. Для этого нужно что-то покрепче! — Киммериец зло хохотнул. — Я не девка в таверне, чтобы хлопаться без чувств от страха. Я — воин, Болард, и советую тебе запомнить это…

Вместо ответа, коринфиец неспешно принялся водружать шлем на место и, закончив наконец, угрожающе произнес:

— Я все время слежу за тобой, северянин. Ты знаешь, где Кольцо. Оно у Орина? У юного Иллеса? У тебя? А может, вы носите его по очереди, чтобы отвлечь мое внимание и отвести

подозрения?

— Похоже на то, Болард, что твоя физиономия свела с ума тебя самого. Пореже смотрись в зеркало — мой тебе совет!.

Коринфиец мрачно усмехнулся.

— Благодарю, и я им непременно воспользуюсь. А пока… Почему-то мне кажется, что сейчас Кольцо у этого бородатого недоумка, Варгана. Посмотрим…

Конан небрежно пожал плечами. Он не был бы тем, кем он стал, если бы позволял страхам и угрозам надолго выбивать его из колеи. Более того, теперь, когда Дестан открыл ему свою сокровенную тайну, киммериец почти перестал тревожиться на его счет. Ведь трепет внушает лишь неведомое…

— Я буду следить за тобой, — еще раз напомнил Болард и пошел прочь — осторожно, бесшумно, словно рассчитывал каждый шаг.

Варвар проводил его взглядом. Не совсем враг, конечно, но опасен… очень опасен. Пылающий местью одиночка с искалеченной душой — такой не бережет ни собственную жизнь, ни тем более тех, кто рядом. Надо рассказать обо всем барону — пусть тот примет решение. Разумнее всего изгнать Боларда и продолжить поход без него. Иначе коринфиец в своем кровожадном безумии способен всех их загнать в ловушку!

Приняв решение, Конан отправился на поиски Орина, но едва лишь нашел того и не успел даже поприветствовать, как к барону подбежал оиди из его воинов.

— Мой господин, не могли ли вы пойти с нами? — чуть слышно произнес он; голос его был натянут, как тетива лука.

— Почему ты говоришь шепотом? — насторожился Орин, жестом подзывая Конана поближе.

— Не хочу будить людей…

— Что у вас случилось?

Тот на миг задумался, подбирая слова, затем просто сказал:

— Четыре человека умерли, мой господин.

— Что?! — Орин, а следом и Конан, схватились за оружие, готовые броситься на неведомого врага.

— Мой господин, они умерли очень тихо. Я поначалу ничего не заметил — пока не задал Морсу какой-то вопрос. Он не ответил, и я подумал, что он уже спит, но потом, когда я потряс его и он упал на бок… Я увидел, в его глазах застыл такой страх, что я… — Солдат замолчал, задрожал, затем рукой смахнул со лба капли пота, и закончил: — Я… я подумал, наверное, лучше предупредить тебя.

— Остальные тоже сидели возле вашего костра?

— Да, господин.

— Веди меня.

Стараясь идти как можно тише, воин повел Орина и Конана извилистым путем через весь лагерь, осторожно перешагивая через спящих и проходя мимо погасших костров.

— Четверо, — тихо произнес солдат, вышедший им навстречу. — Четыре человека, барон.

— И все умерли во сне?

— Да, мой господин. Они умерли совершенно тихо.

Орин присел рядом с одним из солдат и попытался нащупать пульс — безрезультатно. Затем склонился к его лицу — на нем застыло такое выражение чудовищного, невыразимого

ужаса, что у барона холодок пробежал по спине. Орин поднялся.

— Попробуем разбудить еще несколько человек, — сказал он. — Если все они окажутся мертвы… — Мысль о сотнях людей, которые уже никогда не проснутся, показался Ориину настолько жуткой, что голос его задрожал.

В этот момент один из солдат вдруг проснулся, уселся и прохрипел:

— Что тут, к Нергалу, происходит? Дадут нам наконец поспать, или… О, барон… простите!

— Ничего, парень. Ты в порядке?

— Вполне, и готов голыми руками разорвать пару-тройку колдунов! — решительно произнес тот: попытки Орина подбодрить своих людей не прошли впустую.

Тут начали просыпаться и остальные, ворча и призывая Митру угомонить товарищей и дать им отдохнуть. Орин немного успокоился, похлопал Конана по плечу и направился обратно к своему костру. Тот солдат, который сообщил о случившемся, пошел следом за ними и по пути признался барону:

— Я боюсь за остальных, мой господин.

— Думаю, тебе нечего опасаться, парень. Если это колдовство Усхора, то дело, скорее всего, уже сделано. — Орин вгляделся в лицо солдата и увидел, что тот очень молод — слишком молод для таких походов и событий. Но парень понравился Орину. — Как тебя зовут?

— Сэринф.

— Возвращайся к костру, Сэринф. Думаю, сегодня ночью никаких бед больше не приключится.

Орин постарался, чтобы в голосе его прозвучала убежденность, которой, правда, в душе он не ощущал… да и сам Сэринф не был уверен в том, что его самого — тихо и быстро — не застанет во сне смерть. Воин мрачно кивнул своему господину, а затем повернул назад.

Пробираясь обратно к костру, Орин тяжело вздыхал.

— Вот так он с нами и расправиться мало-помалу, — произнес он горько, — одни сходят с ума, другие умирают во сне — один за другим… Сколько это еще будет продолжаться? И когда мы достигнем крепости, останется ли с нами хотя бы десять человек?

— Если маг сумеет заставить врагов открыть ему свои души, — шепотом повторил Конан, — то полдела сделано.

— А во сне, — произнес Орин задумчиво, — души людей свободнее птиц, и способны испытывать как наслаждение, так и ужас — верно?

— Да, полагаю, что так.

— Ладно, пора спать. Приятных сновидений тебе, киммериец.

— И тебе тоже.

Они, и вправду, желали друг другу приятных снов…

* * *

…Вокруг было темно — темно и сыро, как в шахте. Конан стоял один, и тьма казалась чем-то материальным, осязаемым — когда он вытянул руку, то почувствовал, будто опускает пальцы в мягкую смолу — это было прикосновение темноты. И варвар, стоя на чем-то твердом, знал — хотя и не видел — что его подошвы упираются в эту же черноту. В руке он

держал меч, и, сделав им несколько взмахов, он понял, что у него предостаточно места для маневрирования; однако Конан по-прежнему ничего не видел.

Он осторожно двинулся вперед, выставив перед собой меч, и вдруг вся кожа покрылась холодным потом. Он почувствовал все возрастающий страх — когда понял, что, сколько бы он ни прошел, вокруг не станет светлее, и он никогда не увидит солнца.

Сердце его забилось сильнее. Не прикасаясь к нему, темнота словно бы начала душить Конана. Он направился вперед, но тьма была везде, и тогда он повернулся, уверенный, что под его ногами твердь, и пошел в противоположную сторону. Но действительно ли в противоположную? Он не знал. Тьма была кромешной. Конан не видел ни собственной руки, ни мерцания бляшек кольчуги, ни блеска стали своего меча. Его вдруг охватила паника, и удушающая близость тьмы стала еще более отчетливой. Липкий ужас опустился на него и начал давить — как будто имел вес.

Конан шел с трудом. Теперь он почувствовал, как его начал обдувать ветер — взболтал темноту и начал превращаться в настоящую бурю. Ветер гнал варвара обратно, но ноги пока еще чувствовали твердь темноты. Внезапно Конан упал — и тьма принялся швырять его во все стороны; но северянин не мог произнести ни слова, он ничего не видел и ничего не ощущал…

Он вдруг почувствовал, как ветер срывает с его ног сапоги и рвет их в клочья. Доспехи также разлетаются на кусочки, ржавеют и превращаются в ничто — изъеденные бляшки отваливаются и уносятся прочь, испаряются, и вот он стоит один — обнаженный, ощущая мощные порывы ветра, который усиливается с каждым мгновением…

И даже меч его исчез — превратился в хрупкую палочку, в соломинку и рассыпался в пыль. Его пальцы обволокла липкая, холодная смола тьмы.

Страх охватил Конана — ледяной, беспросветный — и он почувствовал, что в мире нет больше ничего, кроме мрака — бесконечного мрака, который был не только вне его, но теперь и внутри. В голове стало темно, глаза, казалось, заволокло чернотой. Не на что было смотреть, и некуда идти…

Конан упал на колени. Его волосы, вздымаемые ветром, тоже стали вдруг клейкими и начали слетать с головы и растворяться в воздухе. Конан пытался закричать, но не смог; десны и зубы стали мягкими, как смола; руки, ноги и грудь растворялись в черной, вязкой жиже, и он уже не мог ни двигаться, ни сражаться — в мире существовал лишь одна темнота, разлагающая все, что попадалось на ее пути. Конан чувствовал, как лицо его начало таять, превращаясь в липкую смолу; он хотел кричать, но не мог, потому что у него больше не было ни голоса, ни мыслей. Он стал струящимся потоком тьмы…

— Конан!

…струящимся, всеразрушающим, и он не мог…

— Конан!

Свет! Ветер принес свет. Свет падал на него, а ветер стихал, умирал…

— Конан! — Что-то схватило его — что-то теплое и жесткое, не смола. Конан дернулся, рванулся наружу — он существовал, он был…

Что-то окружило его, и свет стал желтым. Он вдруг понял, что лежит на чем-то холодном и влажном и перед глазами пляшут красновато-желтые огни. Костер, понял он. Начали возвращаться мысли, слова. Затем пробудилась память. В человеке, склонившемся над ним, он узнал барона Орина.

— Ну, киммериец, ох, и напугал же ты меня!

— Кром! — Конан проснулся окончательно — руки упираются в траву, доспехи на месте, а меч в ножнах лежит тут же, рядом. — Что это было?!

— Похоже, то же самое, что и с теми четырьмя беднягами… — В голосе барона сквозила бесконечная усталость. — Подумать только, если бы я не подоспел вовремя…

— Но как ты узнал, что со мной неладно? Мы же вроде распрощались до утра?

— Я почти заснул, — поведал ему Орин; голос его был полон ужаса. — Меня разбудил Болард…

— Болард? — и тут только северянин услышал стоны коринфийца, доносящиеся из палатки.

— Он умирает во сне, — торопливо отозвался барон. — Я хотел взять Кольцо, чтобы спасти его, но обнаружил, что ты…

— Кольцо? — Конан встал на колени, и прицепил к поясному ремню ножны; Орин поднялся на ноги и направился к палатке. Варвар двинулся за ним.

— Мы не можем дать ему умереть. Я знаю, дружище, ты ему не доверяешь. Я тоже не слишком к нему расположен, но без него нам не справиться. Он должен выступить против Усхора вместе с нами…

— И ты думаешь, что…

— Может быть, Кольцо спасет его — это наш последний шанс. С тех пор, как он вступил в мое войско, кошмары мучают его каждую ночь, но сегодня — когда люди стали умирать во сне…

Конан развязал кошель и вынул сверкающий талисман.

— Но я не знаю, как его использовать…

— Думаю, это неважно. Может быть, хватит одной лишь силы Кольца. Надо сделать это быстрее, но Болард не должен ни о чем знать.

Они подбежали к палатке. Орин откинул полог и вошел внутрь, Конан — за ним.

Болард лежал на своей койке; шлем его сбился набок; напряженное тело била судорожная дрожь. Он хрипло стонал, и северянин мгновенно понял, что тот корчится в агонии.

— Кольцо, Конан! — Орин почти кричал. Киммериец положил Кольцо на ладонь и стал приближаться к Боларду. Тот вдруг заметался в очередном припадке, забился на своей койке, издавая хриплые предсмертные стоны.

— Дотронься до него Кольцом!

Конан осторожно, не спуская глаз с извивающегося тела, положил талисман на грудь корин-фийцу. По поверхности шлема и кольчуги Боларда пробежали волны света, испускаемые Кольцом.

Его тело перестало сотрясаться. Руки бессильно упали, а ноги выпрямились. Из-под маски послышался низкий стон, и сквозь щели Конан увидел, что его веки затрепетали, а затем глаза открылись.

Он тут же схватил Кольцо, отступил назад и, стоя возле Орина, спрятал Кольцо обратно в поясной мешочек.

Болард неуверенно, точно пьяный, приподнялся и оперся на локоть. Затем повернул голову и посмотрел на двух мужчин, стоящих рядом с его койкой.

— Что… — произнес он хриплым голосом.

— Тебя снова мучили дурные сны, — сказал Орин, — причем сильнее, чем раньше. Сегодня мочью несколько человек уже умерли от кошмаров, насылаемых Усхором.

— Вы… — Болард сел на койке, и, пошатываясь, пытался удержаться в таком положении. — Как же вы спасли меня? — спросил он. — Усхор увлек мою душу за пределы… — Он вдруг замолчал и сверкнул глазами; несмотря на маску, скрывавшую лицо, Конан и Орин увидели, что в его глазах мелькнул догадка. — Кольцо!

— Нет, Дестан…

Коринфиец поднялся на ноги и в гневе сжал кулаки — так сильно, что его мускулы вздулись под одеждой.

— Кольцо у вас. Дайте его сюда!

— Нет! — выкрикнул Конан, — Ты, глупец, мы спасли тебе жизнь! Ты уже надоел нам с этим кольцом!

— Я получу его! — взревел Болард, протягивая руку к мечу. Едва не упав, он вытащил оружие, не отрывая глаз от Орина и Конана. — У кого из вас Кольцо? Отдайте его, или вы умрете, клянусь вам!

Орин сердито выступил вперед.

— Убери меч, Болард!

Тот начал пятиться, угрожающе выставив клинок. Орин отступил, по-прежнему не желая обнажать оружие и начинать драку.

Но Конан с готовностью вытащил меч.

— Будь ты проклят, Болард! Если ты и в самом деле желаешь заполучить Кольцо, тебе придется убить меня!

В полумраке палатки, освещенной только маленькой масляной лампой, грозно сверкнула сталь, и Конан прыгнул вперед, замахиваясь мечом на Дестана.

Тот присел и спас себе жизнь, сделав довольно неуклюжий выпад. Орин закричал, но Конан, выведенный из себя требованиями Боларда, нападал на того снова и снова, не давая ни секунды передышки. Коринфиец яростно рычал, затем уперся в свою койку: отступать было некуда — Конан загнал его в угол, заставляя отражать каждый из его выпадов и не давая самому перейти в нападение.

— Довольно! — выкрикнул Орин, обнажая меч.

Болард сделал выпад. Конан отразил его, но не до конца, и их мечи сцепились, а затем начали медленно опускаться остриями вниз — в этот момент Орин с силой ударил между ними, отчего клинки воткнулись в землю.

— Хватит! — стальным голосом велел Орин. — Дестан — убери меч! Конан — выйди из палатки и охлади свой пыл!

На какой-то миг оба противника, не обращая внимания на приказ барона, еще были настроены продолжить бой. Затем, опомнившись, оба медленно отставили мечи, и каждый поклялся про себя, что днем завершит поединок.

Северянин попятился, затем развернулся и вышел из палатки; очутившись на воздухе, он сунул меч в ножны. Вокруг толпились люди, но киммериец молча стал протискиваться к костру, Не отвечая на замечания и вопросы.

Возле него оказался Иллес.

— Что случилось, Конан? — спросил он.

— Он хочет получить Кольцо… — начал тот, по вовремя осекся.

— Кольцо? — переспросил юноша. — Так оно у тебя?

Конан резко повернулся и взглянул на Иллеса; его раздражение еще не улеглось.

— Не говори никому, ты понял?

Ошеломленный резкостью его тона, молодой человек кивнул.

— Я понимаю…

— Никто не должен знать! Это останется между нами — знаем только мы с Орином… а теперь еще и Болард.

— Я понимаю, Конан.

— Тогда отправляйся спать. Скоро уже рассвет.

Иллес еще немного постоял, озадаченный этой внезапной вспышкой, затем повернулся и пошел прочь. Он увидел барона, выходящего из палатки, но ничего не сказал ему.

— Эй, вы все, расходитесь, — резко скомандовал тот. — Живо!

Воины молча повиновались и, сумрачно переглядываясь, полные самых дурных предчувствий, отправились к своим кострам. Лишь один остался и нерешительно приблизился к Орину.

— Что еще такое? — рявкнул тот.

— Мой господин, я… боюсь, но, кажется, еще около десяти человек умерли во сне.

Орин ничего не ответил. Он устало уронил голову, выдавив из себя вздох бессилия, и со злостью загасил костер перед шатром, топча и расшвыривая догорающие угли. Затем он с вызовом посмотрел в темноту — широко расставив ноги, уперев в бока сжатые кулаки. Молча — ибо слова не имели никакого смысла…

А где-то далеко в густом лесу и на болоте птицы завели свои утренние песни, встречая новый восход.

* * *

Когда наступил рассвет — бледный, серый из-за тумана, окутывающего лес, — оказалось, что семьдесят семь человек не примут участия в переходе через западные топи. Все погибшие застыли в своих одеялах; лица их были искажены гримасой сильного испуга, конечности были странно вывернуты, словно в агонии. Среди умерших был и Сэринф.

Хотя многие шепотом говорили о том, что хорошо бы вернуться и отказаться от этого похода, никто не сказал об этом Орину в лицо. Солдаты седлали лошадей. Барон ехал впереди своего медленно тающего отряда, справа от него держался Конан.

Дестан Болард не пожелал занять свое обычное место слева от Орина и ехал позади Иллеса, Тайс и Варгана. Его черная маска то и дело поворачивалась в сторону киммерийца, который ничем не показывал, что чувствует на себе его взгляд; Варган понял, что дело неладно, и, поскольку Боларду он доверял не больше, чем болотной гадюке, старался держаться к нему поближе и постоянно краем глаза наблюдал за ним.

Ближе к полудню местность вдруг резко изменилась; поросшая мхом, влажная земля вдруг начала проминаться под тяжестью копыт, и казалась ненадежной.

— Идите колонной, — приказал Орин. — По трое в ряд.

Всадники начали перестраиваться, понукая пошатывающихся лошадей, и вскоре войско превратилось в длинный, извивающийся караван, спускаясь в низины и пробираясь через трясины и предательский валежник, под которым колыхалась земля.

Не успело войско продвинуться на достаточное расстояние, как лошадь одного из солдат сошла с тропы и застряла в болоте. Она жалобно ржала и рвалась; человек десять спешились и, пройдя по ненадежной земле, пытались помочь товарищу.

Всадник, чувствуя, что дело плохо, ухватился за нависающий сук. Его лошадь испугалась, но погрузилась еще глубже; не прошло и нескольких минут, как ее ноздри скрылись под мшистой жижей.

Солдат держался за ветку. Его приятель полез на дерево, чтобы помочь ему, но поскользнулся на скользком мху и сам едва не утонул. Кто-то достал кинжал и начал обрубать ветки, чтобы можно было ухватиться за них. Но прежде, чем он добрался до своего друга, тот сделал отчаянный рывок, пытаясь закинуть йогу на более высокий сук и уцепиться за него…

И сук не выдержал.

Солдаты вскрикнули, увидев, что их товарищ упал в самую трясину. Несчастный замолчал сразу после падения — он погрузился в трясину до отворотов сапог, а через несколько мгновений на поверхности жижи не осталось ничего, кроме пузырей, которые лопались, источая зловоние.

После этого случая люди впали в еще большее отчаяние и уныние.

Орин осторожно вел свое войско, часто останавливался, чтобы проверить, насколько безопасны те или иные участки пути. Сначала он пытался пройти одной дорогой, и, если копыта его Юшади уходили под воду, приказывал остановиться; затем поворачивал в другую сторону — таким образом его отряд обходил все опасные места.

Их окружали деревья, но что это были за деревья — иссохшие, мертвые, поросшие мхом — мч, полный ядовитых запахов и загадочных звуков: то и дело слышалось карканье воронья, плеск прыгающих лягушек и водяных ящериц, треск и хруст, издаваемый каким-то крупным зверем, ломящимся через кустарник. Иногда сами воины вскрикивали от страха, замечая странную рябь, мелькание чьих-то глаз и зубов, щелкающих где-то рядом в темных топях.

Болота были погружены в вечные сумерки, воздух казался густым и темным, а свет — ненадежным, нереальным.

К полудню — а когда именно он наступил, ни Орин, ни Конан не могли сказать точно, потому что солнечный свет не проникал сквозь толщу мха и ползущих растений, которыми были увиты деревья — по крайней мере десять человек сошли с тропы и утонули в трясине, или погибли, укушенные гадюками и крупными ядовитыми пауками и змеями.

Ближе к вечеру Орин вдруг заметил впереди какие-то темные очертания, на поверхности заводи со стоячей водой.

— Что это? — спросил он Конана, когда они подошли ближе.

Варвар долго всматривался, пытаясь понять, что же там такое, затем понял.

— Трупы.

Это были тела воинов — наемников. Сотни трупов — распухших, изувеченных, серых — усеивали берег; Орин по некоторым деталям одежды узнал людей, которые ушли из отряда после битвы в Сафаде!

— Почему они оказались здесь? — спрашивал он вслух. — Это просто безумие какое-то. Что они могли…

Он резко замолк, услышав за спиной кашель Дестана Боларда. Затем взглянул на Конана и также прочел в его глазах недоумение; однако ни один из них не знал ответа на этот вопрос.

Глава шестая
Смерть

А люди продолжали погибать — одни сворачивали с тропы и вместе с лошадьми тонули в трясине, другие спешивались там, где не надо, думая, что пешком им будет легче пройти, и погибали от укусов змей и болотных пауков, третьи умирали от внезапных приступов лихорадки — человека бил сильный озноб, он чувствовал головокружение, а через какое-то время замертво падал с седла.

И всюду на болотах виднелись обезображенные, полусгнившие, вздувшиеся трупы наемников.

Неужели они оказались настолько глупы, что пытались добраться домой через эти болотистые места? А может, Усхор как-то повлиял на их разум и заставил прийти сюда, на верную погибель — за то, что они помогали Орину? Или они надеялись уничтожить Усхора сами, очевидно, решив, что крепость мага набита сокровищами?

Эти вопросы вертелись в голове у Орина, когда он смотрел на мертвецов, лежавших повсюду на болотистых берегах и на мелководье.

А его люди уже начали переоценивать ситуацию, и с каждой новой находкой и чьей-нибудь смертью все больше подумывали о бунте — хотя пока никто не высказывался об этом вслух. К тому же было слишком поздно; те, кому этот переход через трясины и топи — а их окаймляли густые, мрачные леса, и только Митра знал, какие ужасы там таятся — казался бесконечным, сознавали, что даже если они повернут назад, легкого пути им не будет.

Они слишком далеко углубились в болота, и теперь словно какая-то завеса отрезал их от внешнего мира. Здесь они не могли ни повернуть назад, ни поднять бунт. Многие теперь испытывали не просто уныние и отчаяние, а настоящий ужас; они не выпускали из рук оружия, стискивая его до боли в пальцах, и лишь так чувствовали себя в относительной безопасности.

Иллес испытывал все большее беспокойство. Он держался впереди — ехал рядом с Варганом и Тайс; след в след ступая за Дестаном Болардом. И все чаще и чаще поглядывал на Варгана, как будто поведение этого сурового воина служило ему эталоном для оценки собственных эмоций и сомнений. Бородач и вида не подавал, что думает о каких-то опасностях — реальных или вымышленных.

Он держался в седле уверенно и гордо, одной рукой правя лошадью, другой придерживая рукоять меча. Однажды Варган заметил крупную змею, со злобным шипением свисавшую с дерева с явным намерением напасть — и лишь хмыкнул, пробормотал проклятие и велел твари убираться — иначе той придется отведать доброй стали! В другой раз, когда его лошадь нечаянно оступился и угодила в трясину, воин мягко заговорил с ней и похлопал по шее — напомнил о прошедших днях, когда они с честью выбирались и не из таких переделок, не то что какое-то там болото… и сумел-таки вывести ее на безопасную тропу.

Заметив, что Иллес наблюдает за ним, Варган наклонился к юноше и заговорщицким тоном — так, словно делился секретом, который могли разболтать боги, если бы подслушали, — принялся рассказывать веселые и не очень приличные истории из своей жизни, о пережитых опасностях, когда ему приходилось в тысячу раз хуже, чем сейчас…

Подобные разговоры закаляли сердце Иллеса. Он никогда прежде не принимал участия

в войне, никогда не сталкивался с колдовством и никогда не убивал. Ему нужно было взаймы немножко смелости Варгана — и уверенности в том, что Орин точно знает, что делает и куда их ведет. Бородач рад был помочь ему, насколько возможно. Он еще помнил, как и сам был таким же перепуганным юнцом — но видел, что Иллесу не занимать мужества, и если он сумеет пережить все это, то рано или поздно из него получится отличный воин!

Варган говорил ему:

— Все те люди умерли лишь потому, что не управляли своими мыслями. У тебя в голове все должно быть в порядке. А то — что обычно бывает, когда один человек должен сразиться с троими? Большинство пугаются: "Их трое, а я один!" А я обычно говорю себе — их всего лишь трое, значит, я могу с ними драться.

Иллес улыбался. Слушая хвастливее истории Варгана, ему всегда хотелось смеяться.

— То же и с трясиной, — продолжал бородач. — Те бедняги, которые погибли там — они увидели болото и тут же потеряли голову. Они относятся к тому сорту дураков, которые в мирное время жаждут войны. Эти люди думают, что им нравится сражаться. Поэтому они лезут в бой, а затем ударяются в панику и хотят выйти из игры. В драке обычно такие погибают первыми. Они не управляют собой, вот и все… И здесь, в этих болотах — можно, конечно, с самого начала перетрусить, впасть в отчаяние. А ты остановись и подумай — болота же не бесконечные, верно? Взгляни на карту — оставшуюся часть мира занимают вовсе не болота. Чтобы пересечь эти гиблые места, нужен всего день, ну, от силы полтора. А это не так уж плохо. Не паникуй, думай над тем, что делаешь, и с тобой ничего не случится. Точно так же, как если бы тебе пришлось драться с тремя ублюдками.

Иллес задумывался словами приятеля, которые пробуждали в его сердце надежду, — ведь Варган был прав. Но когда он смотрел на Тайс, то настроение снова портилось. Тайс изменилась; эта была уже не та девочка, которую прежде знал Иллес. Он редко разговаривала со своим возлюбленным с тех пор, как они оставили Сафад. Она носила кинжал, который подарил ей Болард, и это почему-то тревожило Иллеса. Почему Тайс приняла подарок от коринфийца? А может, между ними что-нибудь было?

Девушка внимательно следила за дорогой, но Иллес не спускал с нее глаз и замечал, что в мыслях она где-то совсем в других местах. Всякий раз, когда им на пути попадался труп, или от солдат поступало очередное сообщение о том, что кто-то оступился и утонул, Тайс начинала бить дрожь. Но она не смотрела на Иллеса, не поворачивалась к нему и не искала его взгляда в надежде услышать слова утешения; нет, она ровно сидела в седле и только плечи ее содрогались, как будто страх казался ей чем-то постыдным или неприличным, и его нельзя было показывать. Иной раз на лице Тайс появлялось выражение отрешенности, она явно уходила в себя. В такие мгновения Иллес приближалась к возлюбленной и спрашивал, все ли в порядке, улыбался, стараясь ободрить ее, но та лишь пожимала плечами и что-то бормотала, даже не глядя на юношу.

— Со мной все в порядке, Иллес, — сказал она ему однажды. — Во всяком случае, у меня все равно нет выбора, так ведь?

— Все будет хорошо, — заверил ее молодой человек. — Эти болота, они же не бесконечные!

— Да, но каков будет их конец?..

— Не теряй надежды, Тайс. Мы скоро отсюда выберемся!

— Я никогда не считала, что мы обязательно должны ехать вместе со всеми, — напомнила Тайс. — Но теперь, раз уж так все вышло, Иллес, я ни за что не остановлюсь. —

Она произнесла эти слова с горечью и гневом, словно это Иллес во всем виноват, а она согласилась па эти страдания лишь из любви к нему. Затем возмущенно продолжила: — Может быть, погибнут и другие, может быть, даже ты умрешь где-нибудь на этих болотах, но я останусь в живых. Я никогда не считала, что важнее всего — оказаться здесь, поэтому я не собираюсь умирать.

Иллес чувствовал себя задетым; он смотрел на девушку, и в глазах его читалась боль. Она была так непохожа на прежнюю Тайс… Иллесу казалось, что Тайс потом всегда раскаивается в своей грубости и резкости, однако она ни разу не извинилась и не взяла свои слова обратно. Подобными разговорами девушка, видимо, поддерживал собственные силы — она сильнее сжимала в руках поводья, смотрела на идущих впереди лошадей и старалась не обращать внимания на жуткие звуки, которые раздавались со всех сторон.

Иллес вздыхал и ехал почти вплотную к Тайс. Впереди двигались Конан и Орин, следом за ними — Дестан Болард. При виде этого загадочного человека Иллес всегда усмехался… отчасти затем, чтобы отогнать страх — ведь коринфиец яв-

лялся прямым напоминанием об Усхоре и таинственных опасностях, которые их поджидали. И еще Иллес думал о Кольце. Он знал, что Болард очень хочет заполучить его, и много времени размышлял над тем, не посмеет ли Дестан, и если да — то когда — выкрасть у Конана Кольцо. Теперь же он ломал голову над тем, почему, если Кольцо считалось столь могущественным, оно не защищало весь отряд от превратностей и опасностей этого похода? А может быть, только колдун мог управлять этим Кольцом? И был ли еще кто-нибудь на этих болотах, кто желал заполучить талисман?

Он внимательно наблюдал за Болардом и за киммерийцем.

Где-то сзади раздался крик — видно, кто-то снова оступился и провалился в топь. Звуки разносились по лесу и дрожащим эхом отражались в тумане, но Иллес уверенно ехал вперед. Варган и Болард, Конан и Орин также упрямо продолжали путь и никогда не оборачивались. А что можно было поделать? Затем раздавался другой крик о помощи — может, это кричал человек, который пытался вытащить первого? И все же колонна двигался только вперед, и никто не оглядывался. Чем они могли помочь? Разве это не колдовские болота? Может, этим людям суждено было погибнуть здесь, умереть в тот миг, когда их крики достигали купола листвы…

Воины Орина смотрели на все со странной обреченностью — растущее, охватывающее всех ощущение неизбежности, которым, казалось, был пропитан даже воздух. Несмотря на то, что изначально целью похода была колдовская крепость, сейчас перед людьми стояла другая задача.

Они думали не об осаде цитадели, но лишь о том, как выбраться из этих болот живыми. Фактически они держались вместе лишь потому, что вместе начали путешествие в этом аду и вместе двигались вперед; и все-таки каждый был сам по себе. Каждый думал только о своей судьбе, о собственном решении участвовать в битве.

Орин чувствовал тревогу и смятение, которые царили в душах его воинов — впрочем, это замечал не только он.

— Боюсь, это заклятие, посланное Усхором, — сказал он как-то своим военачальникам. — Вы заметили, что теперь люди даже не пытаются помогать друг другу? Возможно, скоро они начнут убивать своих товарищей. Мы должны бороться с этим. Поезжайте назад вдоль колонны и поговорите с солдатами — скажите им, что подобное настроение — всего лишь плод колдовских чар, мерзкая иллюзия. Нам ни в коем случае

нельзя утратить боевой дух!..

Войско упрямо ползло вперед, но солдат не покидали мысли о неизбежном и мрачном конце. Только одна вещь могла вывести человека из апатии — это мысль о близкой смерти. Если кто-то вдруг обнаруживал, что барахтается в грязи, а его донельзя испуганную лошадь засасывает все сильнее и сильнее, он начинал кричать и убеждать богов, что они совершили ошибку, что умереть должен кто-то другой, но только не он, и эти крики и мольбы стихали, только когда человек полностью исчезал в пузырящейся жиже.

Но живым ничего не было известно о чувствах умирающих, и поэтому каждый в колонне про себя думал о том, что, вот, еще одна душа отправилась на Серые Равнины, и потому его собственные шансы остаться в живых несомненно увеличились…

* * *

Наконец путники ступили на твердую землю. Болотистые ядовитые топи остались позади, тропа поднималась вверх, и Конан с Орином вдруг обнаружили, что их лошади ступают по твердой, сухой земле. Они стояли на небольшом холмике; впереди снова темнели лес и болото, а островок со всех сторон окружала мутная стоячая вода. Какое-то время они двигались спокойно, не опасаясь каждый миг, что лошадь может оступиться и вместе со всадником полететь в болотную жижу — навстречу смерти.

— Посмотрите! — Болард указал вперед. — Вон там листва достаточно редкая, и сквозь нее можно увидеть скалу. Видите — вон там, внизу?

Орин и Конан кивнули. Иллес проехал немного вперед, чтобы тоже посмотреть на утес.

— Вон то черное возвышение на вершине, — продолжал Болард, — и есть крепость Усхора.

Иллес увидел цитадель — теперь она была видна совсем четко.

Орин повернулся к коринфийцу.

— Сколько до нее ехать? Мы не останавливались ни чтобы перекусить, ни на отдых, а уже близится вечер. Сможем ли мы перейти эту топь до сумерек?

Болард пожал плечами.

— Ничего не могу сказать.

— То есть как это — "не могу сказать"? — закричал Орин — сказалось постоянное напряжение, усталость и беспокойство. — Ты же знаешь эти земли! — Поймав молчаливый взгляд Конана, Орин резко замолчал, затем проворчал что-то недовольно и повел свое войско ёперед.

Болард держался сзади. Конан воспользовался передышкой и как бы невзначай обернулся, бросив взгляд на коринфийца. Дестан смотрел на него в упор, и Конан понял, что он только и ждет удобного момента, чтобы забрать Кольцо… И вдруг за его спиной раздался чей-то крик.

Ни Конан, ни Орин не обращали внимания на подобные крики. Еще одна смерть — еще одна капля в чашу этого всепоглощающего ада. Но затем раздался новый крик, и еще, и еще. Барон быстро повернулся. Люди кричали, не в силах сдержать невыносимый ужас!

— Они возвращаются!

Орин выругался, взглянул на Конана, развернул лошадь. Колонна солдат шла вниз по склону холма и, извиваясь, скрывалась в туманной дали леса, а потому была видна лишь

частично. Барон видел, как солдаты привставали в седлах и смотрели назад. И снова с конца колонны донеслись полные ужаса крики.

— Они возвращаются! Холодный пот прошиб Орина.

— О боги! — воскликнул он и погнал лошадь вниз по склону холма, вдоль колонны, то и дело сворачивая с тропы, словно забыв об опасной топи. С дальнего конца колонны раздавались все новые и новые крики.

Конан развернул свою лошадь и помчался следом за Орином.

Иллес повернулся к Варгану; лицо бородача вспыхнуло, глаза горели огнем. Он тихо, почти неслышно прошептал:

— Наемники.

Сердце юноши похолодело.

— Так они… живы?

— Да, и убивают наших солдат, — раздался низкий металлический голос Боларда.

Тайс всхлипнула.

Орин галопом несся сквозь кустарник и заросли, едва не слетел с лошади, пробираясь через переплетения корней, пускал лошадь по зловонным лужам. Приблизившись к концу колонны, он придержал поводья — дорогу преграждала толпа солдат. Конан, который скакал след в след за Орином, чтобы не врезаться в него, осадил свою лошадь так резко, что чуть не вылетел из седла.

— Что это? — выкрикнул он, обнажая меч. На этот вопрос было нетрудно ответить — прямо перед ними шел бой. Человек двести всадников сражались с каким-то темным войском, явно превосходящим по численности. Часть солдат Орина спешились или были выбиты из седел. Некоторые настолько испугались, что сходили с безопасных участков и проваливались в трясину; они бесцельно размахивали мечами, кричали, пытались выбраться, но от этого их засасывало еще глубже.

Но войско, с которым сражались солдаты… Орин почувствовал в гдрле холодный ком.

Они сражались с мертвыми наемниками, поднявшимися из болот — исковерканными, раздувшимися мертвецами, чьи клинки бьци черны от застывшей грязи, а лица изъедены гнилью. Они шли странной, неверной поступью и держали мечи негнущимися руками. Шаткой походкой они выступали из глубокой тени и клочковатого тумана — неумолимая, бездушная нежить, которая набрасывалась на воинов Орина со слепой и немой злобой. Лошади ржали от страха; люди спрыгивали на ненадежные участки, вздымали щиты и мечи, сражались с мертвой плотью и тут же гибли. Отдельным группам удавалось уничтожить безжалостных мертвецов, оттесняя их к трясине, где те проваливались в болотную жижу.

— К бою! — крикнул Орин трубачу.

И сам ринулся вперед. За ним последовали его воины — перепуганные, озадаченные, встревоженные, — они развернули лошадей и осторожно рассыпались по смертоносным топям.

Мертвецы шагали по грязи, методично размахивая мечами, точно косами, — и это несмотря на то, что от врагов их отделяло значительное расстояние. Вокруг не смолкали дикие крики и вой.

Конан проскакал немного вперед, чуть не увяз в болоте, повернул назад и тут же сразил одного мертвеца. Его лошадь вдруг споткнулся, и Конана вышвырнуло из седла — он упал на мягкую землю, но к счастью, не угодил в трясину. Лошадь понеслась прочь и вскоре скрылась в темной дымке. Воздев меч, Конан поднялся на ноги.

Прямо на него шел один из мертвецов, и Конан отразил удар, пораженный его невидящим взглядом и той слепой яростью, с которой тот кинулся на него. Конан легко ушел в сторону и избежал грубого выпада, взмахнул своим мечом и снес мертвецу голову. Наемник рухнул в тину и больше не шевелился.

Но остальным воинам, казалось, везло меньше; их удары не могли повредить ожившим мертвецам. На глазах у Конана один из солдат точно так же отрубил мертвецу голову — голова отлетела в сторону и шлепнулась в лужу, но труп продолжал идти, орудуя клинком… Вскрикнув от страха, воин отпрыгнул в сторону, со всех сил толкнул покойника и сбил его с ног; тот свалился в трясину, и его начало засасывать, и все же он продолжал размахивать мечом столь неистово, что грязь превращалась в пену.

За спиной Конана раздались крики. Он повернулся и увидел, что на помощь пришли воины из головной части колонны — некоторые ехали на лошадях, другие пробирались пешком. Однако и орда покойников не стояла на месте.

Орин с яростью набросился на мертвецов, все еще восседая на лошади, которая так перепугалась, что была почти неуправляема. Его окружила целая толпа. Орин отрубал руки, ноги, головы, протыкал тела. Лишенные конечностей и голов, трупы падали на землю и корчились, извиваясь, точно черви, и по-прежнему пытаясь убивать. Лошадь Орина была вся в крови — она получила не меньше дюжины ран.

В конце концов барон отпустил бедное животное, спрыгнув на землю, и тут же лицом к лицу столкнулся с тремя мертвецами. Он сделал шаг в сторону, обезглавил одного, второго пронзил мечом в спину. Третий же сделал выпад и едва не рассек Орину горло, но тот увернулся, проткнул грудь мертвеца, вытащил меч и снова рубанул им. Однако покойника это не остановило.

Орин отпрыгнул, ухватил меч обеими руками, а затем, мощно размахнувшись, отрубил мертвяку руку у самого основания. Рука отлетела на землю и забарахталась, все еще жаждая крови, а покойник продолжал идти на Орина, пытаясь ухватить его уцелевшей рукой. Орин отрубил и эту конечность, затем ноги, и наконец мертвец рухнул в грязь и вскоре утонул в трясине.

Войско Орина несло большие потери. Со всех сторон из тумана слышался лязг мечей, всплеск тел, падающих в болотную жижу, крики раненых и умирающих людей. Орин увидел, как от рук мертвяков погибли двое его солдат, видел, как их товарищи отрубали ходячим трупам руки, ноги и головы — а те, лишенные конечностей, продолжали отбиваться — одним окровавленным телом извиваясь в грязи.

Какой-то воин дико закричал — обезрученный мертвец вцепился зубами ему в ногу. Парень яростно прошелся мечом по его шее, но челюсти все еще крепко держали его. Солдат выронил меч и, шатаясь, завертелся на месте, пытаясь оторвать голову мертвеца, в какой-то момент оступился и с криком начал погружаться в трясину.

Орин видел, как трое мертвецов напали на одного из его солдат. Того охватил дикая ярость; он с ревом кинулся на мертвяков и тут же искрошил двоих на куски. Третий поднял оружие, но тут за его спиной прошла темная тень, и меч выпал из его руки. Еще удар — и голова мертвяка полетела прямо в болотную жижу.

Труп зашатался, и Орин увидел Боларда, клинок и шлем которого были заляпаны отвратительной сизой кровью. Затем коринфиец повернулся и прикончил еще одного зомби, а Орин бросился на двух других.

Конан ни на миг не переставал махать мечом; его доспехи, кожа и волосы были

заляпаны кровью и болотной грязью. Он без устали вздымал и опускал клинок, одним взмахом убивая одного, а то двух мертвяков. Сейчас ему отнюдь не требовалось отменное владение мечом. Покойники словно вообще были лишены зрения; по всей вероятности, они ориентировались исключительно на слух.

Киммериец обнаружил также, что для них смертельным оказывается простое касание его меча — если же мертвяки дрались с другими воинами, они проявляли нечеловеческую жизнестойкость. Не отличаясь мастерством, они просто нападали, делали простые выпады, и рубили напропалую. Эта бездумная жестокость многих лишала присутствия духа — ведь люди привыкли сражаться с противником, который не только нападает, но и защищается.

Орин быстро понял, как следует сражаться с ожившими трупами — нужно просто увернуться, а затем пообрубать им руки. Если удавалось, он старался обезглавить их — это лишало мертвяков оставшихся органов чувств (если они вообще, конечно, у них были) — а затем сбивал с ног и сваливал в заросли или в топь. Другие воины тоже быстро осознали, как вести бой; и все же многих погубили клинки наемников или жадная пасть трясины. Краем глаза Орин увидел, как один молодой воин с криком барахтался в луже вместе с обезглавленным трупом, пытаясь влезть на него, как на бревно. Но у него ничего не вышло — мертвое тело начало погружаться, и парень провалился вместе с ним…

Орин вступил в драку с очередным мертвецом, и тут за его спиной раздались звуки ударов. Барон пытался уворачиваться, но мертвяк неуклюже наносил удары налево и направо, не давая маневрировать.

Затем послышался чей-то голос:

— Добей его, мой господин — а я возьму этого!

Это был Иллес. Орин взревел и бросился вперед, одним ударом выбивая из рук зомби меч, другим отрубая твари голову. Затем резко развернулся и бросился на помощь своему юному другу. Орин отрубил ходячему трупу руку, которой тот держал оружие, а Иллес добил его. Они кивнули друг другу, а затем бросились на новых врагов.

Бой подходил к концу. У Конана рука ныла от усталости — ведь он прикончил бесчисленное множество мертвецов; но вот наконец киммериец заметил, что большая часть вражеского войска пала: повсюду валялись куски полусгнивших тел и дергающиеся руки, в бурлящих лужах катались головы, клацающие зубами; в болотной жиже дергались изувеченные тела. Но поле боя усеивали и тела воинов — захлебнувшихся в воде и павшие от рук безмозглых ходячих трупов. Раненые лошади были почти втоптаны в грязь — они лежали, судорожно и часто дыша, раздувая побелевшие от пены ноздри. Пахло ужасно — отвратительный запах гниющей плоти, крови и грязного пота смешался со зловонием болотных газов и вонью луж с тухлой водой.

Орин стоял в одиночестве — уставший, залитый грязью с ног до головы. К нему подошел Конан, который тоже едва держался на ногах, и так друзья стояли рядом, тяжело дыша и расслабляя утомленные до боли мышцы, пользуясь кратковременным перерывом, чтобы немного отдышаться.

— Будем считать, нам повезло, если до крепости доберется хотя бы горстка людей, — с трудом проговорил барон. — Мы разбиты. Ни лошадей.

Ни людей. — Это был конец. Орина настолько потрясла эта мысль, что он не слышал даже криков и стонов раненых. — Кольцо все еще у тебя? — шепотом спросил он. Конан кивнул.

— Проклятое Кольцо, — пробурчал Орин, качая головой. — Кольцо, несущее безумие и

смерть. Мне кажется, что именно это — наше проклятие, а не Усхор. Сколько времени оно находилось в Сафаде и плело свою дьявольскую сеть? Кольцо принесло моих людей в жертву Энкату — завлекло нас в этот бесконечный кошмар, безумный ужас, чтобы наши страдания утолили аппетит злобного божества. А Энкату — умерил ли он свой голод, насытился ли смертью моих людей — или крики тысяч душ, показались ему лишь скромной закуской?! О Митра — что же еще нужно этому проклятому богу? Наверное, мне стоит привязать кольцо к стреле и пустить его прямо в руки Усхора. Пусть у него будет сила Кольца — в конце концов его гнилую душу также проглотит Энкату.

— Орин! — воскликнул Конан. — Не давай ход таким мыслям — может быть, это очередная уловка колдуна. Кольцо — наш последний шанс!

Орин покачал головой.

— Нет, это — наша погибель.

Конан вдруг обернулся и увидел, как мертвяк бросился на старого воина, который почти по пояс завяз в тине. Содрогаясь от отвращения, северянин кинулся на этот ходячий кусок мяса и отрубил ему половину руки, державшей меч — мертвец тут же хлопнулся в воду. Конан протянул солдату руку, чтобы помочь ему выбраться — и вдруг что-то показалось из воды. Тонкий влажный стебелек с луковицей глаза на верхушке…

Солдат почувствовал движение воды, повернул голову и побелел. Затем открыл рот, дико закричал и тут же начал биться и хвататься за тростник и корни, пытаясь вылезти из трясины. Конан прыгнул вперед — один из древесных корней, извиваясь словно змея, обхватил солдата вокруг груди и потащил вниз. По колено утопая в грязи, киммериец принялся кромсать тварь — щепки полетели во все стороны и брызнул сок. Неожиданно огромный корень, жирный, как питон, резко выпростался вперед, и Конан едва успел выскочить на берег и избежать удара. Растительная тварь обкрутила солдата так плотно, что тот не мог шевельнуть ни рукой ни ногой, а затем утащила под воду… какое-то время на поверхности булькали пузыри, а затем стало тихо.

В это мгновение уцелевшие трупы вдруг остановились, упали на землю, снова превратившись в мертвые, неподвижные тела; люди удивленно оглядывались — на землю опустился полная, сверхъестественная тишина. Стихли не только стоны раненых и умирающих — весь мир как будто застыл. Ни одно животное в лесу не издавало ни звука, замолкли птицы, прекратили жужжать москиты. И что самое ужасное — не шуршали даже травы и листья, и не падало ни одной росинки.

И вдруг бесшумно, медленно, но со все нарастающей силой болото начало приходить в странное пульсирующее движение. Все почувствовали мощное мерное биение — словно билось сердце какого-то бога. Воины Орина, сжимая в руках мечи, оглядывались по сторонам, испытывая неописуемый ужас, по сравнению с которым кошмары недавних дней казались сущим пустяком.

Что-то мощное пульсировало, возрождаясь… Что-то, что несло с собой изуродованные растения и безобразные существа, рожденные из болотной грязи и все порочное, грязное, что только может быть. Что-то огромное, всеведущее, всепоглощающее. Что-то, несущее в себе черные, злобные чувства и мысли. Оно пульсировало, расползалось, росло… И ненавидело.

Оно стало самой трясиной; оно стало каждым растением, каждым комком земли, каждой пушинкой и водорослью; оно проникло в каждое насекомое, в каждую ящерицу и каждого зверя. Оно стало каждой частичкой этого отвратительного пейзажа: проникло в жидкую грязь, лишайник, мох; в паразитов и блох; в пиявок, пауков и змей; в орлов, крыс и

ласок. Оно расползалось, оно ненавидело, оно становилось всем.

А затем оно перешло в наступление.

Ни одному безумцу-художнику не изобразить на холсте это сумасшествие; ни одному поэту не схватить и не выразить ритм этого яростного апокалипсиса; ни одному музыканту не напеть сумятицу, какофонию этой последней смертельной схватки. Жуткие травы и корни связали одного из воинов, а кипящая, жгущая болотная слизь волнами захлестнул его ноги; влажные ивовые ветви обхватили другого со всех сторон и швырнули в шипящий клубок болотных гадюк; мох плотным покрывалом набрасывался на людей и душил, а тяжелые древесные корни хлестали и молотили по ногам и телу; орды жаб и лягушек гнали людей прямо в ухмыляющиеся пасти крокодилов, другие были убиты кабанами и хорьками.

Нельзя сказать "кто-то закричал" — все кричали от дикого страха, во всю силу своих глоток и легких. Нельзя сказать "кто-то испугался" — все слепо бежали прочь от неизбежного, неотвратимого кошмара. Все живое двигалось, а все, что двигалось, уничтожалось.

Из тех, кто остался в живых, лишь несколько человек не впали в панику, а с яростным отчаянием пытались выжить. Сила Кольца Энкату защищала уроженца Киммерии от нападения самых отвратительных и свирепых тварей; а его Меч, который уложил несметное количество врагов, снова кружился сверкающим смерчем, убивающим все на своем пути. До ушей Конана долетали хлюпающие звуки сапог, скользящих по грязи; звуки ударов, с которыми мечи яростно пронзали влажную плоть жутких молчаливых врагов; жалобные причитания и хрипы задыхающихся людей; истерические крики насмерть перепуганных воинов.

Среди беспорядочных звуков ударов и борьбы Конан услышал звериный рык и повернулся к Орину. Его глаза горели безумным огнем. Все тело сотрясалось в жуткой, слишком неистовой для человека ярости. Уловив взгляд Конана, Орин замер с напускной храбростью перед шквалом ужаса. На его губах заиграл усмешка; он поднял меч в приветствии — сверкнула окровавленная сталь, дрожащая в его мощных руках; им владел страх за своих, людей и безмерная ненависть к порождению Мрака, пожиравшему души несчастных воинов. Теперь Орин сам был больше похож на демона — он наконец дал волю своей жажде крови и неистовому гневу. И в следующий миг правитель Сафада с криком бросился в самое пекло битвы.

С замиранием сердца северянин следил, как Орин, издав невнятный, безумный крик, с неимоверной жестокостью набросился на адское отродье. Мимо пронесся Болард — черные доспехи заляпаны кровью. Из жуткого переплетения ветвей выбрался огромный, как медведь, человек — Варган. Гигант, не пытаясь удрать и спасти свою жизнь, яростно рубил по стволу; затем раздался громкий треск — это бородач разрубил дерево-людоеда пополам, швырнул его точно копье, а затем вырвал все еще живой пень из земли, обрубив толстые, извивающиеся корни. Размахивая стволом как булавой, Варган одним махом смел десяток колючих ветвей, которые начали было опутывать его, пытаясь насмерть исколоть своими острыми шипами.

И все же Варгана можно было считать счастливчиком — он, по крайней мере, сражался против чего-то осязаемого, материального. Другим повезло меньше — тем, кому приходилось иметь дело с наползающими студенистыми массами грязи; кого окружила огромная туча кровососущих москитов; или того, кто катался по земле, тщетно пытаясь сбросить, с себя тысячи разбухших пиявок и паразитов. Некоторые из солдат даже отдаленно

уже не походили на людей, до такой степени их тела были покрыты копошащейся массой черных пауков и червей. Многие отказались от борьбы и пытались покончить с собой, прыгая прямо в трясину — но и там их ждала нелегкая смерть, ибо из луж лезли десятки извивающихся щупалец, которые находили своих жертв по наводке глаз, сидящих на колыхающихся мясистых стебельках. Где-то внизу, в трясине прятались отвратительные голодные существа…

Киммериец, неистово размахивая мечом, который он удерживал двумя руками, ринулся вслед за Орином, в самых хаос. И вдруг кто-то выкрикнул его имя. — Конан!

Он обернулся и увидел Тайс с Иллесом, стоящих на берегу лужи. Толстое щупальце, опутав ногу юноши, тащило его в трясину. Иллес воткнул меч в землю и отчаянно цеплялся за рукоять. Тайс пыталась удержать его, но неумолимые серые, покрытые присосками щупальца тянули несчастного вниз, вырывая клинок из слишком мягкой земли.

Конан бросился на выручку.

— Спаси его! — завопила Тайс.

Иллес ранил тварь; розовая жидкость сочилась из глубоких разрезов на извивающемся щупальце. Конан резким ударом расширил рану. Щупальце отделилось, обрубок скрылся в болотной жиже; во все стороны брызнула розовая сукровица, а остальные щупальца отпали сами собой. Варвар схватил Иллеса под мышки и вытащил на берег. Кусок щупальца, все еще обвивавший ногу юноши, судорожно задергался. Конан отшвырнул его в воду.

— Ты в порядке? — тяжело дыша, спросил он.

— Сильно жжет! — Лицо Иллеса исказилось от боли, когда он стягивал сапог. Вся голень была исполосована и залита ядом.

— Сделай же что-нибудь! — запричитала Тайс; по ее щекам бежали слезы. — Помоги ему!

Конан посмотрел на Тайс — что еще он может сделать? Он опустился на колени рядом с юношей, чтобы получше рассмотреть рану, и вдруг вскочил, услышав дикие вопли солдат.

— Орин! О боги — Орин!

Конан ринулся на крик, убивая каждую тварь, которая попадалась на пути. В какой-то момент он столкнулся с окровавленным солдатом, который слепо брел куда-то; северянин убил его одним ударом — и это убийство можно было считать добрым делом, ведь крысы изгрызли беднягу до костей. Конан споткнулся и чуть не упал на молодого воина — тот был еще жив, но все его тело покрывал толстый слой шершней — и ему варвар обеспечил быстрый и легкий конец.

Прошло всего несколько мгновений — а каза-лось, целая вечность — и Конан уже пробирался вперед в жидкой грязи, туда, где несколько солдат бешено молотили мечами по воде. Киммери-ец рванулся вперед. Все, что он сейчас слышала, ито хриплые крики:

— Орин! О боги, о боги! Орин!

— Где он? — услышал Конан собственный крик. — Где барон?

Он вдруг увидел ладонь, сжавшуюся в кулак и уходившую под воду.

Конан нырнул в темную воду, шаря в том месте, где только что скрылась рука. Всплыв на поверхность, он закричал:

— Орин!

Затем снова нырнул, и еще раз, и еще. Он ничего не видел; все лицо его было в грязи. Но он все равно нырнул еще раз, по-прежнему безрезультатно.

— Орин!

По воде прошла рябь; из воды высунулся кончик щупальца и отвратительно запульсировал. Бормоча проклятия, Конан бросился на него и принялся рубить мечом, поднимая тучи брызг. Затем из воды показался серый слизистый обрубок — он извивался, разбрызгивая розовую кровь, а потом исчез.

С неистовой яростью Конан колотил мечом по грязной воде. Чуть впереди из воды вдруг показался покрытый пеной глаз на стебельке; он замер и холодно посмотрел на киммерийца; вслед за ним на поверхность вылезла трубчатая конечность с отверстием на конце, полным острейших зубов. Северянин с яростным воплем рванулся вперед, чтобы уничтожить тварь…

— Конан! — проревел кто-то у него за спиной. Варвар остановился. Его сердце стучало так гулко и быстро, что он почти ничего не слышал.

— Конан! Назад! Во имя Митры — сейчас же! Варган!..

— Там Орин! — Северянин обернулся к нему. — Мы должны спасти его!

— Он погиб. Все кончено. Мощная длань Варгана потянула его назад.

— Мы ничем не сможем ему помочь. Он погиб, Конан. Его больше нет…

Киммериец тряхнул головой, медленно выбираясь на сушу.

— Он был моим другом, — словно про себя пробормотал он, с трудом преодолевая отчаяние. — А я ничего не сделал, чтобы спасти его!

Бородач стиснул его руку.

— Ты сделал все, что мог, клянусь Митрой! И он был моим другом тоже. Мы отомстим за него!

Северянин слышал звуки капающей воды — капли болотной воды срывались с волос, с лица, с кончика меча, и падали в трясину.

— Да, — произнес он жестким, изменившимся голосом. — Месть — это единственное, что достойно мужчины! Мы отыщем того, кто сделал это с Орином… со всеми нами… И, клянусь Кромом, мы отомстим!

Глава седьмая
Жизнь

Конан долго сидел на склоне холма, предаваясь невеселым мыслям и воспоминаниям; мускулы его болели от напряжения, окровавленный меч лежал рядом. Сгущались сумерки, и в лесу и на болоте становилось темно. За его спиной возле костров сидел горстка людей, уцелевших в последней битве — Варган, Болард, Иллес, Тайс и около тридцати солдат.

Долгий бой был окончен. Болотные монстры уползли в свои тайные логовища сразу после смерти Орина; собственно, его смерть и была целью их нападения. Теперь по всему болоту высились кучи изуродованных тел — они покрывали все топи, безголовые, безногие и безрукие, пропитанные кровью, они усеивали склоны всех холмов, многие застряли в ветвях и кустарнике — тела воинов Сафада и ненадолго оживших наемников лежали вперемежку с кусками болотных тварей. А раненые — их жуткие хриплые крики наполняли воздух — вызывали у других такую же дрожь, как предсмертный крик и шум битвы.

Варган подошел к Конану, остановился возле него и постоял немного.

— Пойдем, нам нужно поговорить — произнес он тихо.

Северянин тяжело вздохнул, взглянул на Варгана и поднялся на ноги. Они уселись у костра. Есть и пить было нечего — все пропало в бою.

— Наши люди вскипятили воду, — проговорил Варган, — и зарезали нескольких лошадей на мясо. Скоро будет еда.

Вскоре в лагере стало тихо. Повсюду распространился запах лошадиного мяса и изможденные солдаты жадно принялись за еду. Разговаривали мало. Пламя в небольших кострах дрожало — пламя словно задыхалось во влажном ночном воздухе. Раненые затихли — одни погрузились в судорожный сон, другие заснули сном вечным. Время от времени с болота доносился неожиданный всплеск или хлюпанье и все тут же поворачивали головы и хватались за рукояти мечей.

Конан повернулся к Варгану и негромко произнес:

— Нам нужно решить, что делать. Мы не можем оставаться здесь, а то скоро умрем с голоду и сойдем с ума. Ты представляешь хоть примерно, сколько человек осталось в живых?

Бородач с сомнением покачал головой.

— Ну, около тридцати.

— Не больше?

Варган снова покачал головой.

— Тридцать, — изумленно пробормотал Копан, — пару дней назад у нас было пять тысяч.

— Я уверен, что Усхор не оставит нас в покое. Его тень все время висит над нами, вызывая у нас бессмысленную ненависть и раздражение по отношению друг к другу.

— Мы должны решить, кто поведет нас, — сказал Конан. — Может быть, ты, Варган?

— Я бы предпочел, чтобы ты, — возразил тот. — И, уверен, Орин согласился бы со мной. Я говорил с остальными — они тоже так считают.

— Постой! — внезапно вскинулся Конан. — А где Болард? Его убили?

Он вскочил и стал осматривать сидящих вокруг костров, выискивая блеск черного шлема.

Словно услышав свое имя, у дальнего костра поднялся Дестан Болард и посмотрел на киммерийца. Дрожь негодования пробежал по его телу. Столько смелых людей погибли, а этот негодяй — жив.

Болард бесшумно двинулся к Конану; воины молча провожали его взглядами.

Конан напряженно ждал. Варган поднялся на ноги; Иллес, не вставая, завертел головой. Тайс вдруг затихла и тоже уставилась на коринфий-ца. И даже раненые подняли лица — изможденные, серые, исполосованные шрамами — чтобы увидеть, что происходит.

Болард подошел к Конану и встал перед ним в вызывающей позе — ноги широко расставлены, руки на ремне. Он был весь покрыт запекшейся кровью, слизью и высохшей грязью; доспехи иссечены, погнуты; плащ превратился в лохмотья.

— Орин мертв, — произнес Болард низким металлическим голосом.

Конан молча смотрел на него.

— Мне нужно Кольцо, киммериец.

Окружающие насторожились. Кольцо? Солдаты начали перешептываться. Иллес, несмотря на протесты Тайс, попытался подняться. Он сел неуклюже, опираясь на руки, и стал наблюдать.

— Кольцо.

— Нет, — коротко ответил Конан. Болард поднес руку к мечу.

— Войска больше нет, — произнес он медленно. — Орин мертв. Кольцо не помогло вам. Ни один из вас не дойдет до крепости Усхора.

— А ты, Болард? — насмешливо спросил Конан.

— Я выживу, северянин. Кольцо. Их разговор прервал Варган.

— Что за Кольцо? О чем речь?

Солдаты стали подниматься со своих мест и собираться вокруг Конана и Боларда. Один из них спросил:

— О каком это кольце вы говорите, парни?

Конан не преминул воспользоваться ситуацией. Он отступил на шаг, оглядел толпу и поднял руку, призывая всех к тишине и порядку.

— Воины, вам решать, что делать, — сказал Конан. — Слушайте меня. Я расскажу вам, почему Усхор напал на ваш город и почему Болард явился к барону Орину и начал этот поход. Слушайте! — потребовал он, стараясь перекричать все возрастающий шум голосов. — Волшебник ищет магическое Кольцо. Он разрушил Сафад, потому что узнал, что Кольцо спрятано именно гам. Орин понятия не имел об этом — а Дестан Болард знал, поскольку он помогал Усхору — до того, как волшебник проклял его и наложил на него чары, обезобразившие его лицо!

Из толпы послышались гневные голоса, и люди повернулись к Боларду, удивленные и рассерженные. Но тот был явно в себе уверен. Низким, полным ненависти голосом, он произнес:

— Отдай мне Кольцо, северянин.

— Послушайте! — Конан снова обратился к солдатам. — В Сафаде я случайно нашел Кольцо и сказал об этом Орину. Мы скрыли это от Боларда, потому что он хотел заполучить талисман только ради собственной выгоды, ради личной мести. Мы думали, что талисман защитит нас в бою против Усхора, но… Кольцо не защитило нас — чтобы его использовать, нужно иметь волшебную силу. У Дестана Боларда нет этой силы — и тем не менее он угрожал и мне, и Орину, требуя отдать талисман… он говорит, что доберется с ним до

колдуна и уничтожит его — сведет с ним счеты. А я говорю, что мы сами должны дойти до крепости Усхора и отплатить ему за смерть Орина!.. Но вы, солдаты, лично заинтересованы в исходе этого дела; поэтому вам и решать. Мы должны решить все вместе, что делать — идти к Усхору и сразиться с ним, как хотел Орин, или отдать Кольцо Боларду?

Он замолчал — весь взмокший от напряжения, — взглянул на Дестана Боларда и мрачно усмехнулся.

Солдаты прервали свои споры. Некоторые устало опустив голову, направились к своим кострам; остальные сбились вокруг одного из воинов, который вскоре выступил вперед, чтобы сообщить Конану об их решении.

В лагере воцарился тишина. Слышно было лишь жужжание насекомых, да треск сучьев в кострах. Вдалеке по воде прошлепало какое-то существо; задувал легкий ветерок, но он не мог развеять тяжелый запах крови и смерти.

Воин угрюмо произнес:

— Отдай Кольцо Дестану Боларду. Конан был ошеломлен.

— Нет! — закричал Иллес. — Нет! Вы глупцы!.. Тайс умоляла его замолчать. Солдат отвел глаза и направился к своему костру. Дестан сделал шаг вперед.

— Отдай Кольцо, киммериец, — бесстрастно произнес он.

Конан что-то проворчал и схватился за меч, чувствуя, что если он покорится сейчас Боларду, то предаст Орина — и себя самого. Но тут он уловил взгляд Варгана — тот кратко кивнул ему.

Северянин застыл, обескураженный. Варган, один из людей, составивших костяк отряда, Варган, который бился за барона против крылатых людей, подземных чудовищ и болотных тварей…

Конан упрямо покачал головой:

— Орин бы так не поступил!

— Орин погиб, киммериец. От этого Кольца у нас одни несчастья. Пусть его возьмет Болард.

— Кольцо, северянин, — жестко повторил Болард, считая дело решенным.

Конан развязал поясной мешочек, нащупал талисман и извлек его наружу. На фоне черных болот Кольцо сверкало загадочным блеском.

Дестан протянул руку и выхватил Кольцо из пальцев Конана. Затем развернулся и с высоко поднятой головой пошел прочь.

— Собака! — прорычал Конан ему вслед. Было малодушием покориться этому ублюдку… но ведь он сам сказал воинам, что подчинится их решению, каким бы оно ни было! У него просто не было иного выхода!..

— Глупцы! — закричал Иллес. — Вы глупцы! Предатели!

Конан вернулся к своему костру и устало сел у огня.

Болард вскочил в седло и, проехав через весь лагерь, остановился рядом с киммерийцем.

— Ваш поход завершен, — объявил он спокойно и твердо. — Я уничтожу Усхора. Если бы я получил Кольцо еще в Сафаде, вы все могли бы избежать гибели и несчастий; вы можете винить Конана и Орина в смерти своих товарищей — а возможно и в том, что погибнете сами. Моя же месть не за горами. Мы никогда больше не увидимся…

Он развернул лошадь и галопом понесся прочь. Тайс смотрела ему вслед, отказываясь верить в происходящее.

— Подлец! — выкрикнул Иллес в темноту — туда, где исчез Болард.

Конан повернулся к Варгану.

— И что нам теперь делать? Тот пожал плечами.

— Ждать до утра. Нам всем нужен отдых. А утром решим, как быть и как нам выбираться из этих проклятых болот.

— Да, — ответил Конан. — Да… — А затем еле слышно проговорил: — Кром! Кром…

* * *

— Он лгал мне… — шептала Тайс.

— Тише, детка, — успокаивающе бормотал ей Иллес.

Люди в лагере улеглись. Нога Иллеса почти не болела, и опухоль спала, но он все еще не мог заснуть; он думал об Орине и о его смерти; его тревожила удушливая темнота болота и пугающие звуки, доносящие со всех сторон… Юноша смотрел на затухающее пламя костра.

— Он лгал мне, — повторила Тайс.

— Кто, любимая? Говори тише…

— Дестан Болард.

— Кто? — чуть не закричал Иллес и снова попытался сесть.

Но Тайс придержала руками его голову, не давая подняться. Вспоминая о том, что так мучило ее, она заговорила почти равнодушно:

— В ночь перед тем, как мы покинули Сафад — мы поссорились, помнишь? И я выбежала в коридор. А там стоял Дестан Болард; он увидел меня и заговорил. Он был… в каком-то странном настроении. Казался добрым, почти ласковым. Я не могла этого понять. Он начал говорил о том, что судьбой нам всем назначено быть вместе, и в то же время у каждого есть свои тайные страхи и желания. Он говорил, что одним можно доверять, другим — нет, и о многом другом. Он был… он был добрым, Иллес. И я не понимала, как это может быть.

Молодой человек поднял глаза и увидел разочарование и волнение на лице Тайс.

— Он дал мне свой кинжал. Сказал, что я должна научиться владеть им — чтобы я могла защищать себя и заботиться о себе сама… что я должна измениться, потому что нам судьбой велено отправиться в этот поход. И он говорил… с такой болью, Иллес— В ее голосе прозвучало удивление. — Но не из-за того, что этот колдун сделал с ним. Он просто был так одинок. И я… я почувствовала жалость к нему.

Юноша негодующе хмыкнул. Тайс пожала плечами.

— Но он обманул меня. Я думала, он заботится обо мне, боится, чтобы со мной что-нибудь не случилось, но… это не так. Ему все равно, умрем мы или нет — он думаем только о своей мести.

Иллес устало произнес:

— Давай спать, Тайс Вот здесь — ложись рядом. Ложись спать. Мы не умрем.

Девушка сглотнула, осторожно переложил голову Иллеса со своих колен и вытянулась рядом, обняв его.

Вскоре усталость сделала свое дело, и Тайс крепко заснула; Иллес по-прежнему не мог успокоиться. Он прислушивался к звукам, доносившимся со стороны леса, смотрел на потухающие костры, прислушивался к мерному дыханию Тайс и думал об Орине.

* * *

— Конан! О боги… проснись, Конан!

Он открывает глаза и чувствует ужас в голосе.

— Конан, пожалуйста, проснись!

Это была Тайс. Конан вопросительно посмотрел ей в глаза. И в тот же миг схватился за меч.

— Что… что такое, Тайс?

— Конан! Смотри!

Девушка кивнула в сторону болот. Конан сел и тут же увидел. В глубине леса, с той стороны, откуда они пришли, к ним приближались какие-то существа. Огни, десяток желтых огней.

— Там факелы! — взволнованно воскликнул Тайс. — Кто-то идет к нам!

Киммериец поднялся на ноги и подошел к Варгану, который храпел у потухшего костра.

— Эй! — Он ударил его по ногам. — Просыпайся, Нергал тебя дери!

Тот, проснувшись, выругался, уселся и посмотрел на Конана заспанными глазами.

— Разрази тебя гром… Конан?! — В следующий миг он был на ногах и надевал доспехи. — Что такое?

— Посмотри туда.

Он кивнул в сторону леса, и Варган увидел колыхающиеся желтые огни.

— Факелы?

— Нет, Варган. Это вендийцы. Нам с Орином как-то пришлось с ними сразиться. Они шли за нами, и огни их костров были видны по ночам во время нашего похода. Это маги — жрецы.

Бородач яростно выругался.

— Буди людей! — крикнул он.

Они вдвоем быстро обошли весь лагерь, пинками и криками вырывая людей из сна.

Со стороны болот донеслись новые звуки — шлепанье сапог по воде, хлюпанье по грязи. И огни — их глаза — горящие, прыгающие, рассеивающие желтый свет…

Конан и Варган стояли с обнаженными мечами, и за ними — около тридцати человек… все напряженно ждали. Иллес и другие раненые, дожившие до утра, лежали у своих костров, и с тревогой наблюдали за желтыми огнями.

Наконец из леса появились фигуры, они шли колонной, по трое в ряд — всего около тридцати человек. Они безмолвно выстроились перед воинами. Вперед вышел главный жрец — невысокий человек, который из-за своей черной накидки был еле виден в темноте. Его лысая смуглая макушка отражала огни костра, а желтые глаза сами излучали сияние. Он приблизился к Конану и произнес с заметным вендийским акцентом:

— Мы хотим получить Кольцо Энкату.

Конан ничего не ответил. Солдаты за его спиной начали взволнованно переговариваться. Варган покачался на пятках, взвешивая в руках оба своих меча.

— Киммериец, мы знаем, что Кольцо у тебя — так сказано в пророчестве. Душа Сундара, томящаяся в преисподней, поведал нам о том, что ты снял Кольцо с его руки. Отдай его нам, или мы сами возьмем его — и тогда все вы умрете.

Конан ответил твердым голосом:

— У меня нет Кольца.

— Где же оно?

— У нас его нет.

Вендийцы, стоявшие за спиной своего предводителя, выступили вперед; они хором что-то злобно забормотали; те несколько слов, которые донеслись до уха Конана, были ему неизвестны. Затем жрецы разделились; они разом убрали руки — словно сжимали спрятанное под одеждой оружие.

Первый вендиец повторил:

— Отдай нам Кольцо Энкату.

Но прежде чем Конан успел произнести хоть слово, за его спиной раздался громкий крик, и, вскинув клинок, вперед выступил молодой воин.

— У нас нет его, слышите вы, псы! Оставьте нас в покое! Мало вам того, что вы убили почти всех наших людей?!

И он бросился к вендийцам, размахивая мечом. Главный служитель с шипеньем отступил, извлекая из-под плаща какой-то предмет, светящийся в его ладони. Солдат с диким воплем нанес удар; это было невозможно представить — но жрец поймал клинок голой рукой, и в тот же миг парень закричал от боли. Красноватое сияние пробежало по лезвию меча, скользнуло в ладонь и мгновенно растаяло; парень замертво упал на спину, от его тела поднимался дымок.

Вендиец повернул оружие рукоятью к себе, взял его и с видом знатока взвесил в руке.

— Кольцо! — прошипел он.

Конан бросился вперед и со скоростью молнии взмахнул мечом. Жрец опоздал на какую-то долю мгновения; варвар ударил его по правой руке. Тот пронзительно закричал — рука, держащая сияющий источник силы, взлетела в воздух, разбрызгивая красные капли. Следующий удар пришелся по черепу, и стоящих рядом вендий-цев запятнало кровью и ошметками мозгов.

— Убейте их! — крикнул Конан, взмахивая мечом.

И тут же Варган и все остальные закричали и бросились в атаку. Враги сблизились — солдаты с мечами и жрецы с магическими кольцами — и тут же лес наполнился лязгом и криками.

Конан вертелся смерчем, не останавливаясь пи на миг, представляя собой неуловимую цель для магии. Вокруг него ожесточенно дрались не успевшие отдохнуть, заляпанные кровью солдаты — они махали мечами, секли и рубили, ругаясь и проклиная все на свете. Киммериец видел, как один из жрецов сунул руку под плащ и достал сияющий камень; быстрый, точно мысль, он разрубил его пополам. Обернувшись, он еле успел увернуться от очередного жреца — тот пытался напасть на него сзади — и варвар вспорол ему живот; вендиец упал, согнувшись пополам и забрызгивая все кровью, когда его внутренности полезли наружу.

Тут северянин заметил воина, который, задыхаясь, упал, опутанный чарами вендийца. Конан с боевым кличем бросился на жреца; тот махнул в его сторону рукой, выкрикивая заклинания, и вокруг его пальцев начал вырисовываться сияющий ореол. Киммериец делал отчаянные выпады; и наконец жрец, сраженный в грудь, пронзительно завопил. Конан выдернул меч из раны и продолжил бой.

Варган, балансируя на кромке черной лужи у подножия холма, бился сразу с тремя загадочными служителями. Один вышел чуть вперед, и Варган пронзил его с такой силой,

что рукоять меча с треском ударилась о грудную кость. Не вынимая клинок, Варган отбросил его в сторону, и еще живой жрец закричал, падая в трясину, но тут бородач поскользнулся на влажном корне и полетел вниз лицом. Два других вендийца тут же прыгнули на него, сверкая кольцами. Одного Варган схватил за лодыжку и с силой дернул, так что тот тоже полетел в воду, но другой направил красное сияние прямо в спину Варгану. Воин взревел, и, превозмогая боль, поднялся, а затем схватил вендийца за запястье, когда тот принялся нанести ему второй удар. Затрещали кости, жрец завопил. Издав мощный звериный рык, Варган поднял его над землей, точно тряпичную куклу, выдирая из сустава руку; человек дико завизжал — плечевой сустав затрещал, и рука его отделилась, а затем шлепнулась на землю в лужу крови.

Варган швырнул оторванную руку вендийцу и оставил его умирать от кровопотери. Пошатываясь, он прошел по берегу и упал на колени возле дерева, хватаясь руками за ствол.

Солдаты, яростно сражаясь со вендийцами, осознали наконец, что имеют дело с более грозным врагом, чем предполагали вначале. Конан, столкнувшись с двумя из них, обнаружил, что придется проявить все свое умение, иначе ему не справиться с гипнотизирующими взглядами желтых глаз и быстрыми, как у кобры, движениями их рук. Одного он ударил мечом в грудь и еле увернулся от узкого луча магической силы, посланного вторым; обернувшись, Конан всадил клинок вендийцу в бок, затем вытащил его и отпрыгнул — и едва не попал под луч, испускаемый кольцом третьего нападавшего.

Один из жрецов пронесся мимо толпы сражавшихся и набросился на совершенно беспомощного раненого, который лежал на своем одеяле. Человек вскрикнул — колдовская сила поразила его в упор и убила мгновенно.

Иллес, закричав от злости, попытался выдернуть свой меч из ножен. Увидев, что вендиец повернулся к ним, Тайс вся сжалась от страха.

— Сражайся с теми, кто вооружен! — крикнул юноша подбегающему жрецу. Он ухитрился обнажить оружие, но еще не мог стоять и с трудом уворачивался от нападения. Вендиец кружил вокруг, точно хищный зверь, выискивая удобную возможность для атаки.

Тайс, глядя на вендийца широко раскрытыми от страха глазами, принялась судорожно выдергивать из ножен кинжал Боларда.

Служитель вдруг кинулся на Иллеса, выставив свое жуткое кольцо и сверкая глазами. Юноша взмахнул мечом, но тот разрезал воздух, а вендиец с легкостью уклонился и приготовился к следующему броску.

Тайс, сжимая кинжал, бросилась на вендийца. Тот как раз повернулся спиной к ней…

— Иллес!

Истошно крича, она прыгнула и изо всех своих сил ударила кинжалом. Длинное лезвие глубоко вонзилось в спину жреца; он завопил, вскинул вверх руки и упал ничком. Тайс заскулила, ее рука вцепилась в рукоять, она не могла оторвать глаз от человека, который дергался у ее ног, от крови, стекающей у него по спине.

— Еще, Тайс! — выкрикнул Иллес, пытаясь подняться. — Ударь еще раз!

Девушка взвизгнула, как от боли, резко выдернула кинжал и снова вонзила его в вендийца, затем еще и еще. Она чувствовала, как рвется плоть, ощутила, как что-то теплое и влажное стекает у нее по руке между пальцев.

— Хватит, Тайс! — крикнул Иллес, который наконец встал на колени и подполз к ней. — Хватит! — Он схватил девушку за руку, выхватил оружие и притянул к себе.

Тайс прижалась к нему и зарыдала, увидев, что его пальцы в крови.

Бой постепенно стихал. На ногах держались еще двадцать человек; остальные погибли или умирали от ран, у некоторых были перерезаны глотки, от многих исходило странное желтое свечение. Из вендийцев в живых осталось около дюжины.

Одного из воинов одновременно закололи ножами два вендийца. И вдруг один из жрецов — очевидно, главный — закричал:

— Отставьте оружие, служители Энкату, пока наш бог не начал пожинать плоды своего жертвенного урожая! Мы дадим этим глупцам последний шанс.

Люди в черных накидках отступили и собрались вместе, сверкая желтыми глазами. Солдаты угрюмо смотрели на них, ожидая, что же за этим последует.

Неожиданно Конан заметил Варгана, который, держась руками за дерево, стоял на коленях в луже крови. Увидел его и Иллес; он попытался встать, но боль в ноге была еще слишком сильной.

— Тайс, — выдохнул он. — Со мной все в порядке. Пойди, помоги Варгану — кажется, он тяжело ранен.

Девушка утерла слезы, кивнула и подбежала к Варгану. Она сдернула плащ с одного из убитых и попыталась остановить кровь, которая хлестал из раны на спине бородача, но все было бесполезно. Огромный воин упал — у него стучали зубы, а руки и ноги судорожно сотрясались

— с трудом примостился на боку и, тяжело дыша, стал наблюдать за происходящим.

— Кольцо! — прошипел вендиец в темном плаще, сверкая глазами. — Отдай нам Кольцо…

Конан взглянул на него и гневно воскликнул:

— Собаки! — Он сплюнул и угрожающе наставил меч на жреца. — Безмозглые псы! Орин был прав — Кольцо сеет безумие и смерть, и всех, кто его ищет, оно приносит в жертву. Да, и вам — его слугам — известно об этом лучше, чем другим. У нас нет Кольца!

— Нет? — усмехнулся жрец. — У кого же оно тогда?

— У Боларда. Ночью он взял Кольцо и отправился к крепости Усхора.

Услышав это, вендиец надолго замолчал. Он повернулся к жрецам, и они начали перешептываться между собой. Конан наблюдал за ними, держа меч наготове.

Вендийцы кончили шептаться, и их предводитель снова выступил вперед.

— Дестан Болард не знает, как использовать Кольцо, — произнес он мрачно. — Тем не менее мы собираемся выступить против Усхора, и нам необходима магическая защита. Раз у вас нет Кольца, мы должны просить вас об услуге.

Конан ничего не ответил.

— Мы должны принести человеческую жертву, — сказал жрец. — Это…

— Проклятье! — вырвалось у Конана, и он покрепче сжал рукоятку меча.

Но жрец невозмутимо продолжал:

— Это даст нам защиту на время путешествия к цитадели Усхора. Вы позволите нам принести в жертву одного из солдат?

Конан снова сплюнул. Сзади раздались гневные голоса. Жрец, не обращая на это внимания, принялся осматривать лагерь. Взгляд его горящих глаз упал на Варгана.

— Отдайте нам вон того человека, — произнес он торжественно. — Это доблестный воин, и несмотря на свои раны, он не желает умирать.

Из последних сил Варган выпрямился и подался вперед:

— Нет! — закричал он. — Нет! Не дай им украсть мою душу!

Конан посмотрел на Варгана; великан, прежде проявлявший отчаянную отвагу, теперь же, казалось, испытывал невыносимый ужас. Жрец злобно ухмыльнулся, сверкнув желтыми глазами.

— Не позволяй им! Вендийские собаки — вам не удастся проклясть мою душу — Варган умрет как воин. Выхолите вперед и сразитесь со мной!

Тайс пыталась удержать Варгана, но он кричал и рвался; кровь хлестала у него из спины и стекал по ногам.

— Выходите, ублюдки, и я…

— Варган! — крикнул Конан. — Не вставай! Они не…

Тот вдруг начал падать под весом своего могучего тела. Тайс завизжала. Бородач тяжело рухнул на землю; какое-то время он слабо шевелил рукой, потом затих.

— Он мертв! — хрипло проговорил Иллес. Конан повернулся к жрецам.

— Негодяи! Вы украли его душу? Главный покачал головой.

— Нет, северянин. Нам нужен другой человек для жертвоприношения. — И он снова принялся осматривать лагерь.

Конан сердито отрезал:

— Ты никого не получишь — и ничего, кроме доброго клинка в свое черное сердце, если…

И вдруг главный вендиец поднял руку и повернулся к своим:

— Слушайте!

Жрецы остановились. Конан ничего не слышал. А может, это очередная уловка вендийцев? И тут главный жрец заговорил.

— Усхор мертв, — сказал он.

* * *

Воцарилось молчание.

— Мертв? — переспросил Конан после долгой паузы.

— Мы чувствуем это, — ответил желтоглазый жрец. Остальные дружно закивали.

— Значит, Болард убил его? — спросил Конан.

— Может быть. Но даже после смерти Усхор опаснее любого живого колдуна. Необходимо убить не только его плоть; нужно уничтожить его до последней искорки души, чтобы он никогда не смог больше воскреснуть. Болард, даже имея Кольцо, не знает, как загнать Усхора в могилу навсегда.

— А что же стало с Болардом? — спросил Конан жестко.

— Возможно, он тоже мертв — ведь его жизнь была связана с Усхором чарами, которые тот наложил на него. А теперь позволь нам пройти — мы отправляемся в крепость. Жертвоприношение больше не требуется.

Конан и остальные воины зорко наблюдали за вендийцами. За ними простирались болота, начинающие светлеть — наступал рассвет. Серый пар поднимался от влажной земли; отовсюду неслись звуки, издаваемые обитателями леса.

— Дай нам пройти, — повторил вендиец. Некоторое время Конан раздумывал, наблюдая за вендийцами. Наконец он опустил меч.

— Дайте им пройти, — велел он. Медленно, осторожно солдаты отступили и

столпились по обе стороны от лагеря. Вендийцы выстроились в ряд и медленно, друг за другом, прошествовали мимо.

— Кром! — вырвалось у Конана — он с облегчением вздохнул, глядя, как вендийцы растворяются в темноте. Он взглянул на своих людей — теперь уже все негласно признали его своим вожаком — затем перевел взгляд на раненого Иллеса. Рядом с юношей сидела Тайс, изможденная, напуганная. Сквозь нависающую листву просачивался вялый рассвет; земля сочилась серым паром.

Конан подошел к лошади, отвязал ее и сел в седло.

— Что ты делаешь? — спросил Иллес.

— Я отправляюсь за жрецами, — ответил киммериец, вкладывая меч в ножны. — Мы выступили в этот поход, чтобы убить Усхора. Орин не повернул бы назад; я тоже не собираюсь. Теперь каждый должен решить, что ему делать. Мне кажется — нет смысла возвращаться тем путем, каким мы сюда пришли. Болота простираются недалеко — мы видели вчера крепость Усхора, она расположена на вершине утеса. Самое большее — полдня пути в западном направлении — и топи кончаются. Как только мы окажемся за пределами болот, можете идти куда угодно — но я собираюсь пройти этот путь до конца. Я хочу увидеть Усхора мертвым.

Иллес захлопал в ладоши. Остальные тут же решили, что отправиться на запад — это действительно самый быстрый путь выбраться из этих топей. Некоторые из солдат, обрадованные заявлением вендийцев о смерти Усхора, начали уговаривать других отправиться к башне колдуна, чтобы поживиться спрятанными там сокровищами.

— Ты сможешь сесть на лошадь, Иллес? — спросил Конан.

— Да.

Тайс помогла ему взобраться в седло и сама устроилась у него за спиной. Остальные тоже сели на лошадей, и маленький отряд под предводительством Конана отправился на запад. Стало совсем светло; и еще задолго до того, как лес стал поредел, копыта лошадей уже не проваливались в раскисшую землю.

Ближе к полудню они нагнали служителей Энкату и замедлили шаг, следуя за ними. Некоторые из вендийцев обернулись, чтобы бросить взгляд на солдат, но ничего не возразили против того, чтобы Конан и его люди следовали за ними.

Так два маленьких отряда пробирались к окраине болотных топей.

* * *

Прогремел гром. В небе низко нависли тяжелые грозовые тучи. Далеко на востоке, за чередой фиолетовых туч мелькнула молния. Тучи начали закрывать собой небо, и вскоре снова прогремел гром, на этот раз более мощный. На оконечности скалы виднелась крепость — темная, с толстыми стенами. Над ней то и дело вспыхивали зарницы.

Вечером они вступили на тропу, ведущую вверх по склону горы. Дождь не ослабевал; небо было похоже на перевернутую чашу — из-за низких вспененных облаков, окрашенных в серые, черные и фиолетовые тона. Молнии плясали где-то наверху, то и дело ударяя в деревья на вершине горы.

Путь наверх оказался не таким простым и безопасным; крепость из-за выступающих каменистых склонов и пелены дождя вскоре потерялась из виду. Конан бормотал проклятия,

раздумывая, не имеет ли смысла поискать другую дорогу; однако с болот вел только этот путь. Вендийцы невозмутимо гуськом взбирались по крутой, петляющей тропе. Иногда из-под лошадиных копыт вырывались камни — они падали и скакали вдоль склона. Один человек попал в грязевой оползень и был сброшен вниз по склону. Те, кто ехал за ним, осторожно обошли это место — кроме последнего, который вел за собой десяток запасных лошадей. Когда он начал обходить то место, где обвалился край дороги — почти вплотную прижимаясь к склону — земля вдруг задрожала и просела. Человек закричал, лошади заржали — и все вместе они заскользили вниз по склону в хаосе обрушившейся породы, дождя и грома.

Вендийцы спокойно шествовали/ни на что не обращая внимания, в том числе и на грозу, которая бушевала вокруг.

Конан видел, что дорога становится все более крутой и ненадежной. Он остановился.

— Дальше придется пешком, — сказал он остальным. — Лошади не пройдут здесь!

Вендийцы продолжали идти.

Конан слез с лошади и помог Тайс спустить Иллеса. Остальные тоже спешились, оставили коней и осторожно стали пробираться по дороге.

Вскоре они достигли скалистого пологого участка. Вендийцы легко перебрались через гряду ненадежных, шатких валунов, затем принялись карабкаться вверх по склону, круто взлетавшему вверх.

Конан начал опасный подъем. Один раз он вовремя успел протянуть Иллесу руку, который едва не соскользнул вниз с влажного камня. Затем продолжил путь.

Наконец они достигли наиболее крутого участка; здесь дорога была вся в грязи, а камни и корни, за которые можно было ухватиться, казались предательски ненадежными. И здесь Конан помогал Иллесу и Тайс. Со скалы сорвался еще один человек — корень, за который он уцепился, сломался, и солдат полетел вниз; Конан, который взобрался выше остальных, видел, как он летел, размахивая руками и ногами. Он быстро исчез за пеленой дождя, и киммериец не видел, как он ударился о землю.

Конан продолжил восхождение; склон был таким крутым, что ему пришлось использовать меч в качестве упора. И вдруг, совершенно неожиданно — он оказался на вершине. Варвар успел заметить, как жрецы один за другим исчезали за воротами крепости.

Замок оказался огромным, почти таким же высоким, как стены Сафада; он был выстроен из мраморных и обсидиановых блоков. С зубчатых стен вбок выдавались три башни, а открытая дверь в стене казалась пастью гигантского змея. Дождь постепенно затихал, но облака нависали так низко, что закрывали верхушки башен.

Последний из жрецов скрылся за воротами. Конан направился туда же, а в это время солдаты один за другим перелезали через край скалы.

…Двадцать крутых ступенек — и киммериец оказался в просторном коридоре. Внутри было хотя и холодно, но сухо. Снаружи раздавались раскаты грома и стук капель по камням. Тайс жалась к Иллесу, держа кинжал наготове.

Коридор привел в просторный зал, здесь стояли вендийцы — неподвижно и молча они взирали на Конана и следовавших за ним воинов. Во мраке их желтые глаза сверкали, точно угли.

Жрецы прошли через огромный темный зал. Каменные плиты, которыми был выложен пол, украшали странные резные узоры — плавные и угловатые — и Конан заметил, что вендийцы обходят их очень осторожно, не наступая на причудливые знаки и символы. Он

тоже стал обходить узоры, а вслед за ним и солдаты.

За дверью в дальнем конце зала обнаружился длинный темный коридор. Факелы здесь не горели, лишь в конце коридора светилось что-то красное.

Жрецы двинулись по коридору как и раньше, гуськом. Они передвигались совершенно бесшумно; служитель, который шел первым, то и дело останавливался в ожидании — словно чувствовал впереди какую-то опасность; затем он шел дальше, сделав сначала шаг вправо или влево. Остальные молча двигались за ним.

И вдруг пронзительно закричал первый вендиец. Раздался резкий грохочущий звук камня, трущегося о камень. Жрецы остановились.

Конан слышал, как крик становился все тише и тише, словно жрец быстро удалялся на огромное расстояние. Двигаясь почти вплотную к последнему вендийцу, он заметил, что по коридору ползет зеленоватый дым.

— Не вдыхайте его, — прошептал ему жрец. — Он быстро рассеется, но сейчас он очень опасен.

Конан прикрыл рот рукой; остальные последовали его примеру. Продвигаясь по коридору, он увидел, что в том месте, где на полу были вырезаны узоры, чернело предательское отверстие ловушки. Туда-то и. провалился тот жрец, который шел первым, и именно оттуда поднимался зеленый смертоносный дым.

Проходя мимо светильника, каждый из жрецов поднимал руку и шептал какие-то слова. Дым плыл тонкими струйками, распространяя странный запах. Перед тем, как миновать светильник, последний из вендийцев показал Конану жестом, чтобы он прошел вперед.

— Держись подальше от дыма, — предупредил он. — Иди до конца коридора, и жди там.

Конан двинулся вперед. За ним шли Иллес с Тайс, затем остальные солдаты. Когда вся колонная миновала светильник, вендиец велел им идти дальше — и в этот момент ароматный дым заколыхался, его ленивые спирали начали быстро вращаться. Словно усик растения, тонкая струйка проползла в воздухе и бесшумно опутала руку солдата, шедшего последним.

— Оно схватило меня! — закричал солдат. — Помогите! — Он махал мечом, но все было бесполезно; дым становился все гуще и наконец окутал парня со всех сторон. Тот упал на колени и исчез в красноватом тумане; дым окружил его кипящим облаком. Крики солдата становились все тише…

Жрец произнес какое-то слово и прошел мимо. Красный дым постепенно рассеялся; его тонкие струи уползли обратно в железный светильник. На полу неясным пятном темнел труп — лицо и руки были обожжены до костей и странно блестели.

Дойдя до конца коридора, первый жрец подал рукой какой-то знак. Конану казалось, что коридор кончается тупиком, но в то мгновение, когда вендиец сделал жест, стена начала вдруг отходить в сторону — медленно, с тяжелым скрежетом. Через некоторое время все стихло. Жрец вошел в образовавшийся проем; остальные последовали за ним.

И вновь последний вендиец приостановился.

— Держитесь ближе, — предупредил он. — Мы сейчас войдем в зал, который покажется вам безобидным, но знайте, если вы замешкаетесь, то просто сойдете с ума. Идите за мной быстро, след в след- И ни на что не отвлекайтесь, иначе пропадете.

Он повернулся и вошел в темный проем. Конан перевел дух, затем повернулся к Иллесу.

— Ты сможешь пройти здесь?

— Да, Конан, смогу. Тайс, иди вперед. Глядя на возлюбленного, девушка помедлила; затем встала за спиной Конана.

— Быстро вперед! — скомандовал Иллес тем, кто шел за ним, и они двинулись внутрь.

Глава восьмая
Мертвый… и живой

Новое помещение выглядело странно. Это был очень большой зал, однако стены его не были ни прямоугольными, ни округлыми, ни овальными — Конан так и не сумел дать им название. И у него были очень странные углы. По мере того, как Конан шел вперед — зал как будто наклонялся и искажался. Эффект был такой же, как в той комнате во дворце Сафада, куда привел его Сундар. Все вокруг — стены, и пол, и потолок — украшали рубленые узоры; несмотря на темноту, Конан видел, что они тускло светятся. Чем дальше они продвигались, тем внимательнее и точнее Конан ставил свою ногу туда, где только что ступал вендиец.

— Иллес, Тайс, — позвал Конан, — вы здесь?

— Да, Конан, — ответил девушка.

Их голоса тоже звучали странно. Конан едва слышал их; даже собственный голос будто бы издалека донесся до него; когда он говорил, ему казалось, что слова под влиянием странной атмосферы зала как-то удлиняются, вытягиваются, и речь звучит протяжно и медленно. И еще у Конана возникло ощущение, что они идут медленнее, чем мог бы ползти человек, и оттого что они двигаются этим извилистым путем, у него кружится готова, как, впрочем, и от самой комнаты.

Конан увидел дверной проем — тускло освещенное отверстие прямо впереди. Вендийцы, однако, не пошли к нему, а взяли правее, а затем вообще повернули в другую сторону. Северянин не понимал почему…

Когда идущий впереди жрец резко свернул в сторону, варвар смотрел на проход. Он находился прямо перед ним; два шага — и он покинул бы этот жуткий зал и оказался снаружи. И все же он не стал рисковать, убежденный, что лучше без оговорок следовать примеру вендийцев.

Он свернул вбок и последовал за жрецами. Тайс, Иллес и остальные солдаты в точности повторили его путь.

— Там дверь, — раздался голос одного из солдат. — Мы можем здесь выйти!

— Иди след в след, — сказал ему второй. — Мы же не знаем, что…

И тут первый закричал. Конан замер, затем оглянулся. Тускло освещенный проем, а на его фоне — в воздухе — человек, точнее его фигура, которая быстро уменьшалась! Крик постепенно затихал, становясь все ниже по тону и все более неясным.

Конан взмок от напряжения. Идущий впереди вендиец повернулся к нему и предупредил:

— Иди, как я иду — здесь много таких дверных проемов!

Но что за ними? Куда они ведут? Конан крепче сжал рукоять меча.

Они миновали еще один проход, затем еще один. Комната как будто наклонялась под странным углом.

— Смотрите перед собой, — предупредил вендиец. — Только не в стороны — иначе вы потеряете равновесие и окажетесь в других сферах.

Наконец Конан увидел первого жреца — далеко впереди — он выходил из комнаты в последний тускло освещенный дверной проем. Один за другим вендийцы покидали темную, странно угловатую комнату. Затем вышел наружу и Конан, за ним Иллес, Тайс и остальные

воины.

Северянин глубоко задышал, чувствуя, как спадает напряжение. Вендийцы сбились вместе в небольшой комнатке, освещенной лишь одной лампой, которая была подвешена на цепи под высоким потолком.

В конце комнаты виднелся лестница, ведущая к большой каменной двери.

— Это обитель Усхора, — сообщил один из жрецов. — И все же мы должны набраться терпения — нас еще ждут испытания.

Конан был озадачен, но промолчал. И никто из шедших следом не осмелился ничего сказать.

Жрец присоединился к остальным вендийцам, которые стояли лицом к каменной двери. Киммериец с интересом наблюдал за происходящим. Колдуны уставились не то на дверь, не то на что-то прямо перед ней, что-то невидимое для Конана. Почудилось ли ему, или наверху и вправду слегка заколыхался воздух?..

В комнатке раздался низкий гул. Он становился все громче, и теперь Конан отчетливо видел какое-то мерцание перед дверью. Затем оно приобрело сероватый оттенок и какие-то пока еще неясные контуры.

И тут же очертания мерцающего пятна стали более отчетливыми, а цвет и детали — более ясными. Оно окрасилось багрянцем; внутри него переливались и другие цветовые пятна. Конан уже мог различить контуры светящихся глаз, затем изгиб челюсти — огромный рот, окаймленный рядом огромных острых зубов, узловатые, мощные ноги, крупные лапы и утыканный колючками хвост. Затем пятно перестало колыхаться, все отдельные детали непонятным образом срослись, и перед дверью возникло создание пурпурного цвета с зелеными глазами, красной пастью и белыми рогами.

Незримое чудовище — оно стояло на охране двери, ведущей в покои Усхора, и стало видимым только благодаря магическим силам вендийцев.

Один из жрецов вдруг резко задышал и упал ничком. Остальные не обратили на это никакого внимания. Странный гул — концентрированная энергия, а может быть, колебания колдовской силы, исходящие от создания у двери — становился все громче. Тайс не могла его больше слушать и прижала руки к ушам.

Существо молча глядело на них, угрожающе разевая пасть, с кончика языка исходили волны света. Его острые когти то втягивались, то вытягивались, как будто тварь ждала удобного момента для нападения.

Гул стал почти невыносимым. Теперь уже Конану и всем остальным пришлось заткнуть уши.

И вдруг существо поблекло, и произошло это очень быстро. Тварь засветилась и начала переливаться такими яркими цветами, что киммериец едва не ослеп. Вскоре гул стих, и Конан, открыв глаза, обнаружил, что перед дверью виднеется лишь слабое мерцающее свечение — как в самом начале.

Затем исчезло и свечение, и на том месте, где стоял монстр, на полу осталось лишь широкое черное пятно — как будто там жгли костер.

Некоторое время вендийцы стояли не шевелясь и тяжело дышали, восстанавливая дыхание. Двое жрецов помогли подняться упавшему. Постепенно он пришел в себя и поблагодарил своих товарищей.

Наконец один из вендийцев двинулся вперед, поднялся по короткому пролету к каменной двери, положил руку на замок — и тут же отдернул ее. Из засова выскочили

длинные стальные иглы, смазанные какой-то зеленой слизью, ядовитой на вид. Вендийца спасла лишь его осторожность и быстрота реакции. Он сунул руку под накидку, извлек оттуда светящееся кольцо, сунул его в полоску света, струящегося через щель между дверью и косяком, и начал вертеть его. Металл скребся о металл. Вендиец крутил кольцо и смотрел, что получается. Время шло.

Запор издал металлическое лязганье. Вендиец толкнул дверь, и она со скрежетом начала открываться. Служитель вошел внутрь, за ним последовали остальные жрецы, Конан и воины.

Комната была темной и просторной, но имела низкий потолок. Стены украшали мрачного вида гобелены; вокруг были расставлены каменные столы и скамьи; на высоких железных треножниках были установлены светильники.

На полу лежало распростертое тело — по черным доспехам и изодранному плащу Конан узнал Дестана Боларда. Тот был мертв.

В центре комнаты на ступенчатом возвышении стоял трон, очевидно, очень древний, и на троне возвышалось мертвое тело худого человека, облаченного в колдовские одежды. Это был Усхор — из груди его торчал меч Боларда.

Он мало напоминал создание, способное вызывать дикий страх, или владеть столь редкой и необычной магической силой. Тело было высохшим, серая кожа изборождена морщинами, пальцы тонкие, как когти. Даже после смерти его голова не упала на грудь, а была высоко поднята, губы плотно сжаты, ноздри раздуты. Глаза были открыты и словно светились слабым серебряным блеском.

— Дестан Болард проник сюда, имея при себе Кольцо, — сказал один из жрецов. — Оно защищало и направляло его. Он ударил Усхора мечом и пронзил колдуна насквозь.

Остальные вендийцы дружно закивали.

— Но почему умер Болард? — спросил Конан. — Смотри. — Вендиец наклонился к телу коринфийца и повернул его левую руку ладонью вверх. В середине ладони виднелся маленький прокол, а сверху — зеленая слизь.

— Отравленная игла! — воскликнул Конан.

— Верно. Кольцо защитило его от стражей сверхъестественной природы и колдовских миражей, и все же оно не смогло справиться с обычными, материальными опасностями. Тем не менее, он успел войти сюда и убить Усхора.

Вендиец склонился над Болардом и взял другую его руку. Конан увидел Кольцо Энкату — сияющее, искрящееся…

И вдруг левая рука трупа обхватила горло вендийца. Мгновение тот нелепо метался, схваченный с нечеловеческой силой — как крыса в зубах у волка; правой рукой мертвый Болард ударил вендийца в лицо. Раздался треск костей, брызнула кровь, а затем Дестан отпустил жреца, и тот, корчась, упал на каменные плиты.

Остальные испустили вдох изумления — тело Боларда медленно поднялось на ноги. Странный свет лился из глазных щелей его шлема — светлый, серебристый — точно так же светились глаза мертвого Усхора.

— Им завладел Усхор! — заверещал вендиец. — Когда он умирал, на него все еще действовали чары колдуна!

Жрец воздел руки и начал по-вендийски читать какие-то молитвы; остальные сделали то же самое. В комнате все зазвенело от их голосов, жрецы произносили слова с одинаковыми интонациями. Тем временем Болард, ни на что не обращая внимания,

неуклюже направился к служителям — его манера передвигаться напоминала походку мертвых наемников на болоте.

— Кольцо! — прошептал Конан. — Оно же защищает его…

Вендийцы перестали молиться и начали пятиться — труп Боларда неуклюже, но верно шел прямо к ним. Испуганные воины начали протискиваться за дверь, Конан же, ухватив меч обеими руками, уверенно двинулся вперед.

— Сейчас мы прикончим его! — выкрикнул он, сверкая глазами.

Болард повернулся к Конану — сжав кулаки, но никак не пытаясь защитить себя. Северянин налетел на него, издав боевой клич — и со всей силы вонзил меч прямо в широкую грудь коринфийца. От столь мощного удара бляшки кольчуги начали ломаться и отрываться, а отличная немедийская сталь пронзила тело насквозь. Но в то же самое мгновение Болард нанес удар правой рукой. Конан почувствовал этот удар — как будто по его боку прошлись кувалдой; пролетев через всю комнату, он со всего маху упал на пол.

Киммериец приподнялся на локте, пытаясь восстановить дыхание. Мертвец направлялся к остальным, все они — что вендийцы, что солдаты — пытались спастись бегством через дверь.

Только Иллес, не обращая внимания на раненую ногу, смело встречал ожившего мертвеца с поднятым мечом.

— Иллес, не надо! — выдохнул Конан, изо всех сил пытаясь подняться. — Это не человек!

Но отважный юноша сделал то же, что и Конан — вонзил меч прямо в грудь мертвеца. Тот левой рукой сжал локоть Иллеса, так что юноша закричал от боли. Болард отвел правую руку, готовясь нанести сокрушительный удар…

— Иллес!

Конан обернулся на голос — в нем слышалась боль и ярость — и увидел Тайс, держащую в руке кинжал Боларда. Не думая об опасности, девушка бросилась между Иллесом и мертвецом и ударила прямо по доспехам коринфийца. Кинжал отскочил от кольчуги, даже не поцарапав ее, но Болард как бы в удивлении отпустил Иллеса — в это время вторая рука его по-прежнему готовилась нанести удар. Юноша тут же отскочил назад; он был слишком удивлен, чтобы по-настоящему осознать, кто спас его.

— Болард — ты солгал мне!..

Тайс ударила снова, и на этот раз, благодаря то ли везению, то ли ее решимости, кинжал прошел сквозь кольчугу и погрузился в плоть по самую рукоятку. Мертвец взревел — так, как будто на мгновение стал живым человеком — а затем тяжело повалился на пол.

— Тайс! — Иллес подбежал к девушке и крепко стиснул в объятиях. — Тайс — с тобой все в порядке?

— Иллес, — прошептала она. — Я думала… О, Митра! Что я наделала?

Пришедший в себя Конан, поднявшись на ноги, подошел к Иллесу и Тайс.

— Ты убила Боларда! — воскликнул он. — Почему это удалось тебе — а не нашим мечам и не магии вендийцев?

— Я… я не знаю. О, Митра!

Конан обернулся. Холод пробежав по его спине. Из-под черного шлема раздался голос — низкий и глухой!

— Тайс, — шепотом произнес Болард; все, кто были в комнате, прислушивались к нему, замерев от страха. — Тайс… спасибо тебе. Ты спасла мою душу. Мой подарок вернулся ко

мне…

Затем голова в черном шлеме упал на пол и затихла. Сквозь щели больше не струился жуткий свет. Правая ладонь мертвеца разжалась, и что-то сверкнуло на ней.

Кольцо…

Один из вендийцев подошел к мертвому и встал возле него.

— Этот человек теперь и впямь мертв, — произнес он наконец. Затем жрец наклонился и взял Кольцо Энкату. Казалось, что в темной комнате оно светилось и переливалось ярче обычного.

— Братья, — произнес вендиец, поворачиваясь к остальным. — Время пришло.

* * *

Он подошел к возвышению. Остальные вендийцы встали вокруг трона, окружив его со всех сторон. Конан, не отрывая глаз от тела Усхора, одновременно следил за движениями жрецов. Каким-то образом он чувствовал, что последний бой с колдовством только начинается.

Медленно, осторожно вендийцы окружали трон все более плотным кольцом, не переставая в унисон повторять какую-то молитву, все громче проговаривая слова. Конан, глядя на тело Усхора, вдруг затаил дыхание. Его сердце забилось чаще.

И тотчас глаза колдуна сверкнули — яркие, точно звезды. Его голова резко, судорожно дернулась; его руки, тощие, точно лапы ящерицы, начали подергиваться и рассыпаться — кусочки кожи отслаивались и превращались в пыль. Гобелены, развешанные вдоль стен, зашевелились, заколыхались — хотя в комнате не чувствовалось ни дуновения.

Вендийцы сходились, окружая трон его все плотнее и плотнее. Их странные голоса эхом разносились по комнате. Воздух наполнил запах курений; Тайс закашлялась и уткнула лицо в грудь Иллеса.

Усхор пытался пошевелиться, но руки его были словно пришпилены к подлокотникам трона. Из глотки колдуна вырвался свист; рот открылся, обнажая острые коричневые зубы. Его голова по мере приближения вендийцев окостенело поворачивалась то в одну, то в другую сторону; молитвенные причитания жрецов перешли в завывания, и вокруг вендийцев образовался странный ореол.

Жрецы обступили трон так плотно, что почти касались его. Кольцо Энкату окружало их слепящим сиянием; этот ореол дрожал и переливался, точно цветные блики на водяных волнах — золотые и красные, желтые, голубые и зеленые — они мелькали, дрожали на смуглой коже и темных накидках вендийцев.

Усхор вдруг начал с шипеньем извиваться. Видно было, как под накидкой дергаются ноги, пытаясь найти силу, чтобы поднять тело; колдун тщетно хватал руками воздух. Глаза его зажглись демоническим огнем. Конан почувствовал, что больше не может смотреть в них,

Ореол вокруг вендийцев стал ярче. Усхор неистово бился, извивался — он пытался бороться с силой Кольца и магической энергией жрецов, кипел от ненависти и желания ценой своей жизни отомстить врагам.

Неожиданно один из вендийцев вскрикнул. Невидимой силой жреца отшвырнуло назад, а затем подняло в воздух, где он беспомощно извивался, издавая пронзительные крики. Затем

криков не стало слышно — хотя его рот все еще беззвучно открывался…

И вдруг человек упал. Его голова ударилась каменный пол с такой силой, что из трещины в черепе брызнула кровь. Конан пробормотал проклятие; Тайс заскулила, и Иллес ладонями прикрыл ей лицо.

Вендийцы сомкнулись, прикрывая брешь. Усхор шипел, сотрясая воздух — точно клубок загнанных в угол гадюк. Он переводил взгляд от одного вендийца к другому. Хор их голосов напоминал шум океанских волн. Один из светильников вдруг опрокинулся и со звоном покатился по каменному полу, разбрасывая горящие угли. Конан стоял, взмокший от напряжения, ему очень хотелось яростно закричать, подбежать к Усхору и пронзить клинком его черное сердце. И все же он не осмелился это сделать — ведь здесь сражались силы, против которых меч был бессилен.

Второй вендиец с криками отлетел назад и упал прямо на горячие угли; он завизжал от боли и закатался по полу — его накидка вспыхнула. Конан и двое воинов подбежали к жрецу и помогли погасить пламя. Остальные служители продолжали смыкаться вокруг трона. Переливающееся сияние Кольца Энкату стало теперь таким ярким, что Конан почти не видел Усхора.

Вендиец, державший талисман, поднялся на первую ступеньку возвышения. Его сподвижники двинулись вслед за ним. Усхор шипел и извивался, хватал руками воздух и дергал ногами. Жрецы поднялись на вторую ступень. Теперь Конан вообще не видел Усхора — его заслоняли накидки вендийцев и мерцающее сияние Кольца.

И вдруг из центра ореола поднялся столб дыма. Шипенье, издаваемое Усхором, перешло в завывание, затем в протяжный крик. Это был даже не крик животного ужаса, который Конан так часто слышал во время битвы, нет, это был безумный, пронзительный вопль души, осужденной на съедение демонами преисподней. Серая пыль облаком взвилась вверх, просочилась между телами вендийцев, осела на ступенях возвышения.

Усхор продолжал вопить, так что у людей готовы были лопнуть барабанные перепонки.

Конан заткнул уши. Сбоку на возвышение осело очередное облако пыли. Последний крик Усхора начал смолкать, а затем и вовсе затих. Конан опустил руки; вендийцы замерли. Мерцающее сияние Кольца Энкату стало угасать, и комната, освещаемая теперь лишь редкими факелами, постепенно погружалась в полумрак.

Изможденные вендийцы отошли от трона; они стояли, пошатываясь, и терли глаза руками. На троне лежали останки Усхора — обугленная мумия, бурая, высохшая. От накидки остались лишь обожженные лохмотья, из глазниц сыпался пепел. По бокам трона тянулись следы золы — прах Усхора, который каскадами обсыпал возвышение трона, — они тянулись до самого пола.

Вендийцы повалились на пол, жадно хватая воздух. Один из солдат обошел комнату и открыл все окна. Внутрь ворвался воздух, — чистый, свежий, влажный после грозы. Затем он услышал легкий стук — это от дуновения ветра обвалился скелет Усхора; череп упал на тазовые кости и развалился на мелкие кусочки. Кости рук с клацаньем отделились от плеч; одна нога отлетела в сторону, увлекая за собой другую, и обе, ударившись о каменные плиты пола, превратились в костяную крошку.

Конан, не в силах больше сдерживать напряжение, подбежал к возвышению. Он подлетел к трону, поднял меч и с силой опустил его на скелет. Сталь с лязганьем ударилась о камень, и то, что осталось от черепа, тут же превратилось в прах. Снова и снова Конан яростно взмахивал мечом, и остановился только тогда, когда трон и возвышение покрыли

кучки буроватой пыли.

Когда он покончил с останками колдуна, к трону подошел один из вендийцев. Он сунул руку под накидку и извлек маленький пузырек, открыл его и окропил прах Усхора темной жидкостью. Прах загорелся; пламя вспыхнуло оранжевым и зеленым, и вскоре потухло. Комната наполнился острым ароматом.

— Последний путь закрыт, — произнес наконец вендиец. — Теперь Усхор никогда не вернется. От его тела не осталось ни следа, и душа принесена в жертву Энкату.

— А Кольцо? — спросил Конан.

— Оно будет храниться у нас, мы надежно его спрячем. Мы наложили на него чары такой силы, что никогда ни один маг не узнает о его существовании и не подумает завладеть им.

— О нет! — воскликнул Конан. — Этот проклятый талисман нужно уничтожить! Сколько людей из-за него сгинуло и было ввергнуто в безумие? Если его оставить, сколько еще народу будет мучиться и сойдет с ума только для того, чтобы утолить голод Энкату?

Вендиец вздохнул — был ли это вздох сожаления? — и ответил:

— Этого никогда не случится, северянин. Старейшие создали нас смертными, чтобы их голод можно было утолять, но средства, которыми они направляют к себе наши страдания, вечны. Кольцо нельзя уничтожить, по крайней мере всеми известными доныне физическими и колдовскими способами, и любая попытка сделать это приведет Энкату в такую ярость, что на гибель будут обречены целые народы. Только надежно спрятав Кольцо и принеся ритуальную жертву, мы спасем человечество от гнева Энкату.

Конан устало сошел с возвышения, взглянул на Иллеса, Тайс и остальных своих спутников. Хотя бы нескольким удалось выжить. И все же он подумал, что этих людей всю жизнь будут преследовать страшные воспоминания.

— Ты и твои люди — вы можете уйти когда захотите, — сказал вендиец Конану. — Коридор, ведущий через крепость, теперь безопасен. Обманных путей больше не существует; все демоны, охранявшие это место, исчезли.

Конан вдруг заметил, что глаза этого человека больше не горят желтым светом; и глаза остальных вендийцев, которые восстанавливали силы и по одному поднимались на ноги, тоже выглядели обычно. И все-таки он ощущал в отношении этих людей неприязнь — ведь они жили колдовством только затем, чтобы расположить к себе богов, питающихся человеческими душами.

— Ты осмеливаешься презирать нас, — произнес вендиец, словно прочитав его мысли, — а между тем вы все радуетесь жизни, и можете делать это только благодаря орденам, подобным нашему, члены которых призваны ублажать Старейших. Будь благодарен, что наше бремя лежит Не на твоих плечах!

— Возможно, когда-нибудь, — ответил на это Конан, сверкнув глазами, — мы сумеем уничтожить этих ужасных существ — уничтожить, а не "ублажить" их. И тогда мой меч сослужит славную службу!

Вендиец отвесил легкий поклон, развернулся и вышел из комнаты. Остальные гуськом последовали за ним, и вскоре все жрецы исчезли. Конан повернулся к друзьям.

— Они возвращаются на родину, унося с собой Кольцо, — сказал он. — Нам тоже следует подумать о том, куда идти дальше. Поход Орина завершен.

Иллес кивнул.

— И все же спешить не следует. Думаю, вендийцы полностью очистили эту крепость от

колдовства. Мы можем оставаться здесь до тех пор, пока не отыщем золото Усхора — если оно вообще здесь есть — а затем поделим его между собой, хотя… уж боги-то знают, что оно никогда не восполнит того, что мы потеряли. А теперь, когда кончился дождь, нужно спасти наших бедных лошадей, оставленных на тропе…

— А потом, — спросил его Конан, — вы хотите вернуться в Сафад?

Юноша покачал головой. Тайс сказала:

— У меня в Мессантии дядя. Мы отправимся туда.

Конан посмотрел на остальных.

— Мы пойдем своей дорогой, — произнес один из солдат, — разбредемся по разным городам и странам. Все, что нам остается — опять наняться к кому-нибудь на службу…

Конан глубоко вздохнул и вложил меч в ножны. Эти люди больше не подчинялись ему, и он снова стал точно таким же наемником, как и прежде. Он собирался отправиться в путь в одиночку; куда — он и сам пока не знал.

Воины вышли из комнаты и разбрелись на поиски золота Усхора. Иллес направился было за ними, но остановился у тела Боларда, недвижно лежащего на полу.

— Тайс, — шепнул он, — никак не могу понять, как это тебе удалось убить Боларда, если Конан и я…

Тайс опустилась на колени возле трупа.

— Мне… мне кажется, я знаю, Иллес. Теперь я понимаю, что Болард не лгал мне…

— Что ты имеешь в виду?

— Он… он действительно был добр ко мне, в ту ночь, когда подарил этот кинжал. Он сказал, что никакие чары не лежат на этом оружии, но я думаю, что он, сам того не ведая, передал кинжалу собственное заклятие. И в конце концов эта доброта спасла его душу от Усхора. Не смейся, Иллес — ты же помнишь, что сказал мне Болард перед смертью.

Иллес озадаченно нахмурился.

— Может, и так, а может быть, просто удар Конана, а затем и мой ослабили его достаточно, чтобы…

— Думаю, Тайс права, — перебил его Конан. — Как бы то ни было, Тайс, я никогда не видел более смелого поступка, чем твой — когда ты бросилась на Боларда, защищая жизнь Иллеса!

— Да, да! — горячо согласился юноша. — И все-таки одна вещь не дает мне покоя. Кольцо защищает от воздействия колдовских сил, и один раз с его помощью мы спасли Боларда, и все же Кольцо не сняло с него проклятья, обезобразившего его лицо, и позволило Усхору захватить его мертвое тело…

На этот раз нахмурился Конан.

— Боюсь, я понял, в чем тут дело, — сказал он. — Заклятие Усхора связало их жизни ужасной тайной, настоящей тайной, которую этот человек всегда старался скрыть от самого себя.

— Но откуда ты можешь это знать? — спросил Иллес.

— Я видел его лицо! — произнес Конан и в его голосе послышались нотки отвращения. — Однажды ночью он открылся мне, и я понял, что за чары лежат на нем. Кольцо могло защитить Боларда от колдовских уловок — когда касалось его плоти, но…

— Так его лицо тоже было своего рода уловкой, миражом?

— Нет! — Конан нахмурился. — Нет, его лицо было реальным. Усхор придумал для Боларда самое тяжкое для человеческого существа наказание — голое, ничем не прикрытое

понимание того, кто ты и что ты. Никто не сможет жить с таким пониманием; вот почему мы создаем мифы и придумываем истории о собственной природе — Конан тяжело вздохнул и провел рукой по глазам, словно отмахиваясь от жуткого видения.

— Я никогда не видел его лица, — проговори юноша. — И не понимаю, о чем ты говоришь…

— И все-таки Болард не был негодяем, — улыбаясь, сказала Тайс. — Теперь я знаю это точно. Он не лгал мне, а его доброта очистила его самого. Смотрите! — Она нагнулась и обеими руками ухватилась за черный шлем.

— Не надо, Тайс! — одновременно Вскричал Конан и Иллес.

Но девушка, обнаружив, что шлем крепите при помощи ремешков, срезала их кинжалом, подаренным Болардом.

Кожаные застежки отпали, Тайс отложил нож и стянула с головы Боларда черный шлем. Киммериец инстинктивно отвернулся. Затем услышал тяжелое дыхание Иллеса.

Чувствуя, как внутри у него все холодеет, Конан медленно повернулся, чтобы посмотреть н лицо, прежде вызывавшее только ужас.

Он увидел смеющуюся Тайс, по щекам которой текли слезы. Рядом лежало тело Боларда, без маски — и лицо его казалось красивым, безмятежным и мужественным — каким оно был до встречи коринфийского воина с Усхором…